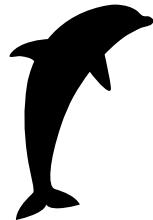

Игорь Пронин

Пираты

Книга первая
ОСТРОВ ДЕМОНА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Пронин, И.

П81 Пираты. Книга первая: Остров Демона. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 272 с.

Середина семнадцатого века. Уже сломлена гегемония Испании в Вест-Индии, и решающую роль в этой борьбе сыграл «железный пират королевы» сэр Френсис Дрейк. Юнга Джон Мак-Гиннис, впервые отправляясь в Новый Свет, ждал приключений. Вот только не знал, как много в них будет крови и золота, лжи и даже колдовства. Девушка Кристин, родившаяся на пиратском корабле и вскормленная козой, научит Джона понимать удивительную, ни на что не похожую романтику Карибского моря, где каждый – пират, но не каждый имеет смелость поднять «Веселого Роджера». Погоня за золотом приведет их на Остров Демона, где ждут лишь новые загадки...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

ISBN 978-5-904454-26-5

© Рыков К., 2010
© Пронин И., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бриг «Устрица»

– Это ты, что ли, Джон Мак-Гиннис?

– Да, сэр!

Капитан Бриджис снова уткнулся в принесенное мной письмо, и я заметил, как сильно дрожат его руки. Это меня не удивило. Во-первых, о пьянстве моряков всегда ходили легенды. В представлении фермеров, среди которых я вырос, в море и делать-то больше нечего – корабль плывет, а ты знай себе наливай. Во-вторых, я уже слышал, что карьера Бриджиса в Королевском Флоте рано закончилась именно из-за пристрастия к спиртному. И в-третьих, на столе стоял стаканчик с вонючим виски, хотя капитан всего лишь завтракал. Дед Джон, царствие ему небесное, учил меня, что это просто таки неприлично. Сам-то он с утра предпочитал старый добрый эль.

– Шотландец... – пробурчал капитан и поднял на меня бледно-голубые глаза с красными прожилками в белках. – Пас бы своих овец, что тебе от меня нужно? Ты хоть по-английски говоришь?

– Говорю, сэр! По матери я англичанин, а воспитывал меня ее отец, мой дед. Кроме того, сэр, у меня нет овец. Я сирота и все мое одето на мне. Впрочем, в наши времена имеющим собственность приходится еще труднее, чем неимущим.

– В наши времена! – передразнил Бриджис, имитируя мой несуществующий шотландский акцент, и отхлебнул из стакана. – Что ты можешь знать о наших временах, овцепас голоногий? Не смей умничать, если хочешь служить на моем корабле! Впрочем, это хорошо, что ты сирота. Если придется выкинуть тебя за борт, буду знать, что никого этим не расстрою.

– Так вы берете меня, сэр?! Премного благодарен! Клянусь, вы не пожалеете – я с детства приучен к труду и...

– Заткнись! – рявкнул капитан. – Рот будешь открывать только по моему приказу. Кстати, если ты жаден, как все горцы, то с удовольствием напомню: юнге плата не положена! А коли по-пробуешь показать шотландский норов – мигом окажешься в воде. Убирайся на берег, там где-то должна быть наша шлюпка. Скажешь старому жулику Мерфи, что поступаешь пока в его распоряжение.

Он опустил голову к тарелке и тяжело вздохнул. Можно было догадаться, что желудок капитана не слишком расположен принимать пищу. Поняв, что разговор окончен, я напялил дедовскую шляпу на голову и вышел из маленькой гостиницы, где и происходил разговор. Стоял необыкновенно теплый май 1650 года от Рождества Христова.

Выглядел я тогда полнейшим чучелом даже по меркам наших небогатых краев, но не осознавал этого. Да, латаные на коленях штаны были маловаты, старый дедовский камзол наоборот, велик, и все это порядком запачкалось во время пути. Но, по крайней мере, у меня был камзол! И шляпа имелась самая настоящая, как у джентльмена, а не соломенная, в каких ходят мальчишки на фермах. Мне было шестнадцать лет и ничто не могло меня расстроить: ни насмешливые улыбки прохожих, ни пустота в желудке, ни этот грубый, с утра пьяный капитан.

Последние годы моей жизни с дедом Джоном оказались довольно тяжелыми. Дед никогда не был хорошим хозяином – старый солдат, он лишь на старости взялся за сельский труд. Денег, скопленных на службе у Его Величества, как раз хватило на приобретение крохотной фермы, которая год за годом исправно приносила нам убытки. Смею надеяться, я свой кусок хлеба отрабатывал честно. Но сперва был слишком мал, чтобы помогать всерьез, а потом на наших островах началась такая заваруха, что дела просто не могли идти хорошо. Процветали

лишь торговцы, да и то лишь те, что связались с контрабандой. Мятежники всех мастей правили бал в совсем недавно могучей Англии, а пуще всех лютовал, конечно, Кромвель со своей бандой «круглоголовых». По крайней мере, такие до нас доходили вести. Люди относились к Кромвелю по-разному, но дед Джон и сам был преданным слугой короля, и меня воспитал так же.

– Эта страна катится прямо в ад! – кричал он, узнав, что Его Величество Карл I казнен. – И никто не может ее остановить! Ты слышал? Уже не только ирландцы, но и шотландцы поговаривают, что с Англией им не по пути! Все, ради чего мы сражались с проклятыми испанцами на суше и на море, гибнет!

– Успокойся, дед, тебе вредно так кипятиться! – просил я. – Ты же сам рассказывал, что во времена твоей молодости тоже все висело на волоске, и если бы испанцы смогли высадиться на островах...

– Во времена моей молодости была королева Елизавета, а у королевы были верные слуги! Один только сэр Френсис Дрейк чего стоил! А братья Хокинсы? Таких людей больше не делают... Кругом одни мошенники и предатели, вот королевская голова и оказалась в корзине. Но Кромвель не дурак, хотя святоша и изменник одновременно. Как он сказал своим головорезам? «На Бога надейся, а порох держи сухим!». И это верно. Принеси эля, Джонни, а я пока подумаю о нашем будущем.

Я отправился за элем и в пабе, конечно, услышал только плохие новости. Испанцы снова поднимали голову и вели бесконечную войну с голландцами прямо под боком у нас. Голландцы, несмотря на это, строили и строили корабли, и совсем прибрали к рукам морскую торговлю, отчаянно притесняя даже наших моряков. Французы тоже не давали скучать: похоронив кардинала Ришелье, который причинил Британии столько хлопот, завели себе другого, против которого сами же и восстали. От всего этого голова шла кругом. Я, по природе любознательный, немного задержался в пабе, а когда прибежал назад с пол-

ной кружкой, дед Джон уже дописывал письмо. Если уж он что решал, то действовал быстро, и меня научил тому же.

– Вот что, парень! Я воспитывал тебя слугой короля и надеялся, что ты по моему примеру подашься на службу. Уж кто-то, а солдаты из шотландцев всегда выходили прекрасные. Но короля нет, на островах сумятица, а ты слишком юн, чтобы правильно выбрать сторону. Надеюсь, все еще переменится, но пока лучше бы тебе держаться подальше от сабельного звона. Слушай мое решение: когда я умру... – дед жестом приказал мне заткнуться. – Когда я умру – а умру я скоро, сам знаешь, как меня этой зимой кашель одолел! – когда я умру, бери это письмо и шагай в Глазго. Есть у меня там старый знакомый, из интендантов. Эти нигде не пропадут, у него и сейчас там свое дело. Работы он тебе, конечно, не даст, но в письме я прошу о немногом: пристроить тебя юнгой на корабль. Только не на всякий, а на идущий в Вест-Индию. Там, знаешь ли, британцев мало и времени на разборки меж собой нет. Так что если и сгинешь, то за родину, от руки какого-нибудь испанца, а это смерть достойная порядочного человека. Восстановится здесь законная власть – вернешься, если захочешь. Все понял?

– Да что мне делать за океаном? – растерялся я от таких новостей. – И на корабле... Дед, я моря-то не видел!

– Справишься! Не бойся, я же тебя не капитаном прошу определить... – дед закашлялся и мне пришлось держать кружку, пока не прошел приступ. Наконец он хлебнул эля и продолжил: – Ты не дурак, Джонни. Ты умеешь читать и писать, хорошо считаешь, у тебя пара не боящихся никакой работы рук и крепкое здоровье. Я немногому смог тебя научить, но ты знаешь, как зарядить мушкет и отобьешься саблей... Ну, от какой-нибудь злой индейской девки отобьешься. Кроме того, я часто ругался по-испански, а значит, самых злых наших врагов ты узнаешь легко. Остальное приложится! Я не приказываю тебе удрать с корабля в первом же порту, решай сам, где тебе лучше остаться.

Но советую: попробуй пожить там. Рассказывают о сказочных богатствах... Так много рассказывают, что я в эти богатства ни черта не верю. Но было бы мне шестнадцать – поплыл бы посмотреть своими глазами. Может быть, там и устроишься на всегда, в Новом Свете. Говорят, и Новая Шотландия там имеется.

– Где? – не поверил я.

– Чуток посевернее Новой Англии, где же еще ей быть? Одним словом, я все сказал, письмо будет лежать в ящике. После моих похорон здесь не задерживайся: мы задолжали уже малость побольше, чем стоит наша ферма. Все мои вещи оставь, пусть поделят кредиторы. Только шляпу возьми: негоже проситься на корабль в соломенной. Подумают еще, что ты мастер только навоз разгребать. Так оно и есть, но им-то зачем знать?

И вот я здесь, в mestечке Ньюарк, стою на берегу реки возле шлюпки и любуюсь на бриг «Устрица». Русло реки здесь широкое, и морские корабли подходят для погрузки как можно ближе к Глазго, что выше по течению. Насколько я знал, «Устрица» уже забрала груз для нашей новой колонии на далеком острове Ангилья – в основном сукно – и теперь ждала только удобного ветра, чтобы поднять якоря. И еще, конечно, бриг ждал капитана, который хлебал виски в гостинице.

Подойти к матросам, болтавшим у шлюпки, я постеснялся. И, конечно, испугался немного: они были не слишком похожи на фермеров, к которым я так привык. Честно говоря, матросы, скорее, напоминали банду разбойников. Загорелые, громкоголосые, широкоплечие парни были одеты кто во что горазд, а некоторые и вовсе щеголяли с голыми шеями, не стеснялись и волосатых рук. В краях, где я вырос, это считалось неприличным. В ушах у многих блестели медные серьги, а двое вместо шляп использовали повязанные на голову платки. А уж как они говорили... Дед Джон, старый солдат, не стеснялся в словах, но матросы просто соревновались между собой в сквернословии.

Скучать мне было некогда, я рассматривал бриг. Двухмачтовое судно стояло со спущенными парусами, но мне оно и без них казалось безумно красивым. Смутил только размер: в книгах из библиотеки нашего священника корабли изображались куда больше. Не верилось, что на таком крохотном деревянном островке несколько десятков людей могут жить неделями и даже месяцами.

– Чего уставился? – рядом со мной остановился невысокий, коренастый старик со шрамом на щеке. – Хочешь купить наше корыто?

– Нет, сэр... – на всякий случай я снял шляпу. – Капитан Бриджис определил меня юнгой на этот бриг. Мое имя Джон Мак-Гиннис. Мне приказано найти мистера Мерфи, как сказал капитан – старого жулика.

– Корабельного кока, – уточнил старик. – Изволь уж так его называть. Капитан Бриджис просто решил пошутить, а шутки у него... Ладно уж. А ты, значит, шотландец? Будешь лазить по вантам в юбке, чтобы акулы тонули от страха, а киты от смеха?

– У меня нет килта, – терпеливо объяснил я. – И я никогда его не носил. И на волынке играть не умею. Не все шотландцы одинаковы. А еще я протестант, вовсе не жадный, и верный слуга короля.

– Какого короля? В Англии, вроде бы, сейчас нет никакого короля... Это у вас в Шотландии, я слышал, на каждой горе свой король, – старик, прищурясь, тоже смотрел на «Устрицу». – Ходкое корыто, верткое, да с оснасткой не очень. Удлинить бы реи, повесить больше парусов... Если в открытом море кто захочет потолковать – не уйти, и придется туда, с нашими-то десятью пушечками. Будь я проклят, если нам не придется туда. Идем! И возьми корзину. Джек Мерфи – это я.

Я послушно подхватил корзину и пошел за ним. Меня несколько удивило, что обычного повара интересуют такие вещи, как

парусное оснащение и количество пушек. Да и шрам выглядел не так, как если бы Мерфи повздорил с другим коком по поводу какого-нибудь рецепта. Низкий хриплый голос, уверенная походка, настороженный взгляд... Скажу честно, даже на фоне матросов старик выглядел довольно зловеще.

– Это наш юнга, Джон! – представил меня Мерфи, забираясь в шлюпку. – Мальчик, помоги-ка молодцам столкнуть в воду эту деревяшку!

– А потом усаживайся на весла! – добавил толстый рыжий матрос. – Притомился я сегодня, ты вовремя!

– Нет! – отрезал Мерфи и я понял, что он пользуется среди команды авторитетом. – Парень поступает пока ко мне на камбуз. А мне там не нужен безрукий!

Матrosы засмеялись, но грести меня больше никто не пытался заставить. Несколько позже я понял: ты можешь быть хоть фермером, хоть сапожником, но для флота ладони требуются совершенно особенные. И приобрести их можно, лишь наращивая мозоли на мозолях: от весел, от канатов, от драяния палубы и от штопки парусов, от всего, что и составляет флотскую жизнь.

– Ты прямо как капитан плывешь! – подначил меня по пути к бригу рыжеволосый. – Сидишь себе, а на коленях корзина со вкуснятиной! Это ты себе в дорогу припас, юнга Джон? Правильно: не солонину же тебе жрать вместе с остальной братвой!

Матросы хрипло загоготали своими продутыми морскими ветрами глотками и мне стало неуютно. Я собрался было оправдаться, но Мерфи похлопал меня по плечу.

– Тише, Моррисон! Это нашей губернаторше, – объяснил он. – Пока шли сюда от Лондона, ее настолько укачало, что леди даже не смогла сойти на берег! Ей очень плохо, и леди требует хотя бы сухопутной еды! Да побольше, побольше! Морская болезнь, что поделаешь.

В ответ снова раздался хохот. Из дальнейшего разговора я уяснил только, что на «Устрице» есть пассажиры, в том числе жена губернатора Ангильи. На эту леди неизвестная мне «морская болезнь» оказывала удивительное действие, выражавшееся в чудовищном аппетите. Всего через пару дней я понял причину смеха: когда сам от морской болезни пару дней не мог проглотить даже куска сухаря и ходил по палубе, шатаясь, словно пьяный. Мне многое, очень многое предстояло понять.

Оказавшись на палубе, я снова удивился размерам корабля: до противоположного борта было всего несколько шагов! Еще меня поразили мачты. Я думал, что это просто обтесанные стволы деревьев, которые поставили стоймя и укрепили такелажем, но мачты оказались обшиты толстыми брусками и скреплены железными обручами, словно бочки. Больше я ничего рассмотреть не успел, потому что получил хороший тычок в спину.

– Не стой столбом! Видишь корму? – рыжий Моррисон на всякий случай показал ее мне, деревенщине, пальцем. – Отнеси снедь губернаторше, да не забудь постучать!

Я послушно направился к кормовой надстройке, прикидывая, что надо бы заодно и к себе в каюту заглянуть – кинуть узелок и шляпу, чтобы не сдуло в воду ветром. Наивный, я полагал, что буду жить в каюте! Навстречу мне попался лохматый, босоногий паренек моих лет и я спросил у него, где найти губернаторшу. Вместо ответа он, воровато оглянувшись, сложил руки на груди и смерил меня надменным, как ему казалось, взглядом.

– Ты кто такой?

– Джон. Меня взяли юнгой.

– Вот оно что! – парень снова быстро оглянулся. – И сколько тебе, юнга, лет?

– Шестнадцать.

– Мне тоже... Но я раньше тебя попал на «Устрицу», а значит, я старший! Понял? И еще... – он подошел в упор и вдруг на секун-

ду показал мне нож, который ловко прятал в рукаве. – Никогда не связывайся с кокни, деревенщина! Будь я проклят, если не я теперь твой начальник!

Что тут было делать? Я аккуратно поставил корзину на палубу и вытащил из-за пазухи свой нож. Он достался мне от деда и был раза в полтора длиннее, чем у нахала. Парень тут же отпрыгнул и пригнулся, готовый к драке.

– Не знаю, кто такие кокни, но нож у меня, как видишь, тоже есть, – как мог спокойно сказал я. – Капитан приказал мне слушать кока Мерфи, и значит, мой начальник – он. Так меня зовут Джон Мак-Гиннис, а тебя?

– Роберт Летбридж, – юнга понял, что я не нападу, и выпрямился. – А ты парень с норовом. Хороший нож, только лучше спрячь, пока боцман или кто-нибудь еще не увидел. Могут отобрать. Лучше знаешь, что? Сыграем потом на него в кости. Я поставлю свой и еще хорошие сапоги, идет?

Я хотел отказаться, но тут распахнулась дверь и из кормовой надстройки вышел высокий, широкоплечий брюнет с орлиным носом. Он посмотрел на меня из-под полей красивой, украшенной перьями шляпы, и я заметил, что глаза у него разного цвета. Левый – голубой, а правый – ярко-зеленый.

– О, пища для больной леди! – воскликнул он, едва не споткнувшись о корзину с едой. – Зелень, овощи, окорок, речная рыба! Несите же ей скорее, леди уже час, как стонет от голода!

Незнакомец говорил с сильным французским акцентом. Я снял шляпу и поздоровался, не забыв и представиться. Дед Джон говорил, что хорошие манеры никогда не могут повредить. В ответ француз ловко щелкнул себя по шляпе ногтем.

– Что ж, юнга, зови меня мсье Клод Дюпон! Можешь дать мне на минуту этот нож, который ты так непринужденно держишь в руке, будто собираешься вспороть мне живот?

Ничего не оставалось, как выполнить его просьбу. Француз взял нож и прикрыл глаза. Роб – так уж прозвали Роберта на «Устрице» – тихонько пихнул меня в бок и подмигнул.

– Этот нож видел немало! – Дюпон с улыбкой вернулся ко мне.
– Люблю подержать в руках вещи с историей. Я буканьер, родился в Вест-Индии, и весьма уважаю оружие. Ты умеешь с ним обращаться?

– С ножом? – не понял я. – Да что тут уметь. Можно резать, а можно колоть.

– Сдается мне, что тот, кому нож принадлежал раньше, управлялся с ним неплохо. Что ж, плавание нам предстоит долгое – может быть, я и научу тебя чему-нибудь, – француз, не прощаюсь, прошел мимо. – Эй, мистер Гаррис! Где, черт возьми, наш капитан?! Ветер уже меняется! Я не собираюсь вечно торчать в этой речушке!

– Он всегда такой, этот Дюпон, – пояснил мне Роб. – Странный, но лихой парень. А еще немного колдун... Обещал показать, как стреляют буканьеры.

– Кто такие буканьеры?

– Буканьеры – это... – Роб осекся, глядя мне за плечо, и расплылся в улыбке.

Я оглянулся и увидел девчонку, нашу ровесницу или даже немного младше. Она шла к нам по палубе напрямик, не глядя по сторонам, так что даже толстяку Моррисону пришлось посторониться. При этом она нахально меня рассматривала.

– Кристин, это Джон! – закричал Роберт, тыча в меня пальцем. – Мой друг! Будем спать в одном гамаке – лишнего-то нет! Джон, это Кристин, служанка губернаторши.

– Поздравляю! – хмыкнула девчонка, подойдя. – А вам, мистер Джон, сочувствую. Берегите карманы, если собираетесь ночевать вместе с мистером Летбриджем. Это еда для леди Блейк?

– Да! – я, спохватившись, поднял корзину. – Я должен отнести...

– Сама отнесу! – Кристин с неожиданной ловкостью выхватали у меня снедь. – Госпожа соскучилась, наверное, не на кого покричать. Чертовка собирается играть больную все плавание. Ставлю пять реалов: муж просто счастлив был пожить без нее!

Поправив выбившийся из-под шляпки рыжеватый локон, она оглянулась на меня в дверях и скрылась.

– Ты, шотландец! – Роб неожиданно толкнул меня. – Не засматривайся!

– Да я не засматриваюсь. Ты лучше скажи, почему я карманы должен беречь?

– Шутит она! – он немного смущился, но тут же затараторил: – Я – кокни! Понял? Ничего ты не понял! Я из Лондона, браток, с самых низов. Родился на мостовой и жил на мостовой. Настоящий кокни! А у нас все просто: как потопаешь, так и полопаешь. Кто за вещами плохо следит, тому вещи не нужны. И все такое, – Роб отодвинулся. – Но здесь-то – другое дело! Скучновато, тесновато, но мы же все вместе. Через океан поплыvем! Тут мы одна семья! Хотя и скучновато... Просто Лондон – это, брат, такой город! Не ферма твоя.

Я понял, что не от хорошей жизни Роб подался в юнги. И про себя решил все сколько-нибудь ценное всегда носить при себе – пока не присмотрюсь к нему, да и к остальной команде поближе. Еще я понял, что Роберт влюблен в эту странную Кристин, с таким непочтением относящуюся к своей хозяйке. Я даже хотел сказать, что Роберт – дурак, и вообще его подразнить, но не успел. Не успел, потому что на палубу выпорхнул ангел.

Не знаю, как еще описать свое первое впечатление от Моник Дюпон. Пусть я вырос на ферме, в тихой провинции Шотландские Границы, но доводилось мне видеть и настоящих леди. Дело, поверьте, не в испанском платье, не в лентах, украшавших шляпку, и не в перчатках такой тонкой кожи, что она, казалось, должна была немедленно лопнуть даже на ее хрупких

запястьях. Дело было в загадочных, удивительно синих глазах, которые она подняла на меня, проходя мимо.

– Капитан Бриджис!

Услышав ее голос, я едва не упал в обморок. Никогда прежде я не думал, что мое сердце может остановиться лишь от двух слов. Совершенно оцепенев, я наблюдал, как леди перегнулась через борт и помахала кому-то рукой.

– Милый капитан Бриджис! Вы привезли мне, что обещали?

Ответа я не услышал, потому что из-за мачты появился Клод Дюпон, подскочил к ней и одним движением развернул к себе. Мне показалось, что он сейчас ее ударит, я шагнул к ним, но француз вдруг поцеловал женщину. Меня будто резануло по сердцу – чем-то мне этот француз сразу не понравился. Может быть, тем, что он был выше, взросле и сильнее меня?

– Это его жена, Моник! – будто издалека донеслись до меня слова Роберта. – Тоже лягушатница, но – хороша, верно? Шлюпка с капитаном подошла, надо убраться с палубы – он, когда пьян, бывает крут... А пьян всегда.

Мы спустились в трюм. Если бы Роб не поддержал меня на последних ступеньках, я свалился бы с лестницы – так повлияло на меня появление Моник Дюпон. Произведенный нами шум кого-то потревожил, в темноте раздалась ругань, которая разбудила еще двоих или троих... Роберт потащил меня куда-то в темноте, я ушиб колено о ящик.

– Вот тут, за сукном, наш гамак. Тесно, но больше спать негде. Правда, если волнение не сильное – можно и на палубе местечко найти... Где-нибудь на баке. Но по честному будет разыграть в кости или карты: кому спать в гамаке, а кому на досках! Правильно я говорю?

Роберт шептал мне в ухо, что-то объяснял, но в этой темноте я видел только лицо Моник: крупные, широко распахнутые глаза, изогнутые брови, чуть-чуть вздернутый нос, яркие полные губы...

— Мсье Клод ее ревнует — только что дым из ушей не идет! Никуда одну не выпускает, вот и теперь рассердился, что без него выскочила на палубу! — снова услышал я шепот Роберта. — Не стой, садись! Я тебе все расскажу. Свечи днем тратить запрещено, а у нас в углу темно за ящиками... А так бы в кости сыграли. Я везучий, но ты не бойся.

— Куда они плывут? — спросил я, когда дар речи ко мне вернулся. — В Вест-Индию?

— А куда же еще? Ведь Дюпон сказал тебе, что он букиньяр. Он родился там, на островах, и гордится этим страшно. Индюк надутый! Но малый и правда крутой...

Сверху раздались крики. Я узнал нетрезвый голос капитана Бриджиса, и понял, что он приказывает подготовиться к отплытию немедленно. Хотелось выйти на палубу, взглянуть на шотландский берег — кто знает, может быть, в последний раз? Но я боялся увидеть Моник и снова впасть в оцепенение. Мне было стыдно за себя. Вдруг в трюм кто-то заглянул.

— А где мои обезьяны, парни? У меня их теперь две и обе, кажется, напрашиваются на вертел!

— Мы здесь, мистер Мерфи! Я всего лишь показал Джону, где он будет спать! — Роберт вскочил и подтолкнул меня к лестнице. — Идем, если зовет Мерфи — надо идти. Он кок, а работа на камбузе — единственная радость юнги, уж ты мне поверь. Здесь с тебя жир-то быстро сойдет, на сухарях да солонине!

Проходя по темному трюму, в котором я до сих пор ничего не мог рассмотреть, я сильно ударился головой о какую-то балку. Вот с этого удара, можно сказать, и началось мое путешествие. Якорь еще не был выбран, а я уже успел завести себе вороватого друга и несчастную любовь. Как сказал бы дед Джон: день прошел не зря. А ведь мы еще не обедали... Я выкинул все из головы и занялся исполнением своих прямых обязанностей. То есть делал, что приказано, и не жаловался на пинки и подзатыльники.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Паруса и пушки

Итак, я стал юнгой. Ничего особо примечательного в этом факте нет, так же как и в том, что наш бриг, счастливо миновав туманы и мели Английского Канала, иначе именуемого Ла-Маншем, вышел в океан. Мне, также как и Роберту, и еще некоторым новичкам, пришлось пережить так называемое «крещение». Боцман Стивс вырядился дикарем, измазал лицо сажей и сел возле гробта-мачты, а мы должны были кланяться ему, подносить всевозможные дары из тех пустяков, что у нас имелись, а в конце церемонии – прыгнуть в воду с верхней реи. Даже капитан Бриджис не возражал против этого обычая, а уж как веселились пассажиры! Губернаторша хохотала до упаду, на время оставив в покое свою служанку. Воспользовавшись случаем, Кристин почти весь день проторчала в камбузе у Мерфи, что меня всерьез удивило. Создавалось впечатление, что старый кок не просто привязан к девчонке, но и уважает ее, будто хорошую старую знакомую.

Мы с Робом, конечно, были одними из главных действующих лиц. По вантам к тому дню мне уже пришлось полазать достаточно, но спрыгнуть с высоты – совсем другое дело. Кроме того, я совершенно не умел плавать. Выручил Клод Дюпон, который то казался мне негодяем, то наоборот, славным и добрым человеком. Мсье, скучавший на корабле во время плавания, постоянно болтал с матросами и уделял нам, юнгам, немало внимания. Это он объяснил мне, как спрыгнуть так, чтобы не удариться о воду всем телом, и показал, как нужно двигаться в воде. И все равно мы с Робом едва не опозорились – сперва Летбридж вцепился в рею и боялся спрыгнуть, так что

мне пришлось его столкнуть, а потом я так растерялся, оказавшись за бортом, что без товарища, боюсь, мог просто утонуть от страха. Это маленькое приключение сплотило нас, и мы уже по-настоящему подружились.

После этого представления Дюпон взялся развлекать публику дальше. Он вынес на палубу свое букиньерское ружье с длинным стволом и, набрав прямо в рот пуль, несколько раз необычайно быстро выстрелил в птиц, ни разу не промахнувшись. Не только я, но и бывалые люди из команды были потрясены тем, как ловко этот француз умеет перезаряжать ружье. По словам Дюпона, испанские солдаты стреляют в три раза медленнее, чем букиньеры, и я ему поверил. Конечно, такие фокусы заставили меня заинтересоваться Дюпоном еще больше и, пока матросы рассматривали удивительное ружье, сделанное, по словам француза, на лучших в мире заводах города Шербур, я обратился с расспросами к Робу. Раньше у меня просто не было времени. Мы, пользуясь редкими для нас свободными минутами, валялись на нагретых солнцем досках палубы, пока наша одежда сушилась тут же.

– Букиньеры – охотники сカリбских островов! – тут же сообщил мне Роберт. – Дюпон сам рассказывал. Они коптят мясо на деревянных решетках, которые по-французски и называются «букан». Ходят прямо по морю на каноэ, живут свободно... Но главное их охотничье угодье – Эспаньола, ее еще сам Колумб открыл. Остров принадлежит испанцам, которые давным-давно выпустили на него коров и быков. Пастбища там очень хорошие, животные размножились, и испанцы могли бы охотиться на них в свое удовольствие. Но букиньеры приплывают туда с Тортуги, маленького островка рядом, и бьют дичь прямо у них под носом. Конечно, постоянно происходят стычки... Но ты видел букиньера в деле – не хотел бы я с ним связаться!

– Это точно, – завистливо кивнул я. Моник не шла у меня из головы, и приходилось признать, что Клод достоин такой жен-

щины. – Странно, что Франция, имея таких солдат, еще не отобрала у Испании все колонии!

– Мсье Клод говорит, что букиньяры никому не подчиняются! – Роб перевернулся, потому что доски бака настолько разогрелись, что впору было жарить яичницу. – Они не платят налогов, не воюют за свою страну. Букиньяры дерутся только тогда, когда это им нужно. А старый Джек Мерфи как-то раз сказал, что букиньяры – те же пираты... Мол, пиратам нужна еда, и они закупают мясо у букиньяров. А когда не хватает людей, то зовут в походы и их.

Я только покачал головой.

– Не могу себе представить, чтобы порядочный человек мог связаться с пиратами! Хотя, конечно, раз уж букиньяры нарушают закон и вторгаются в чужие угодья...

– А кто сказал, что леса Эспаньолы – испанские угодья? – раздался у меня под ухом звонкий голос Кристин. – Разве что Колумб, так ведь и он не Господь Бог!

Мы с Робом так и подскочили. Потому моряки и не любят женщин на кораблях, что не всегда возможно выглядеть пристойно. Негодная Кристин подошла к нам, даже не предупредив, и теперь обоим пришлось напяливать мокрые, просоленные тряпки. Хорошо хоть, она отвернулась. Но и не подумала замолчать.

– Кстати, Колумб даже не был испанцем, – сказала она. – Все люди должны уважать этого великого человека, капитана среди капитанов. Но испанцы – совсем другое дело. Если бы не Голландия, испанцы вообще никого не пустили бы за океан. Они так договорились с португальцами: одним Африка и Индия, другим – Вест-Индия и все, что рядом. Разве это справедливо?

– При чем тут Голландия? – спросил я, путаясь в рукавах моей рубахи. – Голландцы воюют с Испанией, им все равно, где топить их корабли.

– Голландия нашла их слабое место! – твердо сказала Кристин. – И немало украденного у индейцев золота оказалось в глубоких голландских карманах. А потом на это золото были построены новые корабли, чтобы не пускать испанцев в Голландию!

– Она и сама голландка! – к нам подошел, не спеша раскуривая трубку, кок Мерфи. – Так что не вздумайте ругать эту крошечную страну – выкинет за борт!

– Уже напился! – фыркнула Кристин. – Мне казалось, ты не ладишь с боцманом!

– Не лажу, – согласился кок. – Но он-то мечтает со мной поладить! Отчего же не распить кое-что из его подарков, если боцман угощает, а капитан отвернулся? Тем более, что капитан снова пьян.

– Этот капитан напрашивается на неприятности! – вдруг резко сказала Кристин. – Я не доверила бы ему и шлюпку.

Мы с Робом только переглянулись. Вообще эта девчонка была остры на язык и чувств своих никогда не скрывала. Уж чего только мы не слышали о ее хозяйке-губернаторше! Иногда хотела вся команда. Но осуждать капитана – другое дело, на это не решался даже такой человек, как Мерфи.

– Не знаю... – пробормотал кок, облокотившись на фальшборт. – Не знаю. Но, сдается мне, он совершенно напрасно так поглядывает на госпожу Моник Дюпон.

– Да она тоже та еще штучка! – мгновенно отреагировала Кристин. – И вовсе не такая уж красавица. Верно, Роб? Джон?

То, что Роберт с самого начала плавания влюбился в Кристин, знали все. И конечно же, Кристин это нравилось. Но при чем же здесь я? Меня эта не слишком воспитанная юная девица мало интересовала.

– Леди Моник удивительно хороша, – честно сказал я. – Не понимаю, зачем такой человек, как Дюпон, решил везти ее за океан. Лучше бы ему было жить на континенте, где-нибудь в Париже или другом большом красивом городе.

– Вот как? – фыркнула Кристин и Роберт одарил меня недобрый взглядом. – Эта Моник, выходит, красавица? Да у нее глаза разноцветные!

– Неправда! – я нечасто видел Моник, но уж когда видел, смотрел как следует. – У нее одинаковые синие глаза. А вот у ее мужа – разноцветные!

– Что есть, то есть... – необычно легко согласилась Кристин и почему-то посмотрела на Мерфи. – А ты заметил, старина Джек? У Клода разноцветные глаза, и у нее тоже. Я бы подумала, что они родственники, да мне говорили, что прежде у Клода таких глаз не было.

– Кто говорил? – я все еще был настроен на спор. – И у Моник не разноцветные глаза! Просто очень красивые. Не как у всех.

Кристин, ничего не ответив, ушла с бака, а кок Мерфи неодобрительно покачал головой.

– Джон, ты славный малый, но не стоит при одной женщине восхищаться красотой другой. И, предупрежу на всякий случай, не вздумай при мне обидеть эту девочку. Она мне... Ну, будем считать, что она мне как внучка. А что до глаз Моник, то я видел их разными. Просто у ее мужа такие глаза постоянно, а у нее, вроде как, не всегда... Это странно.

Мерфи замолчал, покуривая свою трубку. Я не понимал смысла этого обычая, но многие матросы занимались выпусканием дыма изо рта – это стало модой. Некоторые даже начали курить уже во время нашего плавания и, хотя это давалось им нелегко, терпеливо переживали приступы кашля.

– Мерфи, а ты не знал Кристин прежде? – спросил Роберт. – Вы как-то с ней так быстро подружились...

– Нет! Что ты! Я всю жизнь по кораблям, откуда мне ее знать. Но мне интересно, кто мог сказать Кристин, что у Клода таких глаз прежде не было... – старик потряс хмельной головой и встал. – Хватит валяться на солнышке, обезьяны! Вы тут не пассажиры! Праздник кончился, марш на камбуз – пора делить сухари для команды!

Сухари и солонина, да немного медленно гниющей в бочках воды – вот и весь наш рацион. Мне, выросшему на ферме, поначалу приходилось несладко. Обнадеживали только рассказы о южных островах – там, по словам бывалых, всего было в изобилии, особенно тропических фруктов. Капитан, его помощник и пассажиры жили получше нашего. Мерфи каждое утро подавал им к столу яйца от четырех наших корабельных кур, а для мадам Моник – козьего молока, как распорядился капитан Бриджис. Само собой, Дюпона такое отношение к его жене злило, но капитан лишь потешался, продолжая оказывать Моник знаки внимания. На корабле француз был бессилен, хотя порой мне казалось, что до взрыва недалеко. Вообще наш букиньяр отличался ревнивостью – он не отпускал Моник от себя ни на шаг. Впрочем, когда ей хотелось поболтать со мной, Дюпон запросто мог оставить нас. Меня это и радовало, и немного злило.

Между тем француженке нравилось проводить со мной время. У юнги много забот, но в свободные минуты мы много говорили. Я не знал, как к этому относиться... Порой мне казалось, что я понравился Моник. Порой – что ее забавляет моя фермерская глупость. Как-то раз, примерно через неделю после нашего «крещения», она даже угостила меня апельсином. Я никогда прежде не пробовал этого фрукта, и Моник рассказала мне о нем.

– «Китайские яблоки» привезли с востока португальцы, когда Васко да Гама нашел туда морской путь. Теперь их много за Пиренеями... Ах, Джонни, как там много солнца, как там много фруктов... Я хотела бы жить только там, в Испании!

– Говорят, в Вест-Индии тоже много всякого! – я старался есть не спеша, но как быть, если сок так и течет по губам? – А уж солнца там наверняка хватает!

– Верно, – кивнула Моник. – И все же я надеюсь вернуться в Мадрид. Он мне нравится больше Парижа и Вены. И уж конечно, больше туманного, грязного Лондона! Настанет день, когда я вернусь.

– Все зависит от вашего мужа...

– Мужа? Ах, ты о Дюпоне! Да, мой мальчик, конечно. Конечно, все зависит от мсье Клода! – Моник говорила с легким акцентом, совершенно не похожим на французский, но я стеснялся расспросить ее. – Но мсье Клод мало понимает меня, и не интересуется моими желаниями. Ты – совсем другое дело! Лучше бы я вышла замуж за тебя, Джон!

Я проглотил язык, и немного подбродивший апельсин тут был ни при чем. Впрочем, Моник смотрела на меня лишь секунду, а потом расхохоталась.

– Не делай такое лицо, Джонни! Я, конечно же, просто шучу.

И все же за каждым словом хоть что-нибудь, да стоит, как учил меня дед. Мы говорили с Моник все чаще, благо ветер нам благоприятствовал, и работы у команды было немного. Ревность Дюпона на меня, похоже, не распространялась. Лишь иногда он подходил к нам, брался за шляпу или за сережку жены пальцами, и на минуту прикрывал глаза – как тогда, с моим ножом. Эту странную манеру француза давно подметили все и многие в команде считали его колдуном. Потом Дюпон уходил, а я снова слушал рассказы Моник. О Париже, о далекой Германии, о полноводной реке Дунай... Как-то я набрался смелости и спросил, каким образом ей довелось так много путешествовать, но Моник лишь печально рассмеялась и ничего мне не ответила.

Впрочем, иногда Дюпону становилось совсем скучно, и тогда он возвращался к нам. В шутку француз даже фехтовал со мной, играясь, как кот с мышонком, а иногда устраивал поединки между мной и Робертом. Мне было немного стыдно перед Моник, но она так искренне хотела... Постепенно Клод увлекся и стал давать мне и Робу настоящие уроки. Шпага на бриге имелась лишь одна, но француз брал у боцмана Стивса абордажные сабли – тяжелые, страшные даже на вид орудия убийства. Не обошлось и без урока стрельбы, хотя порох, по словам Дюпона делавшийся все в том же городе Шербур специ-

ально для букиньяров, француз очень берег. Конечно, хорошо стрелять мы не научились, но по крайней мере я знал теперь, что в бою не растеряюсь.

– На месте капитана я бы устроил учения для всей команды! – сказал как-то раз Мерфи, когда мы с Робом прибирались на его камбузе. – Но Бриджис из Королевского Флота, привык иметь на борту солдат... И никогда не ходил в Вест-Индию.

– А еще слишком занят поисками истины на дне стакана! – не удержался я. – Джек, как так вышло, что хозяева брига доверили его такому человеку, как Бриджис?

– Почем мне знать? Другое дело, что такому человеку, как Бриджис, мы все доверили свои души на время этого плавания... И ты тоже. Как так вышло, Джон Мак-Гиннис?

Я не нашелся, что ответить. Дни шли за днями, и «Устрица» приближалась к Вест-Индии. Я слышал, как бывалые матросы удивлялись: мы шли необычайно быстро, погода стояла хорошая и ветер почти всегда дул нам в корму. Бриджис уже обещал лишний стакан джина тому, кто первый увидит землю, хотя его помощник, неразговорчивый и неуклюжий мистер Гаррис, скептически качал головой. Мы больше верили Гаррису: говорили, что этот чудак способен определить положение корабля в море с помощью одного лишь арбалета и песочных часов. Надо сказать, что других часов на «Устрице» и не было – никакой механизм не выдержит постоянной качки. Да и не придумали еще таких часов, чтобы были точнее песочных! Главное, чтобы вахтенный матрос не забывал их переворачивать.

Как-то раз Дюпон, в очередной раз изнывая от скуки, заглянул на камбуз, где мы с Робом помогали коку. На глаза французу попался любимый нож Джека – крупный, с хищно изогнутым лезвием. Конечно, мсье Клод схватил его и, прикрыв глаза, замолчал. Мы с Робертом переглянулись и негромко захихикали. Но старику Мерфи этот фокус совершенно не понравился.

– Мистер Дюпон! Будьте так любезны отдать мне нож, я собираюсь резать солонину! – не слишком почтительным тоном обратился к нему кок. – Да и вообще, в моем камбузе стало тесновато.

– Держи! – француз сверкнул своими ослепительно белыми зубами. – Славный нож. Наверное, он потому такой острый, что на его острие закончило свою жизнь немало потомков Адама и Евы, а, старина? Сдается мне, нож побывал с тобой в драке с Непобедимой Армадой и помнит самого Френсиса Дрейка! Надо признать, ты неплохо сохранился для своих преклонных годков.

– Никак нет, мсье Клод! – стариk, сбавив тон, забрал нож и тут же спрятал его подальше. – Этот нож достался мне от брата. Заблудшая душа... Мне жаль, но говорят, что он был пиратом.

– Вот как! – француз расхохотался. – Твой брат был пиратом? Ну, вероятно, теперь он горит в аду! Главное – не рассказывать об этом пьянчуге Бриджису. Я не раз от него слышал, что всех пиратов следует вешать, а не судить! А вы какого мнения, парни? Согласны, что разбой на море хуже разбоя на земле?

– Не стоит нам болтать о пиратах! – вмешался Мерфи прежде, чем мы успели ответить. – Мы находимся в тех морях, где пирата встретить проще, чем торговца. Да и разница между теми и другими не всегда заметна... Если угодно поговорить, поговорите о чем-нибудь другом.

– Как знаешь! – беспечно отозвался Дюпон и вышел из камбуза, но тут же с улыбкой заглянул обратно. – Не знаю, мы на кликали или кто другой, но я вижу парус!

Мы с Робом кубарем выкатились на палубу. Плыть неделями, не видя вокруг ничего, кроме океанской глади – и вдруг заметить парус! И отчего молчит марсовый? Все тут же стало понятно – матрос во все глаза смотрел вперед, надеясь заметить землю и получить от капитана выпивку, а неизвестный корабль появился сзади.

– Испанец! – тут же крикнул вышедший вслед за нами Мерфи. – Парни! Будите капитана, у нас, кажется, неприятности!

В те годы испанцы уже не могли считать Вест-Индию исключительно своей вотчиной, но память о прежних временах полного владычества в этих водах все еще была жива в кастильских сердцах. Матросы говорили, что встретив в море одинокий корабль, испанцы ни за что не оставят его в покое. Мы с Робертом, переглянувшись, полезли на мачту – хотелось рассмотреть врага получше.

– И правда, испанец! – Дюпон, стряхнув с себя скуку, ловко вскарабкался на рею вслед за нами. – Большой, трехмачтовый, и пушек, наверное, не меньше сорока... Подать вам руку, леди?

Вслед за ним по вантам лезла неугомонная Кристин. Руку француза она проигнорировала и устроилась между мной и Робом. Я был просто поражен такой наглостью, хотя, казалось, уже привык к ее поведению – но карабкаться на мачту в платье! Это было просто неприлично. Однако Кристин, приложив руку к глазам, спокойно разглядывала идущее за нами судно, будто делала так каждый день.

– Вижу две пушки на баке! – сказала она. – Прислуга суетится. Думаю, будут стрелять.

– Стрелять?.. – до меня только теперь стала доходить вся серьезность ситуации. Я тоже видел крохотные, будто муравьи, фигурки людей на палубе испанского корабля. – Но за что в нас стрелять?

– Не «за что», а «зачем»! – фыркнула Кристин. – Чтобы мы остановились, зачем еще? На таком расстоянии стрелять больше незачем.

– Они нас догонят! – уверенно сказал Дюпон, беспечно болтая ногами в воздухе. – Три мачты, больше парусов, а ветер попутный. Пары часов не пройдет, как догонят.

Внизу послышался пьяный голос капитана. Нам с Робом пришлось спуститься вниз – Бриджис всерьез готовился к бою.

Нужно было обежать весь бриг, убрать и закрепить все, что могло помешать. Мы подняли дополнительные паруса, но, насколько я мог судить, это слабо помогало – преследующий нас испанец был быстроходнее. Когда с приготовлениями было покончено и капитан потребовал себе очередной стаканчик, почти вся команда собралась на корме. Все пассажиры, кроме губернаторши, конечно, тоже были там.

– Достанет нас! – уверенно говорил рыжий Моррисон. – Как пить дать, достанет! Якорь мне в глотку, если наше сукно доплынет до Ангильи! Но хорошо еще, что это испанцы – с пиратами пришлось бы еще хуже.

– Наш капитан – идиот! – вдруг четко сказала Кристин и все удивленно посмотрели на нее. – Что уставились? Если бы вы хотели удрать от них, то не шли бы по ветру, а легли в бейдевинд! У нас много косых парусов, управлять бригом проще – этот фрегат ни за что не смог бы к нам приблизиться!

Кто-то из молодых матросов засмеялся, но рыжий Моррисон, покачав головой, промолчал. Смех оборвался и я понял, что Кристин сказала вовсе не глупость. Тем не менее, мне не понравилось, что в такой момент никто ее не одернул – все же назвать капитана идиотом – это уже чересчур, как бы я сам к Бриджису не относился.

– Капитан надеется, что в темноте они нас потеряют, – осторожно сказал Мерфи. – Он старый моряк, Кристин, и кое-что понимает. Нам нужно продержаться часа четыре.

– У нас нет и часа! – выкрикнула девчонка и будто в подтверждение ее слов нос преследующего нас корабля покрылся дымом.

– Россыпью! – крикнул Мерфи и, ухватив Кристин поперек живота, словно котенка, первым побежал с кормы. – Ядра лятят!

Я рванулся было за ним, но уткнулся в живот толстяка Моррисона, который удивленно проводил кока взглядом.

– Не видел, чтобы старина Джек так волновался! – растерянно сказал он. – Первый выстрел, да на таком расстоянии... Словесно он помешался на этой Кристин!

Два фонтана воды взметнулись футах в пятидесяти за нашей кормой, а потом до нас долетел и звук залпа. Мне стало немноголибо не по себе.

– А вот теперь я никому не советовал бы ходить в сторону бушприта! – Моррисон принял набивать трубку. – Канониры попробуют взять нас в «вилку» и задерут стволы повыше. Но в любом случае, парни, это так, шалости, чтобы не скучать. Веселье начнется, когда они подойдут ближе. А нам и ответить нечем – все пушки по бортам. Или удирать, или стрелять...

– Так надо перетащить сюда хотя бы две и ответить! – Кристин, растрепанная, злая, без шляпы, прибежала обратно. – Чертов Джек! Я скормлю тебя акулам, если еще раз так сделаешь, старый трус!

– Мисс Кристин, вам не место на палубе в такое время! – оправдывался Мерфи, вернувшись вслед за ней.

Постепенно на корме снова собралась толпа. Капитан Бриджис, поднявшись на надстройку, в подзорную трубу разглядывал испанцев. Он заметно покачивался, и в другое время я бы рассмеялся. Снова показался дым, но на этот раз никто не испугался. Моррисон оказался совершенно прав: теперь ядра перелетели нас и ударились о воду впереди по курсу.

– Гаррис! – услышал я нетрезвый голос капитана. – Прикажите раздать команде оружие из арсенала. Будь я проклят, если подчинюсь каким-то донам!

– Ну, хоть в чем-то он еще мужчина... – прощедила сквозь зубы Кристин. – Вот только в море все решают пушки, а не мушкеты.

– Лучше бы вам все же помолчать, мисс, – сказал ей Мерфи, а получив в ответ злой взгляд, добавил: – Пока лучше помолчать.

Испанцы выстрелили в третий раз, и снова ядра перелетели «Устрицу». Боцман приказал всем убраться с кормы, и мы с Робертом устроились в камбузе – здесь, под какой-никакой крышей, возникало обманчивое ощущение безопасности. Прямо перед нами, на палубе, расположился Дюпон. Француз, склонный к позерству, вынес из каюты стул и теперь спокойно сидел на нем с ружьем в руках и шпагой на поясе. Матросы вооружились, и даже нам, юнгам, боцман выдал по сабле.

– Если что случится – вперед не лезьте! – учил Мерфи. – Толку от вас все равно немного. Но и ни шагу назад. Сзади, сами понимаете, только море. И... Что ты ухмыляешься, Джек?

– Да странно как-то, – ответил я. – Вот он, враг, стреляет по нам! Но и попасть не может, и мы, вроде как удираем... Но собираемся драться – странно все!

– Ты не переживай, все случится куда быстрее, чем ты думаешь! Хотя на месте нашего капитана я бы спустил паруса и вступил в переговоры. Не в нашу пользу расклад.

– А ты, значит, согласен драться только когда козыри у тебя?!

– весело крикнул нам с палубы остроухий Дюпон. – Как не стыдно, Мерфи!

– Никто не тронет ни команду, ни пассажиров, если корабль сдается! – хмуро отозвался кок. – Люди на карibbeanских островах тоже в цене. И какой резон нам сопротивляться, если мы проигрываем и в пушках, и в людях?

– Ну, у меня резон простой: не хочу, чтобы Моник досталась испанцам! – отрезал Дюпон. – Хватит ныть, старик, а то пожалуюсь вашему капитану. Если он, конечно, еще способен что-то понимать.

Испанцы выстрелили снова, и на этот раз одно из ядер легло совсем недалеко от нашего борта. Я инстинктивно втянул голову в плечи – выходило, что все бесполезно. Пристрелявшись, враги просто уничтожат нашу «Устрицу» на расстоянии.

– Пугают! – успокоил меня Мерфи. – Им нужен наш груз и корабль. Положить пару ядер на палубу – хороший способ объяснить, кто тут главный, но не более того.

Кок высунул голову из камбуза, прикинул расстояние до испанского корабля, посмотрел на солнце и покачал головой. И без слов было понятно: расчет нашего нетрезвого капитана ошибочен, времени до темноты оставалось еще слишком много. Я водил пальцем по широкому лезвию сабли и внутренне содрогался. Спасибо Дюпону, теперь мы с Робом знали, как с этим оружием обращаться. Но представить себе, что я наношу им кому-то страшную рану, я просто не мог.

Так, в напряженном ожидании, прошло еще часа полтора. Испанцы отчего-то перестали стрелять, солнце склонялось все ниже к горизонту. У меня появилась робкая надежда, что все еще обойдется, когда возле камбуза снова оказалась Кристин.

– Все, – сказала она Мерфи. – Я просто чувствую, как испанец крадет у нас ветер. Что собирается делать наш пьянчуга? Завалиться спать?

– Крадет ветер? – я впервые услышал это выражение.

– У них больше парусов. Они зашли нам в корму и ветра «Устрице» теперь будет доставаться все меньше, – пояснил Мерфи и, заткнув за отвороты сапог пару камбузных ножей, вышел на палубу. – Похоже, ты права, моя девочка.

От кормы донесся бессвязный рык, и мы поняли, что бой примем, по сути, без капитана.

– Пушки на корму! – дрожащим голосом перевел распоряжение начальника мистер Гаррис. – Быстрее, парни! Пора им ответить!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сабли и ножи

Перетащить даже одну пушку на корму – дело нелегкое, а капитан решил разместить там четыре. Помогать пришлось всем. Хорошо еще, что Мерфи сразу посоветовал лафеты не трогать.

– Целиться все равно придется на глазок! – пояснил он. – Просто подложим под стволы досок. Да и стрелять лучше по палубе, а не в ватер-линию. Если повезет, повредим им мачту или хоть такелаж испортим.

Гаррис повернул свое лошадиное лицо к капитану, но тот будто и не слышал разговора. Но боцман Стивс кивнул, и мы сняли пушки с лафетов. Пока мы, переругиваясь, вытаскивали их на палубу, прошло еще несколько минут и, подняв голову, чтобы взглянуть на испанцев, я не сдержал восклицания. Фрегат оказался совсем рядом! Кристин оказалась права и события теперь развивались стремительно.

– Быстрее, они заметили нашу игру! – боцман уже подтаскивал ядра. – Мерфи, ты, говорят, когда-то был канониром?

– Кем я только не был... – старик уже вовсю командовал матросами, направляя лежащие на палубе пушки на испанцев. – Положи ядро, Стивс, я зарядил их заранее! Не болтайтесь под ногами, парни! Они ведь нам ответят, и тут уж начнется веселье!

Я отошел в сторону и оказался рядом с Кристин. Эта девчонка, казалось, не боялась вообще ничего!

– Они заряжают, – спокойно сказала она. – С такого расстояния промахнуться уже не получится. Мерфи, пали или будет поздно!

Я тоже видел, что две пушки на носу испанца уже готовы к выстрелу. Канонирам, казалось, можно заглянуть в глаза, так

близко фрегат подошел к нам. Несмотря на опасность, я не мог не любоваться большим кораблем. По сравнению с нашей «Устрицей» он выглядел настоящим красавцем. Только теперь я осознал, что сдаться, возможно, было бы правильным решением. Канониры испанцев поднесли фитили к пушкам, но Мерфи и помогавший ему Моррисон успели выстрелить раньше. Палуба под моими ногами вздрогнула, нашу корму заволокло дымом и теперь я видел лишь верхушки мачт испанца. Полуоглохший от грохота, ослепший от дыма и кашляющий от удушья, я силился понять, удачен ли был выстрел.

– Мы попали или нет?

– Тут бы и ты не промахнулся! – Кристин, щурясь, тоже пыталась хоть что-то рассмотреть. – Попали и, похоже, неплохо, раз испанцы не отвечают! Разорви меня дьяволы, старый Мерфи не растерял сноровку!

– Ты знала его раньше? – я давно это подозревал. – А мсье Клода?

Кристин ничего не ответила и полезла на мачту. Роб, конечно же, поспешил следом, присоединился к ним и я. После того, как развеялся дым от нашего выстрела, ветер понес на нас еще одно облако, теперь с испанского корабля. Но с бизань-мачты мы увидели, что лафеты обеих испанских пушек разбиты, а на баке лежат трое то ли убитых, то ли тяжело раненых. Временная глухота прошла, и я расслышал гневные крики испанцев. Наши матросы ответили им дружной руганью и гиканьем.

– Славный выстрел! – Кристин сорвала с головы шляпку и бросила ее в воздух. – Жаль, что мы так поздно начали! Теперь и из мушкетов они нас достанут, а на корме парням не спрятаться. Эх, надо было одну пушку в каюту к губернаторше защить – там было бы сподручнее! Но с таким капитаном мы, считай, вовсе без начальника, а Гаррис не в счет.

– Но мы разбили их пушки! – радовался Роб. – Джон, ты когда-нибудь видел такой удачный залп?!

Я лишь пожал плечами, потому что это был первый залп, который я видел. Мерфи и Моррисон, ругаясь, при помощи других матросов снова заряжали отброшенные отдачей пушки. Без лафетов управляться с ними быстро не получалось. Один из наших негромко скулил, сидя на палубе. По всей видимости, в момент выстрела ствол ударил его по ноге.

– А вот это уже совсем весело! – Кристин захохотала и мне стало жутко. – Мерфи, они поднимают черный флаг!

– Слезь оттуда, чертовка! – заорал чумазый кок. – Уйди в трюм, прошу!

Кристин только продолжала смеяться. Я и сам теперь видел, что под королевским испанским флагом теперь развивается черный. О таком я прежде не слышал. Мало того, что у нас не было войны с Испанией и нападать на нас они не имели никакого права, так еще и объявили себя пиратами!

– Там череп! – присмотрелся Роб, который отличался острой зрения. – Череп и... Что-то вроде песочных часов.

– Это значит: ваше время истекло! – пояснила Кристин. – Мы рассердили их, и капитан испанцев обещает убить нас всех. Что ж, по крайней мере теперь ясно, что сдаваться нет смысла. Мистер Гаррис! – закричала она помощнику капитана, вставшему за штурвал. – Пора что-то делать, или вы хотите, чтобы они ткнулись носом в нашу корму?!

Помощник капитана лишь втянул голову в плечи, но не оглянулся. Стоявший рядом с ним боцман Стивс беспомощно развел руками – он командовать не имел права, а идти против начальства боялся.

– Хотя, пожалуй, уже поздно, – сказала, подумав, Кристин. – Если попробуем отвалить в сторону, то попадем им под бортовые пушки. Слишком близко... Я спускаюсь, молодые люди, и вам советую – испанцы берутся за мушкеты!

Когда мы оказались на палубе, раздались первые выстрелы. Конечно, испанцы целили в наших канониров, и сразу уложи-

ли двоих. Если бы наши пушки находились в бортовых портах, стрельба не принесла бы результата, но сейчас спрятаться было некуда. Закричал раненый Моррисон, и второй наш залп оказался в два раза слабее первого: Мерфи, держа по фитилю в каждой руке, выстрелил из двух стволов. Нас снова заволокло дымом, стрельба испанцев почти стихла. До меня донесся звук взрыва.

– Он снова попал! – закричал Роб. – Молодец, Мерфи!

– Если морской дьявол нам не поможет, все бесполезно, – покачала головой Кристин. – Нам не отправить их на дно и не снести мачты.

Из каюты вышла Моник и быстро огляделась. Даже в дыму, морщась от пороховой гари, она была прекрасна! Я направился к ней, чтобы предложить свои услуги, но Дюпон оказался возле жены раньше.

– Слышала, дорогая? – неожиданно весело спросил он. – Испанцы подняли флаг с песочными часами! Их капитан обещает перебить всех находящихся на борту брига!

– Вот как? Но это ужасно!

Или мне показалось, или в голосе Моник сквозил не страх, а раздражение. Однако размышлять о странных взаимоотношениях супружеской четы мне было некогда – Мерфи, ругаясь на чем свет стоит, просил хоть кого-то ему помочь. Мы с Робом кинулись к нему и помогли засыпать в пушки пороху и забить пыжи. Действовали мы не слишком умело, да и заряжать лежащие без лафетов пушки неудобно. Когда кок, ставший нашим главным канониром, лично опустил в пушки ядра и приготовился поднести к ним фитили, испанцы уже отваливали в сторону. Они были совсем рядом и один из них, подняв мушкет, целился прямо в меня! Если бы наши пушки не выстрелили в ту же секунду и нас не заволокло дымом, все было бы кончено.

– Они нас обходят! – Мерфи, кашляя, потащил нас с Робом с корабля. – Ну, теперь начнется веселье! У них людей больше, чем у нас, раза в четыре! Я уж не говорю про бортовой залп! Где Кристин?

Но девчонка куда-то пропала. Испанский фрегат и правда догнал «Устрицу» – теперь его нос поравнялся с нашим левым бортом. Моник исчезла с палубы, а Дюпон, все так же необычайно быстро перезаряжая свое длинноствольное ружье, вступил в перестрелку с испанцами. Судя по ругани, доносившейся с фрегата, огонь француза наносил им немалый ущерб. К Дюпону присоединились и те из наших матросов, что посмелее, но и в ответ летели пули. Мне и Робу, как и многим другим, мушкетов не досталось, так что оставалось лишь наблюдать.

– Почему не стреляют наши пушки?! – возмутился Мерфи.
– Пойду вниз! Если увидите Кристин, прошу: затащите ее в какой-нибудь уголок потише!

Роберт, конечно же, принялся метаться по бригу в поисках неугомонной девчонки. Я хотел ему помочь, но вдруг увидел Моник. Она стояла по правому борту, за кормовой надстройкой, и пока была в полной безопасности, но именно заметив ее, я понял, что все мы, по сути, обречены. Мне просто не верилось, что испанцы могут быть настолько жестоки, чтобы убить и ее! Я подошел и Моник подняла на меня свои прекрасные синие глаза.

– Мы проиграем бой, верно? – спросила она и я восхитился ее мужеством.

– Еще ничего не решено!
– Их больше, и корабль у них быстрее... – Моник пожала плечами. – Что ж, чему быть, того не миновать. А ты, Джон, лучше бы отложил саблю. Я могу сказать, что ты мой паж.

– Не поможет! – Кристин неожиданно оказалась рядом. Вся в саже, веселая, она ловко заряжала где-то добытый пистолет. – Если капитан поднял флаг с песочными часами – умрут все, это закон! Иначе никто в этих морях не будет его уважать.

– Мерфи приказал держать тебя подальше от боя... – робко заметил я.

– Пусть командует своей старой задницей!

Миг – и Кристин исчезла в дыму. Корабль качнуло – это выстрелили наши пушки по левому борту, прямо в пушечные порты испанцев. Те ответили почти в тот же миг, и мне показалось, что «Устрица» сейчас развалится и вместе с нами отправится ко дну. Моник, чтобы не упасть, схватилась за меня. По палубе покатился боцман Стивс и я с ужасом понял, что у него напрочь оторвана одна нога.

– Что ж, если выхода нет – вперед, Джон! – Моник с неожиданной силой оттолкнула меня. – Может быть, если мы непустим их на наш корабль, испанский капитан все-таки начнет переговоры?

Я шагнул в дым, ожидая немедленной гибели. Под ногами у меня оказался кем-то оброненный мушкет, я поднял его и наудачу выстрелил. Мушкет оказался заряжен и я даже расслышал в дыму чей-то отчаянный крик. Я попал в этого человека, или это был кто-то другой? Я пригнулся, стараясь найти где-нибудь на палубе порох и пули, без которых мой мушкет был теперь бесполезен. Вот-вот испанцы должны были дать новый залп. Порывом ветра дым снесло в сторону и я увидел их высокий борт. Пушки, казалось, смотрели прямо на меня. Я понял, что если испанцы захотят, то снесут с нашей палубы все: и людей, и даже мачты. Но вместо ядер к нам на борт полетели крючья.

– Руби их, руби! – мимо меня пробежал наш корабельный плотник с топором. – Не стойте, рубите канаты!

Он успел избавить «Устрицу» от двух или трех вонзившихся в борт абордажных крючьев, а потом чья-то меткая пуля размозжила ему голову. Я, отчаянно размахивая саблей, продолжил его дело, на помощь мне подоспели несколько матросов, но испанцы ужесыпались на нашу палубу, как горох. Не прошло и минуты, а корабли сблизились и сцепились намертво. Каким-то чудом увернувшись от направленной на меня пики, я попытался поразить испанца саблей, но он ловко ударил меня древком в живот и я упал. Несколько мгновений я не мог под-

няться и лишь ловил воздух ртом, словно рыба, глядя на кипящую вокруг битву.

Большинство наших матросов не привыкли сражаться, и поначалу испанцы легко потеснили нас. Но потом в бой ворвался Дюпон. Надо отдать должное букиньюру, драться он умел. В упор пристрелив здоровенного бородача в богатом костюме, он отбросил ружье и выхватил у мертвца из-за пояса пистолет, чтобы тут же прикончить еще одного испанца. Третий бросился на француза с топором, но наткнулся на неуловимо быстрым движением выхваченную шпагу.

Я смог наконец вскочить и присоединился к Моррисону, которому из-за раны приходилось орудовать только левой рукой. Вдвоем мы потеснили противостоявшего ему испанца, потом Моррисон, сделав необычно ловкий для его комплекции выпад, проколол врагу горло. Мы, все так же вместе, атаковали спрыгнувшего с фрегата офицера, и на какое-то время мне показалось, что победа будет за нами. Однако испанцы, поднявшись на нижние реи, дали по нам залп из мушкетов и сразу несколько наших матросов упали.

– В сторону бака! – хрипло закричал Моррисон. – Отходим в сторону бака!

Я увидел, как офицер, уклонившийся от боя с нами, хладнокровно заколол лежавшего у него под ногами раненого матроса. Сомнений не осталось: испанцы пришли не брать нас в плен, а убивать. Их капитан оставался верен своему обещанию.

Отступив к носу «Устрицы», мы встали плечом к плечу и снова остановили натиск неприятеля. Дюпон, разумно рассудив, откуда исходит большая опасность, снова взялся за ружье и одного за другим сбивал с рей испанского корабля засевших там врагов с мушкетами. Краем глаза я заметил старого Мерфи, с ножом в зубах и двумя саблями в руках отбивавшегося от целой группы испанцев.

– Дюпон! – даже сквозь шум боя прорезался высокий голос Кристин. – Дюпон, их капитан возле штурвала, в красной шляпе!

Эта девчонка действительно неплохо соображала! Если честь капитана зависит от исполнения им же вынесенного приговора, то единственный наш шанс – убить его! Может быть, тогда испанцы задумаются о потерях и согласятся оставить нас в живых? Между тем натиск врагов понемногу усиливался – их было больше, на место раненого тут же вставал свежий боец. Мои руки налились тяжестью, я размахивал саблей все медленнее. Заметив это, мой противник, коренастый испанец в железном шлеме, со всей силы ударил по моему клинку и оружие вылетело у меня из рук. Следующий удар прикончил бы меня, если бы отчаянно кинувшийся мне на помощь Роберт не успел вонзить нож в живот врага.

Испанец, удивленно вытаращив глаза, прижал руки к ране, будто пытаясь таким образом остановить хлынувшую кровь. Роб, почему-то не менее удивленный, выпустил нож и попятился. Мне пришлось хорошошенько встряхнуть друга, чтобы он пришел в себя. Дюпон, расстреляв все заряды, снова взялся за шпагу, расшивыряв сразу нескольких врагов. Однако испанцы, поняв, какую угрозу представляет для них француз, теперь не нападали на него по одному. Как ни яростно дрался букиньер, но вынужден был отступать шаг за шагом, пока не оказался прижат к борту. Я с ужасом понял, что Дюпон вот-вот падет, и тогда нам долго не продержаться.

И в тот самый миг, когда зашедший сбоку испанец уже поднял шпагу для решающего удара, у меня заложило уши от чудовищного, истошного визга. Все, как по команде, перестали сражаться и повернули головы. Если бы я не видел этого сам, то не поверил бы, что этот крик гарпии могла издать прекрасная Моник. Тянулись мгновения, а она все визжала и визжала, идя прямо на испанцев. И еще прежде, чем замолчать, вдруг выхватила спрятанный в юбках пистолет и выстрелила прямо в лицо высокому, богато одетому испанцу. Прежде, чем враги успели что-то понять, во второго полетел тонкий, узкий сти-

лет. В наступившей тишине я отчетливо услышал, как рядом выругался Моррисон – испанец упал на палубу с торчащей из горла рукояткой.

Единственный, кто не терял времени – Дюпон. Получив неожиданную и такую нужную помощь от своей жены, он несколькими точными ударами прикончил неподвижных противников и с криком бросился вперед, разя неприятеля. Вслед за ним кинулся Моррисон, потом другие, и испанцы дрогнули. Мы теснили их по всему кораблю, некоторые уже перебирались обратно на свое судно. Такой неожиданный перелом в сражении вызвал панику у испанцев и прилив сил у наших. Надолго бы этого не хватило, но старик Мерфи внес свою лепту. Кок поджег запал у ядра и, крякнув от натуги, исхитрился перебросить его через высокий борт вражеского корабля. Ядро разорвалось в самой гуще не ожидавших этого испанцев, и на вопли изувеченных врагов мы ответили дружным победным ревом.

– Ты достал его! – снова донесся до меня крик Кристин. – Молодец, старый Джек!

Я скосил глаза и увидел, как испанцы на руках уносят белобородого капитана, то ли раненого, то ли убитого. Богатая красная шляпа, подброшенная разрывом, упала на нашу палубу. Но и это еще не все – бросок Мерфи оказался настолько удачен, что повредил фок-мачту испанцев, она опасно накренилась.

– Руби концы! – закричал Дюпон. – Нам надо отвалить от них!

Потеря капитана окончательно деморализовала испанцев. Они полностью прекратили попытки захватить «Устрицу» и отступали на свой корабль. Мы занялись крючьями и спустя минуту полностью освободили от них борт брига. Матросы, почти не нуждаясь в командах, занялись парусами, Мерфи встал к штурвалу. Когда испанцы опомнились и дали по нам залп из пушек, бриг почти успел повернуться к неприятелю высокой кормой. Мы потеряли еще двоих, но оснастка урона не понес-

ла. Минута – и «Устрица», набирая ход, оказалась уже в сотне футов от врага.

– Теперь нам бы только не затонуть! – Мерфи взял командование на себя. – Проверьте трюм – нет ли течей! Плотника убили, вот черт! Без него нам придется туго. Кристин! Да не вертись на палубе, они же снова будут стрелять! И вообще шла бы переоделась, неприлично девице твоих лет разгуливать в платье с оторванным рукавом.

– Да, пора проведать хозяйку! – проходя мимо Роберта, Кристин сунула ему в руку все еще дымящийся пистолет. – Кстати, все хочу спросить: а где наш геройский капитан?

– Упился в стельку еще до того, как испанцы пошли на абордаж... – хмуро сказал Моррисон. – Валится в каюте, где ему быть?

– Надо посмотреть! – Дюпон решительно направился к корме. – Вдруг испанцы добрались до него?

Не зная, чем себя занять и чувствуя дрожь во всем теле, я пошел с ним. Француз оглянулся на меня через плечо и отчего-то подмигнул.

– Вы просто великолепны, мсье Дюпон, – сказал я, когда мы подошли к капитанской каюте. – Если бы не вы...

– Теперь ты знаешь, каковы в деле букиньеры. А то небось думал, что я «хвастливый французик», как вы нас называете? – Дюпон без стука отворил дверь и я увидел капитана, ничком лежавшего на койке. – Постой здесь, мне кажется, там ужасная картина...

Дюпон вошел и затворил за собой дверь. Я, несколько обескураженный, вдруг вспомнил о ревности мсье Клода к капитану и заподозрил неладное. Но прежде, чем я решился войти, француз уже вернулся ко мне.

– Так я и знал – мертв! Кто-то из испанцев побывал здесь и заколол его, пьяного, в спину, – он посмотрел прямо мне в глаза и вдруг широко улыбнулся. – Оно и к лучшему, правда? Такой капитан всем только мешал.

Он вернулся на палубу, а я, немного подумав, все же решился войти. Внешне все выглядело именно так, как сказал Дюпон: из спины лежавшего капитана торчал нож. Удар пришелся прямо в сердце. Вот только в тот короткий миг, когда я видел капитана через дверь, ножа у него в спине я не заметил... Я никогда не считал себя трусом, а теперь только вышел из кровавой сечи, и все же мне пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы прикоснуться к руке мертвеца. Она оказалась еще теплой. Снова взглянув на спину Бриджиса, я увидел, как по камзолу медленно расползается кровавое пятно. Капитана убил Дюпон, прямо сейчас, почти на моих глазах!

Только что я был готов преклоняться перед этим человеком – и вот, оказалось, что он может убить спящего человека ударом в спину. И всего-то потому, что ревнует к нему жену! Мне стало не по себе, навалилась страшная усталость. Я вышел на палубу и сел прямо на доски, залитые кровью. Вокруг царило ликовение – оказывается, у испанцев вдобавок ко всему вспыхнул один из основных парусов, и теперь враги были заняты тушением пожара.

– Даже не стреляют! – ухмылялся довольный Мерфи. – Скоро будем далеко. А меньше, чем через час, будет уже темно, и пусть тогда попробуют нас отыскать! Парни, огни не жечь, это серьезно!

Дюпон стоял рядом с ним и, прикрыв глаза, ощупывал капитанскую подзорную трубу, которую успел прихватить в каюте. Теперь эта его привычка показалась мне зловещей. Мерфи, отдав еще несколько распоряжений, присел рядом со мной и раскурил трубку.

– Ты видел мертвого капитана? – тихо спросил он.

– Его убил Дюпон.

– Я так и подумал... Но, если откровенно, это меня устраивает, – я удивленно посмотрел на него и старик пожал плечами.

– Ни к чему нам этот пьяница. Хотя бы яйца от кур и молоко

от козы достанутся раненым. Пусть уж покомандует Гаррис, плавание почти завершено. Вот плотника жалко – течи у нас серьезные... Так что ты, парень, прикуси язык. Ребята после этого боя горой встанут за француза, а он, как ты теперь знаешь, парень злопамятный. Мой добрый совет: молчи.

Я вздохнул. Мимо прошла Моник – как всегда прекрасная, изящная... Я не мог поверить, что эта леди могла за одну секунду отправить на тот свет пару испанцев. Похоже, она совершенно не переживала о случившемся. Они с Дюпоном коротко о чем-то переговорили, но никакой близости между ними я не заметил. Это показалось мне странным – ведь Моник только что спасла ему жизнь.

– А эта дамочка, может быть, еще покруче муженька... – задумчиво прошептал Мерфи. – И глаза у нее во время боя стали разноцветные, Кристин права.

Веки мои совсем отяжелели, и я почувствовал, что проваливаюсь в сон. Усталые матросы вели корабль и перевязывали раненых, но об уборке никто речи не заводил. Последнее, что я помню – рядом со мной присел Роберт и стал что-то рассказывать о Кристин. Я уснул, и мне приснилась наша с дедом ферма. Я сидел на крыльце дома и говорил со странным прозрачным человеком. Он рассказал мне много интересного и о Дюпоне, и о Моник, и, почему-то, о сэре Френсисе Дрейке. Но что именно, я к утру не помнил.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Черный флаг

– Вставай, соня! Завтракать пора.

Меня разбудил Роберт. Солнце уже взошло и я, услышав о завтраке, сразу почувствовал, как чудовищно голоден. Встать оказалось нелегко – и ноги, и спина затекли от ночевки на палубе. «Устрица» все также шла по ветру, море выглядело спокойным. Будто и не были мы вчера на краю гибели. Завтракать все пришли на палубу – кроме раненых и губернаторши, которая, по словам Кристин, пребывала в состоянии, близком к помешательству.

– Мне пришлось отхлестать ее по щекам и запереть в каюте! – просто сказала она. – Что ты так на меня уставился, Джон МакГиннис? Надоело! То сделай, это принеси, и так целый день. А уж сколько она мне пощечин надавала! Хватит, теперь моя очередь. А завтрак ей не положен, пусть немного успокоится.

– Где-то я видел тебя прежде, – усмехнулся Дюпон. – И обязательно вспомню, где...

– Вы, мсье Клод, для этого выкрали у меня заколку? – Кристин повернулась к нему, не переставая грызть сухарь. – Что, тоже держали ее, закрыв глаза?

Некоторое время француз и Кристин смотрели друг другу прямо в глаза, потом Клод рассмеялся.

– Есть у меня такая привычка! Верю, что вещи могут о многом рассказать. Например, мне кажется, что эту заколку ты купила в Лондоне, с полгода назад.

– Так и есть, – кивнула Кристин. – Оставьте ее себе. Я заметила, вы о чем-то толковали с мистером Гаррисоном. Не поделились?

– С капитаном Гаррисом, – уточнил Дюпон. – Я рассказал ему об одном известном мне островке с удобной бухтой, куда мы могли бы зайти для починки. Капитан Гаррис согласился со мной, что продолжать плавание, имея такие течи, слишком опасно.

– И что же это за островок, позвольте спросить? – поинтересовался Мерфи.

– Его называют Каменистый, – поведал француз. – На большинстве карт он не обозначен, но буканьеры, проплывая мимо на каноэ, пополняют на острове запасы воды. Дичи там почти нет, поэтому остров необитаем.

Я заметил, как Мерфи и Кристин быстро переглянулись. Гаррис, ставший нашим капитаном, занял место за штурвалом. Мне трудно было представить, как этот тихий, вечно о чем-то размышляющий человек будет командовать кораблем. Хотя навигатором он, насколько я понимал, был просто превосходным.

– Мы будем на Каменистом уже сегодня, если ветер не переменится, – добавил Дюпон. – Моник, ты сможешь прогуляться по твердой земле!

Вместо ответа Моник, закончившая с едой, промокнула губы вышитой салфеткой и подошла к Гаррису. Мне со своего места было заметно, как наш капитан густо покраснел. Француз, покосившись на них, хмыкнул и усерднее заработал челюстями.

– Ну все, теперь Гаррис долго не протянет... – шепнула Кристин и захихикала. – Странно, что наш ревнивец еще не прикончил Джона, с которым так любит поболтать мадам Моник. Наверное, просто не считает его соперником!

– Я не понимаю, о чём ты говоришь, – как мог спокойно ответил я, но почувствовал, что краснею вслед за Гаррисом. – И вообще мне эта тема не кажется веселой.

– Как, ты еще не привык к жизни в Вест-Индии? – деланно удивилась Кристин. – Привыкайте, мистер Джон! Тут у нас постоянно убийства, грабежи...

– Так значит, ты бывала в этих местах? – уточнил я. – Рассказала бы, где научилась стрелять.

– Боюсь, это слишком страшная история для такого мирного человека, как ты! – девчонка показала мне язык и поднялась. – Что ж, к острову – так к острову. Джек, могу я помочь тебе на камбузе?

Мерфи молча кивнул. Я понял, что Кристин нужно о чем-то пошептаться с коком и не последовал за ними. Роберт попробовал было сунуться в камбуз, но его тут же выставили. Гаррис почти не отдавал команд, матросы двигались лениво, и дисциплина на судне, как мне показалось, серьезно упала. Как не презирали моряки Бриджиса, но все же боялись. Гаррис – другое дело, он даже прикрикнуть ни на кого не умел, а помочь ему, после гибели боцмана, могли только Дюпон или Мерфи.

Мы с Робертом по своей инициативе занялись уборкой и немного привели палубу в порядок. Потом пришлось отчерпывать воду из трюма, потому что заделать течь как следует пока не получалось. Когда мы справились с этой работой и поднялись на палубу передохнуть, солнце уже перевалило за полдень. Примерно час спустя марсовый крикнул, что видит остров.

Сначала мне показалось, что название Каменистый острову не подходит – я видел сплошную зелень. Но Дюпон пояснил, что весь островок представляет собой скопление скал, покрытых буйной тропической растительностью. Около двух часов понадобилось нам, чтобы обогнуть Каменистый и найти вход в бухту, совершенно неприметную для постороннего глаза. Если бы француз не бывал здесь раньше, мы бы ее не скоро заметили. Гаррис собрался было послать вперед шлюпку, чтобы промерять глубину, но Дюпон остановил его.

– Я видел, как здесь стояли корабли и побольше «Устрицы»! – уверенно сказал он. – И видел, как они чинились! Надо спешить и действовать быстро: скоро отлив! Если мы успеем подойти к берегу в том месте, где я покажу, бриг сядет на мель

и нам станет легче латать пробоины. А прилив снимет нас с мели, всего и дел!

Если Гаррис и имел какие-то сомнения, то промолчал. Француз не подвел, и вскоре «Устрица», благополучно войдя в маленькую, уютную бухту, бросила якорь у песчаного пляжа. В ожидании, пока отлив обнажит борт судна, команда почти целиком сошла на берег. Гаррисон тихо пробормотал что-то на счет необходимости выставить часовых, но никто не обратил на эти слова внимания. В конце концов, все мы по-прежнему были вооружены. Мы с Робом помогли перебраться на сушу раненым и попробовали прогуляться по окрестностям, но бухту действительно окружали неприступные скалы и далеко мы забираться не стали. Меня поразило, сколько деревьев и усыпанных цветами кустарников росло буквально на голых камнях. Удивляло и обилие ярких, красивых птиц самой разной расцветки. Воздух гудел от насекомых.

– Осторожнее, тут могут быть змеи! – неслышно подошедший Дюпон заставил нас вздрогнуть. – Лучше бы вам вернуться к кораблю.

– А вы куда, мсье Клод? – спросил Роберт.

– Решил прогуляться, пока моя женушка болтает с капитаном Гаррисом. Она от него просто не отходит! – француз недобро осклабился и подмигнул мне правым, ярко-зеленым глазом. – Я скоро вернусь.

– Позвольте нам с вами! – попросил Роб. – Мы никогда не были в таких местах.

– Ну, у вас много времени впереди! Увидите еще и говорящих попугаев, и аллигаторов размером с корову, из-за которых в местных реках нечасто можно искупаться... А еще огромных пауков, полных яда! Впрочем, хотите – идите, я не возражаю.

Забросив ружье на плечо, Дюпон быстро и легко зашагал вперед, мы за ним едва поспевали. Мне показалось, что французу не нравится наша компания, но любопытство было сильнее

вежливости. Уверенно двигаясь по едва заметной тропинке меж скал, он вскоре вывел нас к какому-то поселку. От удивления мы встали, как вкопанные.

– Здесь никто не живет! – рассмеялся Дюпон. – Давно. Но когда-то люди здесь жили... Испанцы пришли и убили индейцев, построили на месте их поселения эти дома. Потом пришли индейцы и убили испанцев, всех до одного. Опасаясь мести, индейцы покинули остов на каноэ, а испанцы уже не вернулись. Вот и все.

Дюпон присел передохнуть, а мы с Робом пошли бродить меж домами. Зловещая история этого места лишний раз напомнила мне, как много крови еще предстоит увидеть. Прав ли был дед Джон, отправляя любимого внука в Вест-Индию, подальше от войн Старого Света? Я уже знал, что здесь сложить голову совсем нетрудно.

Роберт заглянул за угол дома и вскрикнул. Я последовал за ним и увидел пожелтевший, разбитый человеческий череп. Пойдя ближе, мы нашли еще три и сломанное копье. Один череп был совсем маленьким.

– Господи, эти дикари убивали даже детей! – вырвалось у меня.

– А как же! – Роб поднял обломок копья и рассмотрел наконечник из обломка камня. – Всех убили... Но испанцы поступали так же. Смотри!

Я повернул голову в указанном им направлении и успел заметить, как какое-то животное быстро скрылось в кустах. Мы с Робертом вытащили из-за поясов прихваченные с корабля трофейные испанские пистолеты. После боя на палубе «Устрицы» осталось лежать много оружия.

– Это собака, Джон. Не думаю, что она нападет.

– Собака?.. – меньше всего я ожидал увидеть здесь собаку. – Погоди, выходит, и люди здесь есть!

– Нет! Кристин рассказывала, что на островах полно одичавших собак. Испанцы привозили их, чтобы охотиться на ин-

дейцев. Сперва они хотели сделать из них рабов, но индейцы жестоки и коварны, постоянно убивали хозяев. Тогда их стали уничтожать. Устраивали облавы, травили собаками, загоняли в скалы, где нечего есть. Она говорит, что иногда находят сотни скелетов – индейцы умирали от голода целыми племенами.

– И откуда она только это знает?

– Ну... Мерфи, может быть, ей рассказал. Он-то в Вест-Индии бывал не раз.

Мы еще немного прошлись по брошенному поселку, зашли в несколько домов. Вещей в них не оказалось – наверное, индейцы забрали все, что могло представлять ценность. Заскучав, мы вернулись к тому месту, где оставили Дюпона, но француз куда-то исчез. Нам ничего не оставалось, как пойти назад к бухте.

Собака все не шла у меня из головы. Если животные, оставшись без своих жестоких хозяев, выжили и одичали, то, выходит, нашли себе пропитание. Вряд ли им стали разноцветные птички или даже змеи. Выходило, что дичь на острове есть, а тогда Дюпон нам солгал. Я поделился этим соображением с Робертом и он согласился.

– Знаешь, вообще странно, что он ушел далеко от своей Моник. Конечно, Гаррис – не Бриджис, и ожидать от него какого-то смелого поступка нельзя, но ведь раньше он вечно был рядом с женой! А теперь куда-то удрал...

– Лучше нам поскорее вернуться и предупредить Гарриса, – решил я.

И все же нам пришлось потратить немало времени, чтобы отыскать дорогу среди скал. Дюпон, должно быть, много раз бывал на Каменистом, если знал так хорошо каждую тропку. Мы окончательно убедились, что он был тут не просто «проплывая мимо на каноэ». Когда мы наконец вернулись на пляж и сообщили Гаррису о своих догадках, Моник занервничала.

– Лучше бы нам уплыть, капитан! – воскликнула она. – Вы ничего не знаете о моем муже, но это страшный человек!

– Мы не можем сняться с якоря, мадам! – Гаррис беспомощно развел руками. – «Устрица» уже села на мель, теперь нам не сдвинуть ее до прилива. Самое время заняться починкой. Кроме того, вам совершенно не о чем беспокоиться: команда вооружена, и пока я здесь капитан, все мои люди будут защищать вас.

По тому, как горели щеки Гарриса, я понял, что Моник смогла и в этом сухаре пробудить чувства. У меня в голове даже мелькнула шальная мысль, что ревность Дюпона, может быть, вовсе не беспочвенна... Но Моник тут же улыбнулась мне и взяла за руку.

– Джон, мальчик мой, никуда не уходи! Побудь моим личным телохранителем. А вы, капитан, приготовьте команду к бою. Я говорю совершенно серьезно: если Дюпон привел нас к своим приятелям-букиньярам, дело может обернуться скверно для нас!

– Их не может быть много! – отрезал Гаррис. – Остров совсем маленький, много охотников не прокормит. Все будет хорошо, леди, но я немедленно отдам все необходимые распоряжения.

Он почти побежал по песку к матросам и Роб даже присвистнул. За все время плавания мы не видели Гарриса таким энергичным. Мне, впрочем, было не до него – на моем запястье лежали прохладные пальцы Моник. Она снова улыбнулась мне и я понял, что никогда не забуду эту улыбку.

– Леди Моник! – отвлек ее Роберт. – Если не секрет: где вы так научились метать ножи?

– Я много путешествовала по самым разным странам... Как-то незаметно научилась, – Моник пожала плечами. – На самом деле, конечно, это получилось случайно. Я очень испугалась. Всюду кровь, кровь и эти ужасные испанцы... Не думала, что они такие жестокие. Наверное, король об этом не знает! Я ведь немало времени провела в Мадриде. И стилет, кстати, именно там привыкла постоянно носить с собой. Вокруг слишком много грубых и жестоких мужчин... Таких, как Клод Дюпон, например.

– Он убил капитана Бриджиса! – не выдержал я. – Просто засколол спящего!

– Ух ты! – Роберт округлил глаза. – Даже в трущобах Лондона так не поступают! Тебе надо было сказать об этом Гаррису, он бы его арестовал... Хотя, что за чушь я несу? Дюпон сам бы его арестовал.

– Пойдемте на корабль! – попросила Моник. – Мне неспокойно. Я уверена, что Клод вернется не один!

Через несколько часов ее предчувствие сбылось. За это время мы кое-как залатали течи и могли идти дальше к Ангилье, но приходилось ждать прилива. Я заметил, что старик Мерфи о чем-то шептался с некоторыми матросами, и почуял неладное. Поделившись своими наблюдениями с Робертом, я услышал, что и он обеспокоен.

– Моррисон говорил о чем-то с Брауном. Шептались, спорили... А потом Браун вскочил и говорит: мне на виселицу неохота! Прямо так и сказал! – Роб быстро огляделся, и зашептал мне на ухо: – Я думаю, Мерфи и Моррисон – пираты! И они подбивают команду к бунту. Только, вроде бы, ничего у них не выходит. Большинство парней боятся идти против закона. Но если Дюпон встанет на сторону Мерфи, многие могут передумать... Дюпон – герой, сам понимаешь. А Гаррис все же тряпка.

Насчет Гарриса мой друг был совершенно прав. Где это видано, чтобы капитан работал наравне с матросами? Это сразу ставит их на одну доску, и командовать труднее. Но Гаррис, похоже, думал только о леди Моник и постоянно прибегал освежомиться о ее здоровье. Моник улыбалась ему, любезничала, а я краснел и злился.

Наконец, начался прилив. Пора было переносить на бриг раненых. Моник заметно успокоилась, но постоянно следила за берегом. Она первая и увидела француза.

– Он возвращается! – крикнула она. – И – да, он не один!

Столпившись возле борта, мы увидели, что вместе с Дюпоном пришли еще семь человек, вооруженных такими же длинноствольными ружьями. Все вместе они спокойно вышли на берег и направились к кораблю. Француз весело помахал нам шляпой, но я заметил, что его спутники идут на значительном расстоянии друг от друга. Так, будто боятся выстрелов с корабля.

– Я выйду ему навстречу! – Гаррис заметался в поисках шляпы и шпаги. – Мы не пустим этих головорезов на «Устрицу», леди Моник!

– Навстречу кому?! – Моник заломила руки. – Капитан, да буканьеры ничем не лучше пиратов! Вы что, собираетесь с ними разговаривать?!

– Я возьму с собой десять человек! Сила на нашей стороне! А просто так стрелять я не могу, возможно, эти охотники хотят нам помочь.

Гаррисон забрал с собой большую часть матросов. Я заметил, что одного из них Моррисон придержал за локоть, и тот, почесав затылок, остался. В суматохе этого никто не заметил. Мерфи предложил на всякий случай зарядить пушки, что мы и сделали. Когда Гаррис со своими людьми приблизился к Дюпону, между ними состоялся короткий разговор. Дюпон, кажется, хотел подойти к капитану ближе, но Гаррис попятился. Тогда француз развел руками, обернувшись к спутникам, и что-то им приказал. Секунду спустя буканьеры открыли огонь, сразу разбежавшись в стороны и спрятавшись среди густой зелени. Позже я узнал, что именно этот рассыпной строй стал их главным преимуществом в вечной войне с испанцами.

Первым погиб Гаррис, вслед за ним упали еще несколько наших матросов. Вернуться к кораблю они не могли, потому что для этого нужно было пересечь совершенно открытый пляж. Пожалуй, победа досталась бы буканьерам, но тут заговорили наши пушки. Управлялся с ними Мерфи прекрасно, и охотники понесли потери, хотя какие именно, мы рассмотреть не могли.

Перестрелка на берегу стихла. Один матрос, тот самый Браун, что не торопился на виселицу, вскочил и побежал к бригу, но через несколько шагов упал, сраженный точным выстрелом. Стало ясно, что добраться до «Устрицы» не удастся никому. Мерфи еще дважды выстрелил и взялся за трубку – где именно скрываются отступившие в кустарник букиньеры, было совершенно непонятно.

– И что же дальше? – спросил Роб. – Так и будем смотреть друг на друга? Чего, интересно, этот Дюпон вообще хочет?

– Корабль, что же еще! – хмыкнула Моник. – Корабль стоит немалых денег, да еще с грузом!

– Однако здесь его жена! – напомнил Мерфи. – Значит, мы могли бы, скажем так, обменяться...

– Вы этого не сделаете! – побледнела женщина. – Вы же видите – он пират! Разбойник! Где ваша честь, британские моряки?

Я вскочил на ноги и молча вытащил из ножен саблю. В этот миг я готов был стоять за Моник против всего света. Матросы нерешительно переглядывались, Мерфи молча курил трубку. Неизвестно, как долго могла бы тянуться эта пауза, если бы на сцене не появилась Кристин.

– Ну, хватит валять дурака!

Она была в мужском костюме, высоких сапогах, при сабле и с пистолетами за поясом. Прежде, чем кто-либо успел произнести хоть слово, Кристин одним прыжком вскочила на бочку и развернула большой кусок черной ткани, который принесла с собой. Материя развернулась до самой палубы. Прямо на нас смотрел череп, под которым красовались две скрещенные kostи.

– Я, Кристин Ван Дер Вельде, дочь капитана Ван Дер Вельде, объявляю этот корабль захваченным! Теперь я здесь капитан! Кто со мной?

Кто-то из матросов нервно рассмеялся, но умолк, когда Кристин наставила на него пистолет.

– Что ты молчишь, Мерфи?

– А что я могу сказать? Ты совсем рехнулась, девочка, но раз так – я, конечно, с тобой, капитан, – Мерфи отложил трубку и тоже достал пистолет. – Моррисон?

– А кто будет капитаном? – осторожно спросил рыжий матрос. – Ну не она же, Джек! Давай лучше ты!

– Она – дочь капитана Ван Дер Вельде, разве ты не слышал? – Мерфи встал рядом с Кристин. – Одного имени этого голландца хватит, чтобы целая испанская колония наложила в штаны! И дочку свою капитан Ван Дер Вельде нежно любит, поэтому слушайся ее, если не хочешь, чтобы он достал тебя и в ад!

– Я с вами, капитан! – согласился Моррисон и подмигнул коку. – Леди капитан!

– Без шуточек, толстяк! – прикрикнула на него Кристин. – Если кто-то не хочет признать мою команду, то может получить пулю, а может спрыгнуть за борт! Без корабля вы буканьерам не нужны, они оставят вас в покое. Ну, решайтесь!

Я не верил своим ушам: Кристин захватывала бриг! И матросы не возражали. С некоторыми из них успел поболтать Мерфи, но остальные... Я посмотрел на Роба. Он стоял с открытым ртом и в глазах у него не было ни единой мысли.

– Кристин, одумайся! Клянусь, я никому ничего не расскажу! – я не знал, что еще сказать. – Ведь это пиратство, Мерфи! Ты никогда не сможешь вернуться в Англию, тебя немедленно повесят!

– Я уж вернулся как-то раз, – вздохнул кок. – Черный Мерфи вернулся домой богатым... Но без моря затосковал и быстро проиграл все золото, что привез. Не вышло из меня богача, сынок. Так что выбирай скорее: оставайся или уходи.

– Не будь дураком, Джон! – обратилась ко мне Кристин. – Нужели ты еще не полюбил море и свободу? У нас есть корабль, и мы сами себе хозяева! Джон, ты больше не юнга, которого всякий может пнуть, и ни один офицер не выпорет тебя линем! Стань свободным человеком, мистер Мак-Гиннис.

– И чем же ты собираешься заниматься? Морским разбоем? Кристин, ты еще совсем девочка и многое не понимаешь, пусть твой отец и пират! Неужели ты хочешь грабить и убивать?

– Во всякой профессии есть свои издержки! – отрезала Кристин и наставила на меня пистолет. – Ты славный малый, Джон, но решай быстрее. Пора выбирать якорную цепь. Роб! А ты – со мной?

– Я? – Роберт будто только что очнулся. – Кристин, а как же...

– Ты хочешь назад, на лондонское дно, воровать гроши у честных людей? Или, может быть, тебе больше по нраву отнимать то, что тоже нажито грабежом? Золото и серебро не растут на деревьях, испанцы отбирают их у индейцев, а мы заберем себе! Терять тебе нечего, Роб. Зато ты можешь стать богатым!

Роберт жалобно посмотрел на меня и я с ужасом понял, что он сейчас согласится. Но один – всего один! – из тех семерых матросов, что оставались на «Устрице», вдруг решительно встал, подошел к борту и молча спрыгнул в воду.

– Что ж, это его выбор! У нас достаточно людей, чтобы вести бриг, – утешила сама себя Кристин. – Все, я считаю, что те, кто остался, идут со мной.

– Нет! – крикнул я и вдруг почувствовал на своем плече руку Моник.

– Не торопись! – попросила она. – Не торопись, мой мальчик. Ты ведь все-таки мой защитник, разве не помнишь? А я не могу ни идти на берег к Дюпону, ни остаться тут одна с пиратами. Капитан Кристин, каково теперь мое положение? Я пленница или могу примкнуть к твоей команде?

Тут уж я раскрыл рот, как недавно Роберт. Моя прекрасная леди Моник собирается стать пиратом? Я едва не задохнулся от удивления.

– Ну, если хочешь, я тебя, пожалуй, возьму, – нерешительно согласилась Кристин, пристально разглядывая Моник. – Всякое может случиться, а лишний стрелок нам не помешает. Верно я говорю, Мерфи?

– Вроде бы, верно, – кивнул старик.

– Тогда я прошу возможности спокойно переговорить с Джоном, капитан Кристин. Это не займет много времени.

Не успел я опомниться, а Моник с неожиданной силой потащила меня в сторону. Я не знал, что предпринять. Попытаться увести ее с брига силой? Но на берегу, без пушек, я не смогу защитить ее от Дюпона. Остаться с ней? Но это означало стать пиратом. А пират, куда бы он не плыл, всегда плывет к виселице. Не говоря уж о том, что дед Джон, честный служака, никогда не одобрил бы такого поступка.

– Мне надо убраться подальше от Дюпона, – быстро сказала Моник. – От этого зависит моя жизнь, поверь! В первом же порту мы сойдем с корабля, и пусть дальше разбойничают без нас. Но сейчас, сам видишь – делать нечего, придется подчиниться этой сумасшедшей девчонке. Не бросай меня в беде, Джон!

Конечно, я не мог ее бросить. Когда ее лицо было так близко, я готов был ради Моник на все. Ничего не ответив, я обернулся к Кристин и молча кивнул. Мне показалось, наш капитан осталась довольна. Она спрыгнула с бочки и приказала поднять якорь. Роб, так ничего вразумительного и не сказавший, послушно кинулся выполнять команду вместе со всеми.

Полчаса спустя «Устрица» отошла от берега и направилась к выходу из бухты. Кристин, стоя у штурвала с развевающимися волосами, помахала рукой остающимся на Каменистом. Перестрелка там, как она и предсказывала, полностью прекратилась. Из кустов вышел Дюпон и, опершись на ружье, встал на берегу. Прежде чем его фигура скрылась за скалами, окружавшими укромную бухту, я заметил, как он вдруг сорвал с головы шляпу и принялся топтать ее ногами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Повелитель Тортуги

Путь к Тортуге занял ровно восемь дней. Именно к этому островку, что лежит к северу от Эспаньолы, направилась Кристин. По ее словам, Тортуга – настоящая столица пиратов Карибского моря. Так было всегда, уж очень удобно на острове защищаться. Но особенной популярностью у пиратов Тортуга стала пользоваться после воцарения там губернатора Ле Вассера.

Именно воцарения – получив из Франции пушки и выстроив на деньги короны неприступную крепость, Ле Вассер перестал кому-либо подчиняться. Сам в прошлом бывший корсар, знаменитый и жестокий, он знал многих пиратов и с удовольствием разрешал им отдыхать и чинить корабли в своей вотчине. Правда, было одно условие: десять процентов добычи с каждого пришедшего на Тортугу корабля переправлялось в карманы губернатора. Франция не имела достаточно сил за океаном, чтобы справиться с мятежным губернатором, и терпела его бесчинства, справедливо полагая, что основной урон все равно несут ее вечные враги – испанцы. А гугенот, еще во время осады Ла-Рошели воевавший против своего короля, теперь решил сам стать королем.

– Испанцы этот остров не заселили – зачем, если рядом богатая, большая Эспаньола? – рассказывала нам счастливая Кристин, устроившая в честь своего капитанства праздничный ужин. Мы сидели в каюте покойного Бриджиса, за его столом, среди его вещей, пили его вино и чувствовал я себя отвратительно. – Там, на Эспаньоле, было много диких свиней, потом расплодились коровы. Природа прекрасная – не случайно

же Колумб так назвал остров? Сейчас главная база Испании на островах – Гавана, это на Кубе. А тогда всем заправляли с Эспаньолы. Французские охотники, букиньяры, повадились охотиться на испанской территории. А в случае опасности удаляли на Тортугу, прятались там в скалах. Испанские вылазки толку не приносили – букиньяры убегали в леса, к тому же их поддерживали пираты, которые запасались у них провиантом. Там и бухта удобная, и леса много для починки. Вырос целый поселок, кажется, он называется Бас-Тер. Тогда испанцы направили на остров большой отряд и перебили почти всех, кого там застали. Букиньяры попросили помощи у Франции, ну вот король и прислал туда Ле Вассера. Только старый разбойник всех перехитрил! Теперь это не французский остров, а его собственный. Говорят, у него удивительная крепость, но я там не была – отец отправил в Англию, когда ее еще не построили. Думал, что в третий раз я не сбегу!

– В третий раз? – удивился Роб, поедая солонину с ножа. – А зачем ты убегаешь? Он же, наверное, денег тебе достаточно присыпал?

– Я – пират, – объяснила Кристин и сама налила себе вина. – Что мне делать в Англии? К тому же, я родилась здесь, и здесь хочу жить.

– А кто твоя мама, капитан Кристин? – спросила Моник. – Она – тоже...

– Нет, она не пират. Мамочка была испанкой. Папаша нашел ее на захваченном корабле и женился. Обычное дело. Но она умерла при родах, а у отца тогда были неприятности... В общем, у него не вышло никуда меня сбагрить в первые семь лет. Потом он хотел меня отправить в Голландию, но там опять началась война. Хотел пристроить в Венесуэле, под чужим именем... Но я сбежала, шла одна по джунглям неделю. Тогда он отправил меня в Англию первый раз. Я целый год прожила у наших родственников, чуть не повесилась от скуки и сбежала.

Месяц ходила с капитаном Дженкинсом, на правах обычного матроса. Он думал, я сломаюсь, не справлюсь – а потом зауважал! Жаль, что его вздернули в Гаване. Остальных испанцы отправили на каторгу, но отец пронал, что я там, и устроил на плантацию налет. Снова отправил в Англию, я снова сбежала... И вот теперь – в третий раз. И будь я проклята, если случится четвертый! Теперь у меня есть корабль, я капитан и сама себе хозяйка!

– Это не женское дело! – буркнул я. – Да и вообще не дело для порядочного человека!

– Даже сэр Френсис Дрейк не брезговал этим ремеслом! – веско заметил Мерфи. – А королева Елизавета не брезговала теми деньгами, которые он отнимал у испанцев для Британии! В те годы я его не застал, служил под его началом позже, но слыхивал всякое.

– Сэр Френсис Дрейк был солдатом короны! – убежденно сказал я. – Он действовал как патриот.

– Боюсь, ты не совсем прав... – уклончиво ответил Мерфи. – Впрочем, патриотом он действительно был. Благодаря таким, как он, Британия и потеснила Испанию на море. До Дрейка англичане боялись связываться с испанцами в этих морях. Надеюсь, те времена уже никогда не вернутся.

– Не вернутся! – беспечно успокоила его Кристин. – Пираты не позволят. Нам по душе, когда великие страны дерутся между собой! А если кто-то начнет побеждать, мы тут же встанем на сторону его врагов. И так будет всегда!

Мерфи только хмыкнул и уткнулся в стакан. Нашей немногочисленной команды едва хватало для управления бригом, и хорошо еще, что погода по-прежнему нам благоприятствовала. Кристин, наслаждаясь своим положением, пристроила к делу даже губернаторшу. Ей достался камбуз, и к столу нам теперь подавала настоящая леди. Мне было немного жаль ее, до смерти перепуганную и даже немного похудевшую, но,

правду сказать, Кристин прежде от нее сильно доставалось. Когда я поинтересовался у нашего капитана о судьбе леди Блейк, она ответила, что собирается «слупить за старуху немалый выкуп с того дурака, которого угораздило жениться на этой стерве».

Некоторые матросы, не столь отпетые, как Мерфи или Моррисон, поначалу сильно переживали и готовы были передумать. Но дни шли за днями, пиратская жизнь оказалась очень похожа на жизнь обычного моряка, и все понемногу успокоились. Тем более, что Кристин обещала каждому честную долю после продажи груза. Доли всех нас были равными, и только ей, как капитану, полагалась двойная. По дороге к Тортуге мы никого не встретили, а когда Кристин узнала берега острова, то даже приказала спустить британский флаг и поднять собственноручно сшитый «Веселый Роджер» – ей хотелось войти в гавань с почетом.

Прежде я думал, что пираты так под черным флагом и ходят по морям, но правда оказалась не столь красивой. Эти подлые разбойники показывают свое истинное лицо лишь в самый последний момент, когда жертве уже некуда деваться. Утешало меня только одно: на нашем флаге не было песочных часов. Впрочем, имея так мало людей, мы не смогли бы напасть даже на ловцов жемчуга.

Я, конечно, не обрадовался, услышав о цели нашего плавания. Пиратский остров – уйти с корабля легко, но куда мы с Моник отправимся потом? Можно было бы попробовать перебраться через пролив на Эспаньолу, но до поселений испанцев нам пришлось бы идти несколько дней пешком, и я не был уверен, что Моник перенесет такое путешествие. Ко всему прочему, мы могли наткнуться на букиньеров. Да и сами испанцы не вызывали у меня доверия. Как они поступят, если из леса к ним выйдет такая красавица, как Моник? И смогу ли я ее защитить?

Но, к моему удивлению, Моник мысль отправиться на Тортугу очень понравилась. Это было странно – ведь там наверняка было немало знакомых Дюпона! Улучив подходящую минуту, я попросил объяснений.

– Джон, а куда, по-твоему, могут отправиться пираты? – спросила меня Моник. – В Картагену или в Гавану? Там их немедленно схватят. Из всех гостеприимных для пиратов местечек, которые упоминал при мне Дюпон, Тортуга – самое цивилизованное. Там есть губернатор, которого все слушаются. По слухам, Ле Вассер человек благородный, и я в крайнем случае могу попросить у него защиты. Для меня и для тебя, мой мальчик!

– Скажите... – меня давно мучил этот вопрос, но я не решался его задать. – Скажите, Моник, зачем вы вообще отправились в Вест-Индию с таким человеком, как Дюпон? Он охотник, а вы – леди.

– Он заставил меня, Джон. Просто заставил... Я не хочу о нем вспоминать! – Моник вручила мне зеркало и принялась причесываться. – Этот странный Мерфи спросил меня сегодня, какого цвета у меня глаза. Разве это не заметно, Джон?

– Говорят, что глаза у вас иногда разного цвета, – признался я. – Не знаю, почему, я не замечал. Вот у Дюпона – да, один голубой, а другой зеленый.

– Верно... – Моник о чем-то задумалась, рассматривая себя в зеркало. – А что матросы говорили о его привычке брать в руку предметы и слушать их с закрытыми глазами?

– Да ничего. Кто-то, вроде бы, болтал, что это колдовство. Он ведь часто угадывал, откуда те или иные вещи.

– Колдун, – согласилась Моник. – Именно так, Джон. И я счастлива, что он далеко и с каждой минутой все дальше.

– Он тоже может отправиться на Тортугу! – напомнил я.

– Ну, я не собираюсь там долго задерживаться. Мы что-нибудь придумаем, верно? А сейчас дай-ка мне какую-нибудь твою вещь. Все равно какую.

Я растерялся и тогда Моник, рассмеявшись, вытащила из ножен на моем поясе дедов нож. Потом она достала из кармана какую-то фигурку на цепочке, зажала ее в кулаке и зажмурилась. Я, ничего не понимая, молча наблюдал. Спустя минуту она раздраженно вернула мне нож и бросила на столик фигурку. Теперь я смог рассмотреть дельфина, сделанного из какого-то легкого, серебристого металла.

– Что это?

– Талисман... Мне подарила его незнакомка, когда я как-то раз возвращалась из церкви. Это случилось в далеко-далекой стране... – Моник снова взяла дельфина, погладила пальцем его спинку. – Она сказала, что он принесет мне удачу. Я была маленькая и поверила. Только все это чушь! Я подумала было, что дельфин немного похож на ту лягушку, что Дюпон вечно таскает на шее. Мне всегда казалось, что его гадания по вещам как-то связаны с этой языческой безделушкой, а сейчас мне вздумалось проверить... Не знаю, что с лягушкой, но мой дельфин – просто смешная игрушка.

Она подняла на меня глаза и я оторопел – ее правый глаз стал зеленым, да и из левого ушла часть небесной синевы. Моник не заметила моего удивления и, небрежно убрав в ящичек дельфина, отправилась переодеваться. Как только она скрылась, я, сам стыдясь своего поступка, открыл ящик и взял дельфина в руки. То ли мне показалось, то ли я вдруг ощутил едва заметное покалывание в пальцах. Мне даже почудилось, что фигурка слегка шевелится на моей ладони. Отчего-то вспомнился сон о моем разговоре с прозрачным человеком. Я посмотрел в зеркало, которое положил на стол, и сперва не заметил ничего особенного. Однако минуту спустя в моем правом глазе стал явственно проявляться зеленый отблеск. Испугавшись, я поскорее убрал дельфина и побежал умываться, будто мог смыть с себя это колдовство. Поговорить с Моник о странном свойстве дельфина я отчего-то сразу не решился, а вскоре мы уже вошли в гавань Тортуги и мне стало не до того.

У причала стояли пять кораблей, и на грот-мачте каждого красовался черный флаг. Когда мы проходили мимо, пираты приветственно махали нам шляпами, Кристин, вставшая за штурвал, важно им отвечала. Бухта и в самом деле была очень удобной, а крепость, или скорее форт, выстроенный Ле Вассером, надежно защищал ее батареями пушек. Форт стоял высоко на скале и захватить его, по всей видимости, было делом непростым.

Мы пришвартовались рядом с трехмачтовым барком «Аллигатор» и вскоре к нам подошли представители губернатора. Они сперва не хотели верить, что Кристин – капитан нашего брига, но потом один из них узнал Мерфи.

– Ты ли это, старина! – закричал он и старые пираты обнялись. – Объясни же мне, Черный Мерфи, что тут происходит?

– Ты же слышал: Кристин – наш капитан. Кстати, полностью ее зовут Кристин Ван Дер Вельде.

Это имя произвело на людей губернатора глубокое впечатление: они тут же сняли шляпы и раскланялись. Кристин, смешно важничая, провела их по кораблю и показала груз. Они тут же сговорились и о получении десятины Ле Вассера, и о продаже остального груза. Сделку было решено заключить попозже, и гости отбыли. Возле корабля к тому времени уже столпились человек тридцать зевак, среди которых я видел и негров, и даже индейцев.

– Никого не пускать! – приказала Кристин двум матросам, которых выбрала вахтенными. – Чуть что – стреляйте, это наш корабль! Остальные – делайте что хотите, а мне нужно нанести визит губернатору. Джек, ты со мной?

– Конечно, капитан! Хоть я и стар уже ползать по горам... – Мерфи, кряхтя, сошел на берег по трапу. – И вот еще: помните, это Тортуга. Кабаки тут есть вполне приличные, а вот приличного народу в них немного. Держитесь за карманы и не дайте никому пощекотать вам ребра ножом.

– Капитан, вы позволите и мне пойти к губернатору? – обратилась к Кристин Моник. – Мне было бы очень интересно.

– Интересно? – Кристин смерила взглядом Моник, одевшую лучшее платье и выглядевшую просто сногшибательно. – Забавные у вас, леди, интересы. Впрочем, мне наплевать – губернатор сам решает, кого к себе пускать, а кого нет.

Я, конечно, обещал Моник, что буду ей сопутствовать. Мне было любопытно взглянуть на этого жадного, но смелого человека, осмелившегося бросить вызов всем королям сразу. Пошел с нами, конечно же, и Роберт, хотя в последние дни он пребывал в унынии. Кристин, став капитаном, вовсе перестала обращать на него внимание. Мне казалось, что это ее очередная игра, но Роб очень переживал.

Дорога и правда оказалась непростой – мы долго поднимались в скалы по узкой тропе. Цитадель находилась в стороне от поселка, и лишь однажды навстречу нам попались две босоногие дамы с весьма смуглым оттенком кожи. Завидев нас, женщины остановились и началось какое-то безобразие: они показывали на нас пальцами, едва ли не катались по земле со смеху, и лишь подойдя ближе я понял, что обе совершенно пьяны. Кристин отвесила одной из дам препорядочный пинок, чтобы освободить дорогу, и мы пошли дальше. Поскольку шли веселые дамы из крепости, то у меня стало складываться не лучшее впечатление об окружении Ле Вассера.

Я оказался прав – возле самых стен укрепления мы встретили еще нескольких пьяных, мужчин и женщин. Они громко ссорились с двумя крепкими парнями, вооруженными до зубов. Насколько я понял, это были охранники Ле Вассера, выставившими надоевших гостей вон. Я оглянулся вниз и увидел с высоты всю бухту и поселок. Даже мне, ничего не понимающему в фортификациях, сразу стало ясно, что крепость построена с большим талантом. Более того, батареи форта могли легко обстреливать единственную ведущую к нему дорогу. Мерфи, заметив мой взгляд, добавил:

– В форте есть источник воды, а в глубокой сухой пещере хранится достаточно пороха, чтобы не пустить сюда целую армию. Но и это еще не все – смотрите туда.

Возле охранников, прежде не замеченная мной, покачивалась веревочная лестница, ведущая на самый верх горы.

– Так значит, это не шутка! – вдруг воскликнула Кристин. – Смотрите, что придумал, хитрец – попасть в его дом, прозванный «Голубятней», можно только по веревочной лестнице!

– А вы еще кто такие? – обратился к нам один из охранников.

– С той «Устрицы», что вошла в гавань час назад?

– Я капитан этого брига! Меня зовут Кристин Van Der Вельде. Кстати, что слышно о моем папаше?

– Да вроде ждем со дня на день... – охранники переглянулись.

– Он всем говорит, ты живешь в Лондоне.

– Это в прошлом! – отмахнулась Кристин. – Я могу посетить губернатора, чтобы выразить свою признательность?

– Ле Вассер не позволяет входить в цитадель с оружием. Правило для всех! – охранники стали строже. – Если согласны – думаю, он будет рад вас видеть.

– Правила есть правила! – Кристин отдала им пистолеты и шпагу, то же пришлось сделать и нам. – Леди Моник, а вы сумеете подняться по этой лестнице? Хотя Джон, конечно, поддержит ее снизу – и вам будет удобнее карабкаться, и ему интересно. Я о ваших туфельках, конечно!

Моник, фыркнув, вдруг схватилась за свисавшую из цитадели лестницу и ловко полезла по ней вверх. Мне и правда пришлось ее поддержать, чтобы Моник не раскачивало ветром. Вверх я, конечно же, ни разу не взглянул.

– Держи уж, если взялся! – Кристин полезла второй. – А вы, сдается мне, не впервые видите веревочную лестницу, леди Моник!

Наверху нас встретили еще четверо солдат Ле Вассера, эти коротали время за бутылкой рома. Я не мог не подумать про

себя, что капитану Бриджису, которого выпивка довела до нелепого конца, здесь было бы самое место. Один из головорезов пошел и доложил о гостях, после чего нам позволили пройти в зал, где пировал губернатор.

Это был человек лет пятидесяти, с морщинистым, обветренным лицом и крупным носом. Он носил тонкие щегольские усики и короткую бородку. Увидев Кристин, Ле Вассер поднялся из-за стола и приподнял шляпу.

– Приветствуешь тебя, упрямая дочь капитана Van Der Вельде! Неужели ты снова сбежала?! Да отец привяжет тебя к якорю!

– А я не собираюсь вести с ним дела! – с вызовом ответила Кристин. – У меня свой корабль, и я уже сегодня первый раз отдам вам десятую часть. Счастлива вас видеть, господин губернатор!

– Ну, тогда присаживайся! Эй, освободите место для моих друзей, и особенно для прекрасных дам! Для капитана Кристин и... – Ле Вассер выразительно посмотрел на Моник. Он чуть покачивался и явно был далек от трезвости. – И бесподобной... И расп... Распрекрасной...

– Моник Дюпон! – представил я ее, сообразив, что самой даме это делать не совсем прилично. – Леди Моник Дюпон.

– Зовите меня просто Моник! – она улыбнулась и Ле Вассер буквально растаял. – Я так счастлива видеть знаменитого корсара! Мне много рассказывали о ваших подвигах во Франции. А фамилию Дюпон я больше носить не желаю.

– Ваше слово – закон, прекрасная Моник! Здесь, на моем острове, вы можете носить любую фамилию. Кроме, разве что, Ле Вассер.

– Вот как? А она могла бы мне понравиться!

Моник и губернатор вместе рассмеялись, будто были давно и хорошо знакомы. Я старался не показывать своего раздражения, пытался объяснить себе, что слабой женщине в этих жестоких краях так и нужно себя вести, чтобы выжить, но... Уж

слишком хорошо у Моник получалось нравиться мужчинам. Кристин пихнула меня в бок.

– Спорим, твоя распрекрасная Моник думает, что уже окрутила Ле Вассера? Хотя нет. Лучше давай поспорим на реал, что она ошибается! Его так просто не взять.

– Я не желаю ни о чем спорить!

Кристин и Моник уселись по обе стороны от губернатора. Я оглядел стол. Такого изобилия южных фруктов я не видел никогда в жизни и о большинстве из них не имел ни малейшего понятия. В Шотландии все это великолепие стоило бы, наверное, целое состояние. Да только как эти фрукты могли туда попасть? Они испортились бы еще на половине пути.

– Вот это называется банан! – Мерфи показал мне и Роберту, как их чистить. – Как-то раз я месяц только ими и питался. Думал, никогда даже смотреть на них не захочу! Но прошли годы, я вернулся... Слюнки текут! А эти красные ягоды – томаты.

Необычная и действительно очень вкусная еда на время отвлекла меня от горьких размышлений. Моник и Ле Вассер болтали, он часто подливал ей вина и Моник с удовольствием пила. Нам вина не досталось, но ни Кристин, ни Мерфи по этому поводу не горевали: рома было достаточно. Наша капитан, впрочем, отхлебывала понемногу, предпочитая больше смотреть по сторонам. Насколько я понял, окружавшие нас грубые, шумные, пьяные люди были чем-то вроде высшего общества Тортуги. Вскоре Мерфи заметил кого-то из своих старых знакомых, и они с Кристин отошли.

– Вот это все, выходит, он даже не награбил, а просто получил от пиратов! – Роб взглядом показал мне на стены. – Смотри, там же везде золото! Индейское золото – видишь, какие рожи?

Действительно, вдоль всех стен зала висели золотые украшения, некогда отобранные испанцами у индейцев. Многое попадалось колдовских масок, выглядели они отвратительно. Я снова посмотрел на стол и только теперь сообразил, что вся по-

суда, все приборы и кубки – серебряные. Ле Вассер был богат, как король! Но все, что он мог – пировать с морскими разбойниками в крепости, куда и попасть-то можно только по веревочной лестнице. Великолепие, замешанное на вечном страхе.

– Думаю, у него много врагов! – сказал я. – Не завидую губернатору Ле Вассеру.

– Да брось! – Роб впился зубами в мякоть очередного фрукта и сок потек ему на рубашку. – Я бы с ним с удовольствием поменялся. Тогда бы Кристин на меня иначе смотрела.

– Выкинь ее из головы, Роберт, прошу тебя как друг! Она пират и закончит жизнь или на каторге, или на виселице. Ты же не хочешь всю жизнь бояться и убегать?

– А как я жил раньше? – он подтянул поближе блюдо с крупными кусками жареной курицы. – Так и жил: боялся и убегал. Они хоть крадут золото, а я воровал еду! Если бы меня поймали, то просто забили бы до смерти – так толпа всегда поступает с карманниками. В море намного лучше. Но посуди сам: у нас досыта едят только офицеры, да, может, боцманы. А у пиратов все поровну, все едят одно и то же. А риска-то ненамного больше, чем у обычного моряка – тот тоже может погибнуть в любой момент.

– Ты что, в самом деле готов стать пиратом?

– Ну, нет... – Роберт взъерошил волосы, пододвинулся поближе и заговорил тише. – Я вот что придумал и тебе хочу предложить. Надо отыскать английских каперов и попроситься к ним в команду. Лучше бы, конечно, чтобы Кристин купила каперскую грамоту и стала чиста перед Британией... Но она и слышать не хочет, упрямая. Сам посуди: каперы – те же пираты, но от английских кораблей им удирать ни к чему, и все английские порты для них открыты! Знай себе – грабь врагов своей родины и богатей.

– Мне это не нравится, – сказал я.

Это было правдой: я не считал каперское занятие достойным. Правда, сэр Френсис Дрейк, которого так уважал мой

дед, занимался приблизительно тем же самым... Но дед Джон говорил, что он сам, на свой страх и риск объявил войну Испании, а это совсем другое дело. Тем более, что испанцы нанесли ему урон первыми. Наш разговор прервал громкий голос губернатора.

– Вот это? – он снял со стены золотую маску с лицом какого-то жуткого индейского божества. – Ты про эту штуку, да? Ха, да я и не помню, откуда она у меня! В ней и золота-то немногого, тонкий слой на маске. А внутри, видишь... – он перевернул маску и показал Моник обратную сторону. – Видишь, какие-то мелкие штучки, тут и медь, и свинец, и железо, вроде бы... Стекло даже имеется. Не знаю, что это такое.

– Она мне чем-то нравится, губернатор! – Моник у всех на глазах преспокойно приобняла его за плечо. – Если эта маска не такая уж драгоценная, может быть, сделаете леди подарок? Леди была бы счастлива!

– Подарок? – Ле Вассер расхохотался и повесил маску на место. – Подарок – от меня?! Нет, моя милая, подарки я только получаю! Впрочем, могу подарить поцелуй! Только тебе!

Моник попятилась, отталкивая от себя вконец опьяневшего губернатора. Я быстро подошел и как мог мягко отстранил его. Ле Вассер удивленно посмотрел на меня, дыхнул перегаром и вдруг заявил, что устал и уходит почивать. Поскольку вокруг уже собрались охранники, я облегченно перевел дух. Телохранители увели его, а мы с Моник вернулись за стол. Она выглядела чрезвычайно раздосадованной и часто искоса поглядывала на маску.

– Мне она кажется уродливой! – сказал я. – И вообще, нам лучше уйти! Смотрите, еще какие-то люди приходят, и они уже пьяны! Нам здесь не место.

– Ле Вассер сказал, что я могу прийти к нему в любое время дня и ночи! – зло сказала Моник. – Старая пьяная скотина!

– Это ты что сказала?

Мы обернулись и увидели трех обитательниц Тортуги – пьяных, растрепанных дам, видимо, часто гостивших у губернатора. Настроены они были крайне агрессивно. Можно было предположить, что Моник показалась им опасной соперницей в борьбе за его сердце.

– Что ты сказала про мсье Ле Вассера, дрянь? – громче повторила самая пьяная. – Да ты кто такая?!

Я встал между ними и Моник, но она вдруг оттолкнула меня в сторону.

– Нет, Джон, защищать меня нужно только от мужчин. А уж с этими я сама с удовольствием поговорю!

Случившаяся затем сцена была настолько безобразна, что я не хочу подробно ее описывать. Скажу только, что рука у Моник оказалась настолько же тяжелая, насколько и изящная. Трем подружкам губернатора пришлось несладко, а когда одна из них выхватила из прически длинную булавку и попыталась выколоть Моник глаз, то через секунду визжала от боли в сломанной кисти. Все, кто находился в зале, конечно же, сбежались смотреть. Мужчины аплодировали, некоторые даже кидали под ноги Моник золотые монеты.

– Ну вот и все! – объявила она, когда ее соперницы оставили попытки подняться. – Даже на сердце легче стало. Я хочу пройтись по острову, но губернатор сказал, что я могу вернуться когда захочу. Это так? – спросила она у охранника, смотревшего на нее с явной опаской.

– Да, – подтвердил он. – Мы получили распоряжение всегда вас пропускать.

– Тогда мы уходим. Джон, я обронила несколько монеток – подбери их, пожалуйста!

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Было немного стыдно, но деньги нам могли пригодиться – я надеялся, что мы вот-вот покинем «Устрицу» и вернемся к мирной жизни. Вот только все никак не мог придумать, как именно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Отец и дочь

Покинув твердыню Ле Вассера по все той же веревочной лестнице, я почувствовал себя легче. Мы получили обратно свое оружие и уже знакомой тропой спустились к причалу и поселку. Кристин, конечно, заглянула на бриг – узнать, все ли в порядке. Двое вахтенных матросов откровенно скучали – на наше движимое имущество никто не покушался, так что они коротали время за игрой в кости и уже хлебнули изрядно джину. Остальные отправились шататься по кабакам вместе с Моррисоном, и я не сомневался, что рыжий толстяк проведет эту экскурсию по всем пиратским правилам.

– Да и мне пора показаться на глаза Береговому Братству! – Кристин сладко потянулась. – Вот она – свобода! А какое здесь солнце, а какое море! Джон, признайся, что ты уже не скучаешь по своей унылой Шотландии!

– В Шотландии льется меньше крови, – заметил я.

– Что-то не верится! А если и так, то временно. Я ведь недавно из Англии, Джон, и знаю, что сэр Кромвель собирается навести в ваших краях порядок. Кровь льется везде. А уж что творится в Голландии, спасибо испанцам! Нет, так везде заведено: люди убивают друг друга. Только обычно придумывают для этого какие-то дурацкие причины, вроде того, что ты молишься Господу не так, как я, и поэтому должен умереть... Гораздо честнее сказать: мне нужны твои деньги, и ты или отдашь их мне, или умрешь!

Я только покачал головой. В чем-то Кристин, конечно, была права. Вот только я верил, что люди могут жить в согласии. Могут, но отчего-то не живут... А ведь даже испанцы, которые на-

творили столько бед по обе стороны океана, наверняка хотят всего лишь жить в достатке и процветании. Но возразить по сути было нечего: они грабили индейцев, их грабили голландцы, англичане и французы, а пираты грабили всех.

Моник, сразу ушедшая в свою каюту, вернулась в мужском костюме. Я и не догадывался, что он у нее имеется! Выглядела она все равно прекрасно, и Кристин, похоже, это не слишком понравилось. Она начала ворчать еще по дороге от форта, вполголоса рассуждая о «леди, которые хотят, чтобы к ним относились как к леди, а сами ведут себя как торговки с рынка». Напрямую это никому не адресовалось, но конечно, наш капитан имела в виду драку, устроенную Моник. Мне это событие тоже совершенно не понравилось. И вообще, образ Моник то складывался у меня в голове в нечто прекрасное, то распадался на странные, плохо сочетающиеся друг с другом осколки.

– И куда, позвольте спросить, вы собрались, моя дорогая? – спросила Кристин у Моник. – Хотите теперь врезать по морде какому-нибудь мужику покрепче? Предупрежу сразу: получите сдачи. Они тут не слишком галантные, да и вообще поумнее обычных.

– Не сердись на меня, капитан Кристин! – Моник улыбнулась и вокруг будто птички запели и солнце засияло ярче. – Я погорячилась. Этот невежа Ле Вассер расстроил меня. А переоделась я потому, что не хочу больше карабкаться по лестницам в платье – это неудобно. Кроме того, достойные женщины тут, кажется, платьев не носят.

Кристин лишь пожала плечами, но я заметил, что она скрывает улыбку.

– Идемте в «Капитан и Соловей», – предложил Мерфи. – Помнишь эту таверну, Кристин? Ты бывала там маленькой. В тот раз, кстати, ее и сожгли, но хозяйка отстроила заново.

– Помню! Идем, конечно – это было вполне капитанское местечко.

Я бы предпочел остаться на «Устрице» и как следует выспаться, но все, и даже Роб, захотели идти. Спустя час мы уже сидели в довольно грязном и очень шумном заведении. Я устал и, проглотив немного отвратительного на вкус рома, почувствовал сонливость. Немного отодвинувшись от стола, я принял ся наблюдать за публикой. Все же судьбе было угодно, чтобы я оказался не где-нибудь, а в столице пиратов и, если удастся выбраться из этого приключения, когда-нибудь буду рассказывать об этом внукам.

Если не вдаваться в детали, происходящее в таверне напоминало обстановку в крепости губернатора. Вот только гости в «Голубятне» вели себя кудатише, а в углу не бренчал на расстроенных инструментах квартет музыкантов, как видно, пьяных в дым. Эти звуки могли бы запросто свести с ума человека с тонким слухом, но здесь таких, судя по всему, не водилось. Явно не все эти люди были пиратами – я заметил, между прочим, компанию загорелых мужчин, усевшихся прямо за стол с длинными букиньерскими ружьями – но вели себя безобразно все без исключения. Кажется, каждый вновь вошедший стремился во что бы то ни стоило напиться допьяну как можно скорее, а потом пуститься в пляс. Капитанов, которых рассчитывала застать здесь Кристин, чтобы похвастаться своим новым статусом, в таверне не оказалось. Я искренне надеялся, что хоть они вели себя приличнее.

Здесь гуляли не только европейцы – я видел людей и с африканскими, и с индейскими, и с азиатскими чертами, а уж полукровок и квартеронов хватало всяких. И все, что мужчины, что женщины, старались разукрасить себя всеми возможными способами. Я видел татуировки, бусы, серьги, вставленные не только в уши, но даже в нос и губы. Одежду они тоже предпочитали яркую, дикарскую, хотя щеголи все же носили камзолы. Эта часть одежды обычно выглядела изрядно поношенной, но тоже разукрашенной всевозможными бусинами и пряжками.

– Да не так уж и плохо они живут! – сказал мне Роб. – Смотри – люди просто веселятся, никаких драк, никаких склок!

– Трудно драться, когда у каждого за поясом пистолет ипускает он его в ход не задумываясь о последствиях! – засмеялась Кристин. – Оттого Ле Вассер и разоружает гостей!

– А мне кажется, он просто боится за свою жизнь, – мрачно сказал я. – И скорее всего, умрет он не своей смертью.

– Пусть так! – Кристин пододвинула к Мерфи стакан, и старик послушно его наполнил. Я заметил, что после возлияний у губернатора девушка уже слегка пьяна. – Пусть так! Зато сейчас он – повелитель целого острова! Его все уважают и боятся! А умрем мы все рано или поздно. Кстати, кого это я там вижу?

– Это? – Мерфи обернулся и расхохотался. – Да это же Араб Фред! Жив еще, старый мерзавец!

– Пригласи его! – приказала Кристин Робу. – Скажи, что дельце у меня к этому барыге имеется!

Роберт послушно отправился к указанному человеку. Араб Фред, кем бы он ни родился на свет, имел очень черную кожу, по целой связке колец в каждом ухе, а в таверну явился с двумя развеселыми девицами. Выслушав Роба, он округлил свои и без того круглые глаза и долго смотрел на Кристин.

– Я его хорошо помню! – захохотала она. – Часто в детстве сиживала у него на коленях! А потом папаша года два клялся, что убьет его, как только встретит – Араб обманул самого Ван Дер Вельде! Но, видимо, они еще не встретились.

Араб Фред присел за наш стол и долго, очень долго осыпал Кристин восточными, сладкими до приторности комплиментами. Она только смеялась, а потом они выпили залпом по почти полному стакану рома и Кристин продала ему нашу губернаторшу. Я не знаю, продешевила ли она, но сам факт, что пожилая леди была продана вот так запросто, меня покоробил. Пусть у нее и скверный характер, а все же леди Блейк заслужи-

вала лучшей участи. Мне стало совсем неприятно и я ушел бы на бриг, если бы Моник не взяла меня за руку.

– Погоди, Джон, – попросила она, и я удивился тому, насколько у нее трезвый голос. – Посиди еще. Возможно, я попрошу тебя этой ночью кое о чем.

Я не понял смысла сказанного, но покраснел. Моник со смехом ударила меня по пальцам и приложила палец к губам. Роберт, заметив это, расхохотался и заставил меня выпить с ним. Когда я поставил стакан на стол, то Араб Фред уже вовсю уговаривал Кристин продать ему «Устрицу», но тут уж наша капитан твердо отказалась.

– Я – капитан! – кричала она, уже порядком захмелев. – А капитан без корабля – это смешно! Я капитан и мне нужен этот бриг, пока я не присмотрю что-нибудь получше!

– Ну да, да... – чернокожий Араб Фред поцокал губами. – Ты же выросла на корабле, как тебе без корабля? Тебя же коза вскормила.

– Язык прикуси! – вдруг прикрикнула на него Кристин, отрывавшись от пересчитывания полученных за губернаторшу монет.

– А что такое? – поднял брови Араб. – Все знают, что твоя мама умерла, и капитан Ван Дер Вельде кормил тебя молоком козы.

– Я тебя по-хорошему прошу! – еще сильнее взъярилась Кристин. – Или хочешь сказать мне что-нибудь? Давай, если жизнь не дорога!

– Эй, да мы все козье молоко пьем! – испугался делец. – Корову на корабль не посадишь! Что такого я сказал?

– Что я коза, вот что ты сказал! Все, мол пьют, а я им вскормлена – тут, знаешь ли, есть разница, Араб! Вот что – проваливай, пока цел.

Кристин смотрела на него так зло, что Араб не решился ничего сказать и поднялся из-за стола. Уже отойдя на шаг, он вдруг обернулся.

– Знаешь, ты вся в отца, вся! Только, конечно, бороды такой нет и вообще волос светлый! Но... – темное лицо Фреда вдруг посерело, что, видимо, должно было означать бледность. – А вот он и пришел, мой большой друг, твой отец.

После этих слов Араб исчез, словно фокусник. Хмельная Кристин, уже вытащившая пистолет, обернулась и ойкнула. Прямо перед ней оказался огромного роста широкоплечий чернобородый мужчина. Меня поразили его толстые пальцы, заросшие черным волосом почти также густо, как и щеки. Казалось, он весь – одна сплошная борода, из-под которой смотрят на мир два маленьких, злобно вращающихся глаза.

– Ты... Это... Это – ты?! – пробасил наконец, огромный пират.
– Кристин?!

– Привет, папа... – пролепетала Кристин, но тут же опомнилась и вернула себе капитанскую осанку. – Капитан Ван Дер Вельде? Какими судьбами?

– Какими судьбами? – растерянно переспросил бородач. – А знаешь... Да я тебя придушу сейчас! – загремел он на всю таверну и музыка смолкла. – Ты против кого прешь, малявка?!

– Не смей на меня кричать! – у Кристин даже губы побелели от злости. – Я рождена пиратом и останусь им! У меня свой корабль, я тоже капитан, как и ты!

– Что? – переспросил Ван Дер Вельде. – Кто капитан? Ты – капитан?! Да я тебя вот на эту ладонь положу, а вот этой прихлопну!

Продемонстрированные голландцем ладони не позволяли сомневаться в реальности его замысла. Туда, казалось, поместился бы и теленок средних размеров.

– Капитан Ван Дер Вельде, сэр! – Мерфи, чуть покачиваясь, встал и миролюбиво улыбнулся. – Давайте сперва выпьем за встречу! Все же, вы не виделись года два.

– Да чуть больше года я не виделся с этой чертовкой! – закричал Ван Дер Вельде. – Я потратил кучу денег, чтобы отправить

ее в Англию и купить ей нормальную жизнь! Я хочу, чтобы она вышла замуж и нарожала мне внуков! Вот чего я хочу, и так и будет! И никто не посмеет мне... Черный Мерфи, старый бродяга, а ты как сюда попал?

– Я решил вернуться, – пояснил старик. – Не вышло мне жизни на родине. А Кристин совершенно случайно попала на наш корабль... А потом взбунтовала его и захватила.

– А ты как мог это допустить, старый идиот?! – Ван Дер Вельде сгреб Мерфи в охапку и поднял воздух. – Как ты посмел?!

– Что мне было делать? – Мерфи даже не пытался сопротивляться. – Она подняла бунт, не мог же я сдать ее капитану? Кроме того, нашего капитана убили... Второй раз уже...

– Проспись! – посоветовал ему голландец и отпустил. – Молодец, дочка, ничего не скажешь! Значит, пока я думаю, что ты ходишь в церковь и присматриваешь себе мужа, ты поднимаешь бунты на кораблях? А где, между прочим, золото, которое я отправил с тобой?

– Ну, ты же приказал передать его дяде? Я и передала, с ним разбирайся, – Кристин взяла стакан Роба, наполовину полный, и одним махом его выпила под негодующим взглядом отца. – Какое мне дело до твоих денег? Я уже выросла и на твоей шее висеть не собираюсь. У меня свой корабль, своя команда.

Ван Дер Вельде обвел нас тяжелым взглядом. За его спиной стояли несколько зловещего вида мужчин, которые, судя по всему, никак не могли на что-нибудь решиться: то ли перебить нас всех, то ли усесться за стол.

– Значит, не желаешь меня слушать? – наконец спросил голландец. – Ты, моя дочь, не желаешь меня слушать? Да еще и ром на моих глазах хлещешь, как матрос. Я ведь тебе шею сверну.

– Попробуй! – к моему немалому ужасу, Кристин направила на отца пистолет, который все еще держала в руке, и взвела курок. – Я тоже Ван Дер Вельде!

– Глядите, она сейчас пальнет в меня! – капитан обернулся, призывая всех наблюдать это удивительное событие. – Дочь пальнет в родного отца! А знаете, отчего она такая? Оттого, что ее вскормила коза!

– Заткнись! – завизжала Кристин и вдруг вскочила на стол, став одного роста с отцом. – Заткнись и убирайся!

Дуло пистолета уперлось прямо в грудь капитана Ван Дер Вельде. Несколько мгновений они в упор смотрели друг на друга, а потом голландец вдруг расхохотался. Я впервые видел человека, смеющегося в тот момент, когда дочь приставила к его груди пистолет, готовый выстрелить. Однако Ван Дер Вельде хохотал, причем хохотал так заразительно, что улыбнулся даже я. Засмеялись пришедшие со своим капитаном пираты, несколько подобострастно хихикнул Мерфи, а спустя минуту хохотала уже вся таверна. Роб, не в силах стоять, ткнулся мне в плечо и я тоже разразился хохотом с ним за компанию. Наверное, слишком много мы пережили за последнее время, и давно не смеялись от души. Краем глаза я заметил, что не смеется только Моник – она с искренним изумлением разглядывала капитана.

– Ну хватит! – крикнула Кристин и снова ткнула в отца пистолетом. – Посмеялись, и хватит. Папочка, ты признаешь, что я капитан?

– Конечно, – кивнул Ван Дер Вельде, утирая слезы. – Моя девочка – капитан! Только и мечтал об этом, ха-ха! Хорошо, убери эту штуку и обнимемся.

Кристин, улыбаясь, отвела пистолет от его груди. Отец шутя шлепнул ее по руке и взведенный курок сорвался. Раздался выстрел, смех в таверне смолк и кто-то застонал.

– Дайте бедняге денег! – приказал голландец и обнял дочь. – Как ты выросла, красавица моя!

– Я скучала! – пискнула Кристин из глубины отцовских объятий.

Тут уж всем стало не до смеха. Наоборот, у многих навернулись на глаза слезы. Мы, смущенные, расселись по местам и принялись копаться в тарелках. Родственные объятия продолжались долго, никак не меньше четверти часа. Мы уже успели порядком заскучать, когда голландец наконец выпустил дочь и утер глаза.

– Так говоришь, у тебя есть свой корабль?

– Бриг... – сказала растроганная Кристин. – Не то чтобы прекрасный, но сойдет на первое время.

– Бриг! – растроганно повторил Ван Дер Вельде. – У моей docheri собственный бриг! Ну вот, продадим его – и будут деньги на обратную дорогу и жизнь в Англии. Дяде скажешь, что если он тебя еще раз упустит, я сам его навещу. И хоть он мне и брат, встреча будет несладкой. Пошли!

Кристин еще не успела сообразить, что происходит, а отец схватил ее и легко взвалил на плечо, словно куль. Толпа расступилась и Ван Дер Вельде пошел к выходу. Роб вскочил, положив руки на рукояти пистолетов, но люди голландца уже целились в него.

– Может быть, вы позволите нам пройти вслед за нашим капитаном? – спокойно спросила Моник. – Мы члены команды, а Ван Дер Вельде, вроде бы, хочет продать наш корабль. Мы имеем право на долю.

Эти слова показались пиратам разумными, они переглянулись. Как я узнал позже, Береговое Братство удивительно щепетильно в отношении денежных расчетов между собой.

– Да, идемте с нами! – решил, наконец, плотный лысый моряк с покрытым разноцветными татуировками черепом. – Такие вопросы надо решать сразу, чтобы не было сплетен. Мы своих не грабим.

Все вместе мы с трудом нагнали капитана Ван Дер Вельде, который, не обращая внимания на писк полузадущенной Кристин, тащил дочь к причалу. Корабль голландца пришел уже

вечером и пришвартовался бок о бок с нашей «Устрицей». Но как он был красив! Ни один корабль из виденных мной прежде не шел ни в какое сравнение с этим трехмачтовым красавцем, по размеру раза в два больше нашего брига. На крутых бортах красовалось имя корабля – «Ла Навидад», и я вспомнил, что по испански это означает «Рождество».

Матросы, дежурившие у трапа, пропустили нас с провожатыми на борт. Здесь оказалось просторно и очень чисто. В отличие от «Устрицы», имелась даже большая кают-компания, где лысый моряк по прозвищу Янычар нас и разместил. Возможно, это было даже не прозвище, а настоящая его фамилия, но в среде пиратов никакого значения это не имело.

Я присел рядом с Моник на удобный диван, обитый коричневой кожей, и почувствовал, что начинаю терять всякий интерес к происходящему. Прекрасная Моник любезничала со всеми, много смеялась, расспрашивала пиратов об их подвигах... А мне было все равно. Усталость и выпитый ром сделали свое дело – как я ни старался бороться со сном, он оказался сильнее. Я еще слышал разговоры и даже встрепенулся, когда разгневанный чем-то Ван Дер Вельде требовал срочно кого-то разбудить и привести на корабль... Я даже немного удивился, когда осознал, что наша «Устрица» продана. Но проснуться уже не мог.

Во сне я оказался далеко-далеко. Но не на ферме, которая часто снилась мне прежде, а на каком-то острове. Я не видел его очертаний, но отчего-то знал, что это именно остров, и что находится он далеко на севере. Вокруг меня росли дубы, красивые и молчаливые исполины. А потом появился человек – тот самый, что уже снился мне, прозрачный. Я не удивился ему, и мы заговорили.

– Прежде всего, Джон: постарайся запомнить этот сон! – сказал он. – Очень постарайся! Мне крайне трудно говорить с тобой. Но ты единственный, кто обладает достаточной чувствительностью... Ты должен запомнить все.

– Зачем? – я сидел на подстилке из дубовых листьев и перебирал их пальцами. – Тут, наверное, не растут «китайские яблоки»?

– Забудь об апельсинах! Помни о том, что я тебе скажу. Ты должен услышать меня наяву. Но для этого тебе требуется дельфин. Ты уже видел его и знаешь, где он лежит. Пусть он будет у тебя.

– Я не могу! – качал я во сне головой. – Это дельфин Моник. А я ее... Не знаю, люблю ли я ее. Но мне плохо без Моник. И с ней, кажется, тоже.

– Дельфин не принадлежит ей! И поэтому мало что может ей дать. Джон, ты многое еще узнаешь о Моник, и не только о ней. Но если тебе дорога судьба своей родины, послушайся меня! Запомни, ты должен быть с дельфином, когда я приду в следующий раз!

– При чем тут Шотландия? – удивился я. – Шотландия далеко. И я, скорее всего, никогда больше ее не увижу. Как может дельфин помочь Шотландии?

– Не одной Шотландии, а всей Британии! – настаивал Прозрачный. – Я расскажу тебе многое, но сейчас запомни одно: ты должен добраться до дельфина! Возьми его и не выпускай из рук, пока мы не поговорим!

– Я не хочу, чтобы у меня стали разноцветные глаза!

– Это лишь внешнее свойство. Предмет даст куда больше, чем ты можешь себе представить... Поверь мне, Джон!

– Нет, не может быть... Я не хочу... Это чужое...

– Поверь мне, Джон! – Роберт тряс меня за плечо. – Он продал «Устрицу»! Прямо ночью, за наличный расчет! Мы уже получили доли, вот твоя. Джон, это много денег!

Я, растерянно моргая, взвесил на руке кошелек. Да, похоже, я неплохо заработал. Вот только бриг никогда не принадлежал нам, мы всего лишь помогли его украсть. Я поморщился.

– Роб, а что, если нам на эти деньги вернуться домой?

– Что за глупости! Ты еще не проснулся, что ли? – Роб усился на диван и я понял, что в каютах-компании мы одни. – Мы богаты! На эти деньги тут можно прожить месяц! Отец запер Кристин и собирается отправить назад в Англию... Мне и грустно, и радостно. Ни к чему ей пиратствовать, правда? Пусть живет спокойно. А я... Я, может быть, однажды отыщу ее – когда обзаведусь собственным кораблем! И подарю ей.

Я окончательно очнулся и понял, что Роберт сильно пьян. Он устроился на диване поудобнее и, кажется, собрался задремать. Сквозь открытые двери с палубы долетал хохот и песни – пираты, видимо, решили гулять всю ночь. Забеспокоившись о Моник, я выглянул наружу, и она тут же схватила меня за руку.

– А я хотела тебя будить! – прошептала она, ведя меня вдоль борта. – Тихо! Джон, ты друг мне?

– Больше, чем друг, – прошептал я. – Гораздо больше, Моник.

– Сейчас не до этого! Ван Дер Вельде запер Кристин в трюме, мы должны освободить ее.

Я остановился от удивления, но Моник потащила меня дальше. На нашем пути оказался люк, в который мы и спустились. Моя спутница зажгла принесенную свечу, и мы быстро прошли между каких-то ящиков к клети, в которой и оказалась заперта Кристин. Смотреть на нее было жалко: растрепанная и заплаченная, она сидела, сжавшись, в углу.

– Кристин! Смотри, я привела Джона! Он сможет тихо сбить замок!

– Тихо сбить замок?.. – я ничего не понимал. – Но зачем, Моник? Ван Дер Вельде вздернет нас наree!

– Он не узнает, кто меня выпустил, клянусь! – Кристин ухватилась за прутья решетки и затряслася их, одновременно плача и злясь. – Джон, помоги мне, и я этого никогда не забуду! Моник кое-что задумала, и я уверена, это стоящая затея!

– Что происходит?

– Сбей замок! – Моник обмотала его какой-то тряпкой и протянула мне увесистый топор. – У меня просто не хватит сил, понимаешь? Или ты не хочешь помочь нам? Я прошу тебя, Джон!

Ее глаза... Не могу сказать, что я выполнил работу тихо, но спустя пару минут разбитый замок упал на пол. Кристин выскочила из клети и поцеловала меня в щеку.

– Он за это заплатит, бородатый медведь! – пообещала она. – Будь я проклята всем Береговым Братством, если ему не придется об этом пожалеть!

– Теперь твоя очередь исполнить обещание! – требовательно напомнила Моник. – Идем?

– Конечно! – Кристин утерла слезы и снова стала самоуверенной, нахальной девчонкой. – Я знаю этот корабль как свою ладонь, так что идите за мной и не шумите.

Все еще мало что понимая, я шел в темноте за двумя заговорщицами. Мы добрались до якорной цепи и прямо по ней спустились в воду, а потом выбрались на берег в стороне от «Ла Навидад». От купания я совершеннопротрезвел и потребовал наконец объяснений.

– Моник придумала отличную штуку! – сказала Кристин, отжимая волосы. – Мы ограбим Ле Вассера. На такое еще никто не решался! Но папочка приказал сниматься с якоря на рассвете, они не успеют хватиться. А уж потом капитану Ван Дер Вельде придется смириться с тем, что на Тортуге он больше не желанный гость! Пусть в другой раз думает, прежде чем запирать меня на замок!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Бегство и волшебство

Сон, пусть и короткий, в сочетании с этим неожиданным купанием порядком меня освежил. Вылив воду из сапог, которые я не догадался снять, я лег на деревянный настил причала и уставился на крупные южные звезды. Над Тортугой висела ослепительно прекрасная ночь, и пьяные возгласы, долетавшие до нас с палубы «Ла Навидад» ее совершенно не портили. Становиться разбойником я не собирался, но в это море и эти чудесные острова успел влюбиться. Дам такое мое поведение порядком смутило. Я знал это, но лишь улыбался звездам.

– Ты чего разлегся-то, эй? – Кристин не выдержала первой и слегка пнула меня под ребро. – Ты слышал, что я сказала?

– Слышал. Только с чего ты решила, что я пойду грабить Ле Вассера? Мне это вообще не нужно. У меня даже деньги есть, доля от продажи «Устрицы». А вот капитана – нет. Кончилось твое капитанство.

Вот последнее я сказал зря – Кристин пнула меня второй раз, и на этот раз вовсе не слегка. А потом еще и еще, пока я не вскочил.

– Подожди! – попросила ее Моник. – Джон, послушай, что происходит. Мы оказались без средств к существованию. На те деньги, что у тебя в кармане, ты дальше Кубы не уплывешь. Корабля у нас теперь тоже нет. Ле Вассер, на помощь которого я рассчитывала, оказался скотиной...

– А мне показалось, что вы подружились! – напомнил я, потирая бок.

– Я пыталась ему понравиться! Но он не благородный человек. Теперь я в опасности – на острове губернатор полновласт-

ный хозяин и может сделать со мной, что пожелает. Нужно бежать! Мы можем уплыть на корабле капитана Ван Дер Вельде, но ему нужно хорошо заплатить, чтобы нас высадили не где попало, а в безопасном месте! А деньги проще всего добыть у Ле Вассера, куда я могу войти в любое время. Он не заслужил свое богатство, в этом нет греха! Но мне не справиться одной, как ты понимаешь. Поэтому ты должен идти. Потому что другого выхода нет. Мы могли бы попросить Роберта, но мальчик совершенно пьян!

– Ловко ты это закрутила… – присвистнула Кристин. – Да, Джон, не трать время попусту – нам еще надо зайти на «Устрицу» переодеться, если новые хозяева нам это вообще позволят. Спасибо папаше, там уже другой капитан.

– Мои вещи! – подпрыгнула Моник. – Джон. Джо-он! Тебе ведь нравились мои платья, Джон? Идем скорее!

Палуба «Устрицы», на которую я взошел последний раз, напоминала поле боя после кровавой сечи. Вот только павшие воины обычно не храпят, как это делали пьяные матросы. Насколько можно было понять, тут лежала вперемешку и старая, и новая команда. Спотыкаясь о тела и пустые бутылки, мы тихо прошли к корме и быстро забрали свои вещи. Моник, собираясь, сунула мне в руки шкатулку со всевозможной женской мелочью вроде заколок и лент. Туда же, прямо при мне, она хотела положить и дельфина, но в последний момент передумала и надела цепочку на шею.

– Иногда мне кажется, что он мне как-то помогает… – задумчиво пробормотала она, быстро проверяя, не забыла ли чего-нибудь. – Ведь все плавание погода стояла хорошая и ветер благоприятствовал! Глупости, и я бы была уверена, что это глупости, если бы не проклятый Дюпон со своей лягушкой…

Я попробовал расспросить ее о лягушке, но Моник приложила палец к моим губам и заспешила прочь с корабля. Кристин, прежде чем спуститься по трапу, сняла шляпу и быстро пробор-

мотала слова благодарности «Устрице». Мне тоже было жаль с ней расставаться. Так впервые я понял, что корабль можно полюбить.

Вещи мы припрятали в скалах, неподалеку от тропинки, ведшей к цитадели Ле Вассера. Местность стала совершенно безлюдной – Тортуга спала крепким пьяным сном. За сохранность наших небогатых пожитков можно было не беспокоиться – мы собирались вернуться еще до рассвета. В том случае, конечно, если все пройдет хорошо. Я с удивлением заметил, что совершенно не волнуюсь, даже наоборот, хочу приключений! Вот уж не знал, что в моей фермерской душе жила авантюрная нотка.

– Проверьте, не намок ли порох и зарядите заранее пистолеты! – приказала Кристин. – Ле Вассер постоянно ждет блокады острова, осады, поэтому запретил охоту под страхом смерти. Не хотелось бы повстречаться на тропинке с кабаном! Но если это случиться – стреляйте вверх. Убить его в темноте шансов мало, а раненый он еще хуже. Попробуем просто отпугнуть.

Спустя час мы добрались до крепости. Не доходя ста шагов, мои спутницы-грабительницы устроили последний военный совет и наконец посвятили меня в подробности плана. Все, действительно, выглядело очень простым. Дамы намеревались подняться в замок и, сняв со стен зала некоторые ценные предметы, выбросить их в узкую бойницу, примеченную Моник заранее.

– А почему вы думаете, что вас никто не заметит? И что насчет вашей безопасности, леди Моник?

– У Ле Вассера запой уже неделю! – сказала она и замолчала, будто я все должен был понять. Я молчал и она со вздохом продолжила. – Ох, Джонни, да он безопасен, как голубь! В некоторых смыслах... Я вообще надеюсь, что он валяется пластом в спальне. Но даже если нет – нужно подождать не более часа, он уже не может подолгу быть на ногах. Охрана совершенно распустилась и тоже пьет. Я вообще не понимаю, отчего до сих

пор никто не запустил руку в его кладовые! Поверь мне, Джон, я знаю, о чем говорю.

– И почему-то я ей верю, – хмыкнула Кристин. – Ох, интересно мне было бы поговорить с тобой по душам, леди Моник... Много ты знаешь.

– Как-нибудь в другой раз, капитан Кристин! – Моник исполнила шутливый книксен. – Идем, Джон, я покажу тебе, куда упадут вещи. Там все заросло кустарником, шума не будет – главное, береги голову.

Только тут я понял, что меня даже не собираются брать с собой наверх. Я попробовал возражать, но получил в ответ тысячу аргументированных возражений – Моник это хорошо удавалось. Луна вышла из-за облаков и я заметил, как изменились ее глаза. Что-то подсказывало мне, что у нее все получится. Я прекратил спорить.

Прислонившись к скале, я вслушивался в звуки южной ночи. Живности тут было, конечно, намного больше, чем в Шотландии. Шорохи, едва слышные звуки чьих-то легких крадущихся лап, крики ночных птиц – и все это на фоне долетающего снизу шума моря. Да, мне нравилась эта жизнь. Я еще многое не умел, не понимал, да и теперь вот, стоял один, вовлеченный в чужую авантюру в роли простого носильщика. Но впереди был побег, щекочущий нервы своей непредсказуемостью – такой человек, как Ван Дер Вельде легко может прийти в неистовство и вышвырнуть меня за борт. Вот только теперь я этого не боялся. Я жил той жизнью, которая прекрасна еще и тем, что может оборваться в любую секунду. Именно оттого она была так сладка.

Даже привязанность к Моник, которая давно могла бы стать мучительной, меня больше не смущала. Я полюбил в первый раз и одновременно повзрослел – теперь я не просто упивался этим чувством, но и рассматривал его, словно натуралист диковинную тропическую птицу. Погруженный в мысли, я даже

не заметил, в какой момент сверху начало падать имущество губернатора.

Получасом позже, когда я вместе с хихикающими от счастья женщинами собирал выброшенные вещи, мне бросилось в глаза, что один предмет Моник исхитрилась обернуть скатертью, прежде чем просунуть в бойницу. Еще одна тайна! Мне нравилась эта женщина, нежная и дерзкая, слабая и сильная, добрая и опасная... Но мне хотелось ее разгадать. Вспомнив о странном сне и просьбе прозрачного то ли человека, то ли демона, я решил при случае попробовать добраться до дельфина.

Дорога назад далась мне нелегко: дамы не скромничали и взяли все, до чего успели дотянуться. Мне стало смешно – пошатываясь и обливаясь потом, я, вчерашний нищий юнга, тащил на спине целое состояние! Да еще украденное у такого человека, к которому многие пираты близко подойти боятся.

Мы вернулись на корабль Ван Дер Вельде под утро и обнаружили там примерно ту же картину, что и на «Устрице». Склонность пиратов к отчаянным кутежам, видимо, была связана с постоянным риском, сопутствующим профессии. Обидно, наверное, не успеть пропить награбленное.

– Ну что за безобразие? – шептала возмущенная Кристин. – Нет, на своем корабле я буду держать команду в кулаке! А тут можно пушки вынести, никто не проснется!

Кристин показала мне, куда пихнуть узел с нашими сокровищами, и они с Моник ушли обсуждать дальнейшие планы. Я заглянул в кают-компанию и обнаружил там не только сладко спящего Роба, но и группу тихо беседующих о чем-то пиратов. Был тут и боцман Янычар, и Мерфи, и даже рыжий Моррисон, каким-то образом уже прописавшийся на «Ла Навидад».

– Это ты шумел на палубе? – хмуро спросил меня Янычар. – Не шляйся по ночам, когда все порядочные люди уже пьяны и спят! Хорошо, Мерфи узнал твой голос, а то я вышел бы с парой пистолетов...

– Еще я слышал Кристин! – вспомнил Мерфи, тряся стаканчик с игральными костями. – Разве отец ее выпустил?

– Да, по ее словам, они помирились! – сказал я, как был научен на такой случай, и присел на диван к Робу. – Мы отплываем на рассвете?

– Куда там! – Янычар хрюкло рассмеялся. – По слухам обретения блудной дочери капитан выставил столько рому, что и полудню не соберемся.

В желудке у меня появился неприятный холодок. Если мы не успеем выйти из бухты, люди губернатора придут за нами. Я был уверен, что Ле Вассер прикажет вывернуть наизнанку весь остров, но найти пропажу. Оставалось надеяться только на верность расчета Кристин и талисман Моник, в силу которого я начинал верить больше, чем она сама. Потом я задремал, а проснулся от толчков старика Мерфи.

– Вставайте, обезьяны! Думаете, пожили чуток с пиратами и стали капитанами? Или убирайтесь, или принимайтесь за работу!

Позевывая, мы с Робертом вышли на палубу. Здесь Янычар, сверкая татуированным черепом, пытался заставить не спавшихся матросов хотя бы поднять якорь. Наша помощь была очень кстати и боцман с Мерфи закурили трубки.

– Что-то мне не по себе! – признался Янычар. – Я не видел, как Ван Дер Вельде выпускал дочь. А теперь она отдает приказы от его имени.

– Она сказала, что капитан поклялся пристрелить каждого, кто его побеспокоит, пока он похмеляется. Хочешь проверить?

– Мерфи, тебя Черным прозвали за юмор? Два предыдущих боцмана на этом корабле любили проверять, в каком настроении капитан, а я вот не люблю, – Янычар почесал затылок. – Но неспокойно мне.

На палубу почти выбежала Кристин и первым делом посмотрела в сторону пушек цитадели, наведенных на выход из бухты.

– Что вы копаетесь?! Ставьте кливера, а уж с остальными парусами в море разберемся. Отец недоволен!

– Ну, он недоволен, а ты-то что на меня кричишь, мисс Ван Дер Вельде? – ощерился боцман. – Или ты уже его помощник? Иди молочка козьего попей.

Рука Кристин дернулась было к пистолету, но она вовремя опомнилась и лишь сплюнула на палубу перед ногами Янычара. Боцман хрюплю расхохотался.

– Джон, Роб! Помогайте! – Кристин первая взялась за канат. – Покажите этим вареным попугаям, как надо ставить паруса!

К удивлению Роберта, ничего не знавшего о нашем ночном приключении, я кинулся выполнять ее команды бегом. С помощью свежего утреннего ветерка «Ла Навидад» медленно развернулся и, набирая ход, пошел к проходу между скалами. Вот тогда я и увидел появившиеся над фортом Ле Вассера белые облачка.

– Берегись! – Кристин сбила нас с Робом на палубу. – Боцман, по нам палят!

Дальнейшие ее слова потонули в грохоте взрывов. После первого же залпа батареи сразу два ядра врезались в борт корабля, повредив орудийные порты. До этой минуты многие на «Ла Навидад» еще спали, в том числе и сам бородатый капитан. Спустя несколько мгновений он, полуголый, с саблей в руке выско-чил из каюты.

– Что за кит вас всех сожри с кишками происходит?!

– По нам бьют из крепости! – доложил боцман. – Кэп, они...

– Ставьте паруса! – завизжала Кристин и оттолкнула рулевого от штурвала. – Ставьте или никто из нас отсюда живым не уйдет! Кливера, все кливера поднять! Надо лавировать!

Почесывая острием сабли волосатую спину, Ван Дер Вельде посмотрел на цитадель как раз в тот момент, когда она дала второй залп. Не оглядываясь, он попятился, на ощупь схватил штурвал и крутанул его с такой силой, что дочь едва не упала.

На этот раз все ядра упали в воду вплотную к борту. От поднятой взрывами волны «Ла Навидад» закачался, и я чуть не свалился с реи.

– Что он там, совсем уже допился? – капитан Ван Дер Вельде, видимо, паниковать просто не умел. – Кристин, принеси мне рому! А потом расскажешь, отчего ты не под замком.

Третий залп батареи, несмотря на шкиперское искусство Ван Дер Вельде, разнес угол кормовой надстройки и повредил бизань-мачту, с которой пришлось срочно спустить все паруса. Два или три матроса, решив, что всему конец, прыгнули за борт и поплыли к берегу. Янычар в гневе выпалил по ним из пистолетов.

– Отставить тратить порох на крыс! – остановил его капитан.
– Мне всегда везет, и вот – опять повезло!

Навстречу нам двигался только что вошедший в бухту парусник, почти такой же большой, как «Ла Навидад». Четвертый залп пришелся снова по корме, усилив разрушения и сбив рею с несчастной бизани, начался пожар. Пока мы его заливали, капитан взял резко вправо, исхитрившись полностью уйти от в пятый раз выпущенных из крепости ядер, а потом на полминуты спрятался за парусами идущего встречным курсом корабля.

– Что ты натворил, старый греховодник?! – закричал с его палубы одноглазый пират в расшитом золотом камзоле. – Мне тоже по тебе стрелять?

– А ты попробуй! – завопил в ответ Ван Дер Вельде. – Не знаю пока, что я натворил, но тот, кто попробует меня преследовать, назад не вернется, помни это!

Цитадель не стала щадить оказавшийся на линии огня корабль. Часть ядер пробила его паруса, но нам вреда не причинила. Зато еще одно ударило прямо в середину грот-мачты и переломило ее, словно прутик.

– Редкий выстрел! – заметил Янычар. – Второй раз в жизни вижу. Посторонись, ребятки, нам гостинец!

Обломок упал на нашу палубу и мы кинулись рубить запутавшиеся снасти. Боцман приказал было столкнуть мачту в воду, но капитан остановил его.

– Положите вдоль борта – пригодится чинить бизань, – он уже выпил рома и теперь выслушивал доклад Кристин, которая, как послушная дочь, принесла отцу и рубашку. – Что несет эта девчонка, будь я проклят?! На моем корабле – золото Ле Вассера?!

Он снова закрутил штурвал и очередной залп не нанес нам серьезных повреждений. Я с надеждой посмотрел на выход из бухты. Он был совсем рядом.

– Да не переживай, пушки крепости нас достанут и в море. Она с умом построена! – Янычар просто любовался несшей нам смерть цитаделью. – Говорят, Ле Вассер еще при осаде Ла-Рошели отличился именно устройством батарей! Талант по части береговых укреплений, даром что моряк.

– Что же нам делать?

– Капитана слушать, что же еще?! – рассмеялся боцман. – Кто другой уже баражтался бы в воде, но это же Ван Дер Вельде!

Еще раз выстрелила батарея, теперь одно ядро разорвалось на баке. С бедовой головы Кристин толстой щепой сбило шляпу. Капитан отошел от штурвала, поднял ее, отряхнул и натянул дочери на самые уши.

– Ты сам виноват! – закричала Кристин. – Ты продал мой корабль и я имею право пустить на дно твой!

– Ты?! – я видел, как в ярости сжимаются и разжимаются огромные волосатые кулаки Ван Дер Вельде. Еще одно ядро врезалось нам в борт. – Да заткнитесь вы, там! – капитан погрозил батареей. – С Ле Вассером разберемся потом, и он мне за это заплатит! Но сначала... Линь сюда!

Янычар, присвистнув, понес капитану канат. Кристин, отскочив на шаг, выхватила из-за пояса пистолет и взвела курок. Мы с Робертом переглянулись. Я увидел, что мой друг тоже держит руку на пистолете и на всякий случай заслонил его от капитана.

– Да не бойся, козий выкормыш, я тебя пороть не стану! – Ван Дер Вельде крутил в воздухе конец каната. – Как можно – ты же у меня леди и будешь, как я приказываю, жить в Англии в порядочной семье! Я просто хочу тебя немного искупать!

Произнося последнее слово, он, словно кнутом ударили канатом по руке Кристин, в которой она сжимала пистолет. Грязнул выстрел, но пуля улетела куда-то в поднебесье, в то время как пистолет едва не вышиб старому Мерфи последние зубы. Еще секунда понадобилась капитану, чтобы обвязать линем Кристин, а в следующее мгновение она с визгом полетела за борт.

– Ловись акула, большая и маленькая! – мрачно сказал Ван Дер Вельде, шагая вдоль борта к корме. – Золото нашли, боцман? Нет еще?! Так найдите, я хочу знать, что и где лежит на моем корабле! Может, заодно найдете и свои мозги! Кто вами командовал, кто приказал сняться с якоря, а?!

Роберт рванулся было на помощь Кристин, но я удержал его. Все же в чем-то капитан был прав... Мне вдруг стало стыдно. По нашей вине могли погибнуть десятки людей! И это все еще могло произойти. Мы наконец-то добрались до выхода из бухты, но скалы лишь на время заслоняли нас от пушек Ле Вассера.

– Капитан, сэр! – к Ван Дер Вельде стремительно шла Моник, которую я увидел впервые за утро. – Мне кажется, вы слишком жестоки к своей дочери! В том, что произошло, есть доля и моей вины, поэтому...

– Еще один линь! – заревел Ван Дер Вельде. – Будет славная рыбалка: на тебя в этих рейтузах клонет сам морской дьявол, моя прелестница!

Смущившаяся Моник попятилась, а я, позабыв о Роберте, на против, вышел вперед. Как бы я не относился к Моник, я любил ее. Капитан мрачно взглянул мне в глаза и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы над бортом не показалась голова Кристин со шляпой, зажатой в зубах. Она зарычала, потом вспомнила о шляпе, выплюнула ее и продолжила:

– Клянусь, ты мне за это заплатишь, толстый мерзавец!

– Что? – опешил Ван Дер Вельде. – Что ты сказала? Боцман! Пистолет!

– Капитан! – рискнула подать голос Моник. – Не совершайте...

– Нет, ты слышала?! – капитан повернулся к ней. – Ты слышала? Она назвала меня толстым!

Боцман встал рядом с ним, протягивая пистолет. Однако получил его не сам Ван Дер Вельде, а его дочь, которая, тихо подкравшись к Янычару сзади, ловко выхватила оружие.

– Клянусь, в следующий раз я выстрелю!

– Капитан! – Мерфи, вставший к штурвалу, даже помахал шляпой, привлекая внимание. – Капитан, мы вышли в море. Сейчас они снова примутся за нас – не отложишь на потом семейные проблемы?

– Ты еще меня поучи! – Ван Дер Вельде вздохнул. – Некогда, некогда воспитывать родную дочь... Да, сейчас нами займутся и дело наше плохо, потому что канониры как раз успели пропустить по стаканчику.

Неожиданная мысль возникла у меня в голове. Я взглянул на Моник повнимательнее и в который раз поразился прекрасному синему оттенку ее глаз. Только сейчас я предпочел бы увидеть их разноцветными, колдовскими. Что-то мне подсказывало, что дельфин выручит, если только позволить фигурке помочь нам. Я быстро подошел к ней и наклонился к самому уху.

– Оденьте на шею ваш талисман! Быстрее, или нам конец!

Она недоуменно взглянула на меня, но тут же кивнула и, не споря, побежала в каюту.

– Может быть, ответим огнем? – предложил Янычар, с тоской глядя на открывающуюся перед нами ширь моря.

– По цитадели? – Ван Дер Вельде засмеялся. – Это все равно, что стрелять по скале! У нас маловато пороха, чтобы ее разбить. Лево руля! Попробуем покрутить кормой, другого способа уце-

леть я не вижу. Эй,несите мне рома, да всю бутылку! Может быть, если за штурвалом будет пьяный – закачается весь корабль, и им труднее будет целиться?

Моник вернулась на палубу и незаметно кивнула мне. Она могла бы этого и не делать – мне уже обо всем рассказал ее правый глаз, ставший ярко-зеленым! И случилось чудо: сколько ни стреляли из крепости, все ядра падали в воду. Меж тем ветер по-свежел, и даже с поврежденной бизанью мы очень быстро уходили от Тортуги. Залп за залпом не достигал своей цели, хотя команда, конечно, приписывала этот успех мастерству Ван Дер Вельде. Каждый поворот штурвала сопровождался восторженными криками. Наконец, крепость замолчала и капитан передал штурвал Мерфи.

– Какой курс, капитан?

– Идем к Кубе. Я сейчас в таком настроении, что готов высадить десант прямо в Гаване! – довольный собой Ван Дер Вельде подобрел и, неожиданно вытянув огромную лапу, обнял мокрую Кристин. – Ну, больше не будешь называть папочку толстым?

– Прости, старый уродливый пьяница! – Кристин пошла на примирение и даже подмигнула нам. – Но разве не здорово – обчистить самого Ле Вассера!

– Неплохо, – кивнул капитан. – По крайней мере с учетом того, что это сделала моя дочь. Пойдем посмотрим на твою добычу, а потом завтракать!

Я подошел к Моник, ожидая от нее каких-то слов.

– Наверное, просто случайность! – улыбнулась она. – Капитан Ван Дер Вельде – опытный мореход!

Я смотрел прямо в ее разноцветные глаза и видел, что Моник лжет.

– Конечно, случайность! Просто я суеверен, как все шотландцы.

– Никогда не слышала о такой вашей национальной особенности! – притворно удивилась она. – А ты умнеешь, Джон, ма-

лыши. Однако, пойдем посмотрим, что мы вчера украли – ночью не было времени разбираться.

Ван Дер Вельде сперва не хотел нас пускать, но Кристин настояла на нашем присутствии. Когда дверь в капитанскую каюту закрылась, он вывалил содержимое узла на большой стол, прямо на старую, покрытую пятнами то ли вина, то ли крови карту.

– Индейское золотишко! – сразу оценил он. – Когда-то в этих краях его было столько, что галеоны тонули под его весом. Я тебе рассказывал, Кристин, как мы нашли такой на мелководье? Его почти занесло илом, но в хорошую погоду наш марсовый разглядел очертания корабля. Он был полон золота в слитках! Они переплавили его, чтобы загрузить побольше, и утонули от жадности! Пришлось устроить специальный налет на ловцов жемчуга, кроме жемчуга взяли в тот раз и пловцов. Подняли все! И чуть не пошли ко дну сами – у меня тогда был корабль поменьше... Вот там было много золота, а это – ерунда, – Ван Дер Вельде уселся за стол и стал перебирать золотые предметы. – Когда будешь рассказывать, дочка, ври, что увезла добычу на караване мулов. Все так делают.

– Где же вы храните ваши сокровища, капитан? – не удержалась Моник. – Если только не привираете... Как все.

– Я? Привираю? Крошка, да в том галеоне не было и десятой доли того, что я добыл в этих морях! – Ван Дер Вельде отхлебнул рома из бутылки и по-дружески протянул ее Моник. После волшебного ухода «Ла Навидад» от пушек форта Тортуги, который капитан приписывал своему таланту, он заметно подобрел. – А где храню... Это знают двое: я и дьявол! Кто останется последним, тот и получит все!

– А как же ваша дочь? – Моник сделала вид, что пьет, и передала ром мне. – Она могла бы жить в роскоши!

– Она должна сперва научиться жить прилично, а не обносить губернаторские дома! – пристукнул кулаком по столу ка-

питан. – Дать ей денег? Она купит корабль! А я хочу, чтобы про меня каждый мог сказать: да, капитан Ван Дер Вельде – кровожадный пират, убийца, грабитель, но зато вырастил славную, добрую дочь. И не тяни руку к бутылке, Кристин! Пить до завтрака – неприлично.

– Мне не нужны твои сокровища, – спокойно ответила она. – Пусть достаются дьяволу, а уж я заберу их у него.

– Слышали?! – показало возмущение капитан, но тут же усадил дочь на колени. – Все жду, когда она, наконец, повзрослеет. Что ж, теперь о деле. Прости Кристин, но тут как раз хватит на златывание корабля и возмещение ущерба раненым. Кое-что ты уже стянула с этого стола прямо на моих глазах – буду считать, что это тебе на ленты и конфеты. Справедливости ради, возьмите что-нибудь и вы.

– Она уже взяла! – вдруг сказала Кристин, когда Моник протянула руку.

Я тоже заметил, что единственного предмета, который был бережно обмотан материей, на столе нет. И готов был поклясться, что это та самая маска, которую Моник просила у губернатора, когда еще надеялась с ним подружиться.

– Покажи! – заинтересовался Ван Дер Вельде.

– Пустяковая вещица... – Моник пожала плечами – она явно надеялась не привлекать внимания к маске. – Она среди моих вещей, я сейчас принесу.

Когда Моник вышла, капитан посмотрел на Кристин и кивнул в мою сторону.

– Джону можно верить! – сказала девушка. Я был приятно удивлен. Мне казалось, что Кристин относится ко мне с высокомерием. – А вот Моник эта мне не слишком нравится. Надеюсь, ты при родной дочери не затеешь с ней шашни?

– Нет, ну что ты... – Ван Дер Вельде смущенно огладил бороду. – Хотя весьма привлекательная особа. А что на руку не чиста... На этом корабле всего один честный человек, да и тот

капитан пиратов. Кстати, если она тебе не по нутру, зачем ты пригласила ее жить в свою каюту?

– Скучно одной! – усмехнулась Кристин. – И за Моник приглядывать проще.

Дверь распахнулась без стука и Моник вернулась со свертком. В нем действительно оказалась маска. Ван Дер Вельде повертел ее в руках и отложил.

– Что-то из индейского колдовства! Вон сколько всего понатыкали внутрь... Но стоит немного. Пусть берет?

– Дай-ка! – Кристин тоже рассмотрела маску и решительно протянула ее Моник. – Забирай, если нравится! Твоя доля, Джон?

Я смутился: как-то мне не приходило в голову претендовать на часть этого золота. Хватит и того, что в моем кармане бренчит кошелек с долей от продажи брига, который никогда мне не принадлежал. Но я не был бы шотландцем, если бы не попытался и тут получить некоторый толк.

– Мне ничего не нужно. Пусть моей долей будет возможность находиться на вашем корабле. И, если позволите, я хотел бы поучиться у вас морскому делу.

Ван Дер Вельде прокашлялся и обернулся к дочери. Кристин, изготовившаяся было тихонько отхлебнуть рома, поставила бутылку на стол и прыснула со смеху.

– А что же ты делаешь все это время, Джон?! Хотя... Если ты хочешь научиться навигации и составлению карт, то лучшего учителя, чем мой отец, не найти.

Капитан важно кивнул. Нет, я не собирался ходить на «Ла Навидад» долго и по-прежнему не хотел становиться пиратом. Просто подумал, что лишние знания никогда не помешают, а тянуть шкоты и драить палубу я уже умел.

– Парус на горизонте! – закричали на палубе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Любовь и предательство

Корабль, который повстречался нам по пути от Тортуги, назывался «Пантера». Это тоже было трехмачтовое судно, но короче и уже, чем «Ла Навидад». Мне сразу показалось, что оно очень быстроходно, и боцман Янычар подтвердил мою догадку.

— «Пантеру» прозвали неуловимой. Только один раз ее догнали, и то потому, что она была перегружена. В бою мы старались ее не повредить, красавицу. Хотя две мачты пришлось потом менять... Тогда Ван Дер Вельде ходил с помощником, Гомешем. И много проиграл ему в карты. Вот Гомеш и взял «Пантеру» в счет долга. Теперь уже второй год сам себе капитан.

Корабли сблизились и вдруг среди матросов, толпящихся у борта и обменивающихся с нашей командой приветствиями, я увидел Дюпона. Мсье Клод даже помахал мне рукой. Я немедленно кинулся к Моник, чтобы предупредить ее о неожиданной встрече. Когда я постучал, она открыла не сразу, и я заметил, что на столике лежит нечто, быстро прикрытое платьем.

— Вот неудача! — поморщилась она с досады. — Я знала, что он отправится на Тортугу, но мы покинули остров так быстро... Бьюсь, мой талисман помогает мне не всегда!

Капитаны кораблей сохраняли дружеские отношения, поэтому между «Ла Навидад» и «Пантерой» перекинули трап и к нам пожаловали гости. Конечно же, явился и Дюпон, как выяснилось, хорошо знакомый с Ван Дер Вельде. Нас, оставивших его на острове Каменистом, он лишь коротко поприветствовал.

— Что случилось с экипажем «Устрицы», мсье Клод? — спросил любопытный Роб. — Надеюсь, вы их не убили?

– Зачем же, Роберт? – букиньяр потрепал его по плечу. – Мы не убийцы. Их продадут на плантации, ну, а пока они помогают моим товарищам коптить мясо.

– А как вы оттуда выбрались?

– На каноэ, как же еще? Я знаю места в море, где легко встретить корабли. Мне повезло: «Пантера» очень быстра. Иначе мы могли бы разминуться, не так ли, Моник? – Дюпон церемонно поцеловал жене руку. – Тебе чертовски идет мужское платье! Как ты поживаешь, дорогая?

– Прекрасно, – сухо ответила Моник. – Как и ты, к сожалению.

Дюпон рассмеялся. Я смотрел на эту пару, щеголявшую разноцветными глазами – Моник, похоже, вовсе перестала снимать с шеи цепочку с дельфином, и просьбу «прозрачного» я выполнить никак не мог. Что-то было в них общее, но не то, что обычно делает похожими мужа и жену. На миг мне показалось даже, что они скорее могли бы быть братом и сестрой, чем супругами. Я потряс головой, прогоняя наваждение: Моник и жгучий брюнет Клод были совершенно разными. Разве что разноцветные глаза.

Всех нас пригласили в кают-компанию на обед по случаю встречи. Всех, кроме бедняги Роба – меня Ван Дер Вельде теперь выделял из команды, а вот Роберту пришлось заняться починкой бизань-мачты вместе с простыми матросами. Не скрою, мне эта ситуация немного льстила. Впрочем, я бы с удовольствием помог парням, если бы мне не было так интересно происходящее за обедом.

Ван Дер Вельде любил вкусно поесть и за кока своего, по слухам, заплатил немалые деньги. По древней традиции, на пиратских кораблях капитан ест тоже самое, что и вся команда, а нарушение этого правила чревато бунтом. Но некоторые мелочи капитану все же прощаются, в знак уважения со стороны команды. К тому же, корабль только что побывал на Тортуге, где

истомившиеся от однообразия морской пищи пираты успели запасться свежим мясом и фруктами. Одним словом, я никогда прежде на таком роскошном ужине не был, включая даже памятный визит к губернатору Ле Вассеру. Там было много золота, рома и пьяных, но не было таких вкусных блюд.

И все же я старался не столько жевать, сколько смотреть и слушать. За столом я оказался рядом с Кристин, которая то и дело кидала насмешливые взгляды на Дюпона. Тот наконец не выдержал и произнес тост за ее здоровье, заодно принеся извинения.

– Милая Кристин, ну как я мог узнать тебя? Мы не виделись года три, и ты очень выросла. Только иногда мне казалось, что...

– Ты был занят! – хихикнула Кристин. – Сторожил жену. Так что скорее ты меня прости: я увезла леди Моник!

– Моник – твоя жена? – изумился Ван Дер Вельде. – А я и не слышал! Почему ты мне не сказала, крошка?

– Боюсь, наш союз оказался неудачен, – холодно произнесла Моник и посмотрела на капитана Гомеша, который весь обед не сводил с нее глаз. – Месье Дюпон оказался слишком ревнивым и грубым человеком.

– Вот как? – беспечно усмехнулся букиньер. – Ну, я надеюсь, мы скоро все это обсудим с глазу на глаз и, глядишь, помиримся! Она у меня красавица, правда, друг Гомеш?

Капитан Гомеш молча перевел взгляд на француза и как-то криво усмехнулся. Я заметил, что тарелка его осталась полна. Моник с громким хрустом откусила от яблока и пират снова уставился на нее. Мне показалось, будто он глазами готов слизать сок, текущий по ее подбородку. Моник воспользоваться салфеткой не торопилась, их взгляды встретились и я с досады скрипнул зубами.

– Страдай, страдай! – хихикнула мне на ухо Кристин. – Что тебе еще остается?

Этот Гомеш мне не понравился с самого начала. В противоположность неряшливому Ван Дер Вельде, он одевался с исключительным пиратским шиком. Дорогие, не сбитые сапоги с широкими отворотами сияли начищенными золотыми пряжками, не отставал и красный камзол со своим золотым шитьем – казалось, портной только что выпустил его из рук. За широким алым кушаком торчали пистолет и длинный кортик. Был ли Гомеш красив? Не знаю. Дюпон, широкоплечий, с широкой открытой улыбкой, мне кажется, должен был вызывать у женщин куда более глубокую симпатию, чем этот португалец. Но Моник, как я успел убедиться, была цинична. Вот только зачем ей очаровывать Гомеша?

Между тем Ван Дер Вельде наконец отвлек от Моник внимание своего приятеля-капитана. Он заговорил о совместном рейде на Кубу, чтобы ограбить тамошних плантаторов. Гомеш обещал подумать, но в свою очередь предложил устроить набег на Эспаньолу – там, по его словам, можно было легко захватить множество рабов и продать их в другие испанские колонии.

– Торговать людьми... – пробормотал я себе под нос. Меня раздражало в Гомеше все. – Что может быть гаже?

– Что же плохого в его предложении? – не поняла Кристин.
– Джон, эти люди уже рабы! И большинство из них захвачены или куплены в Африке. Неграм совершенно все равно, где гнуть спину. Да и у белых положение не лучше. Какой грех в том, чтобы отнять их у плантаторов с Эспаньолы и продать, скажем, в Венесуэлу?

– Все равно, это неправильно, – уперся я. – Грязное дело, хуже грабежа. Мне и перед старухой губернаторшей до сих пор стыдно. И матросов с «Устрицы» продадут, как сказал Дюпон.

– Ну, такова жизнь! Свободные люди запросто попадают в рабство за долги. А миссис Блейк... Знаешь, не заведи она моду лупить меня по щекам, ее судьба сложилась бы счастливее! И без того муж скоро ее выкупит, нашел тоже, кого жалеть.

Она надулась и более не смотрела в мою сторону. Я решил уйти – все равно разговоры перешли на обычные пиратские темы. Но в дверях мне пришлось остановиться, чтобы пропустить Гомеша и Моник. Из долетевших до меня слов я понял, что португалец пригласил Моник осмотреть его корабль. Она попросила минуту обождать и ушла в их с Кристин каюту. Я, красный от стыда за нее, хотел было пойти помочь Роберту, когда на палубу выскочил разгневанный Дюпон.

– Гомеш! Позволь мне кое-что тебе сказать!

– И что же? – пират скрестил руки на груди. – Если это касается твоей жены, то уточни сразу, о которой пойдет речь.

– Поговорим спокойно, – тут же сбавил тон француз. – Мне нужно наедине пообщаться с Моник, прямо сейчас.

– А она сказала, что не хочет с тобой разговаривать. Послушай, Клод, мы знакомы немало лет. И ты знаешь, что обидел меня, не рассказав о Моник. Я думал, мы друзья, я согласился ради тебя завернуть на Тортугу. Теперь ты не имеешь права ничего от меня требовать. Да, и еще: когда мы с Ван Дер Вельде пойдем в рейд, я не хочу видеть тебя на своем корабле. Иначе – пеняй на себя.

– Хорошо... – выдохнул, набычившись, Дюпон. – Хорошо, Гомеш.

Минуту спустя вернувшаяся Моник, поддерживаемая Гомешем, перешла по трапу на «Пантеру». Я стоял у борта, надеясь хотя бы поймать ее взгляд, но Моник не оглянулась. Вечером в трюме я увидел, как Дюпон вешает свой гамак. Вид у него был такой, что спрашивать о чем-либо я его не стал. Меня лишь удивило, что ревнивый француз так легко, без боя стерпел слова Гомеша. Впрочем, тут, среди пиратов, буканьер был бы обречен – нападение на капитана всегда карается смертью.

Но самое интересное я узнал, поднявшись на палубу. Корабли уже разошлись и теперь двигались параллельными курсами на север, к западному побережью Кубы. Полностью планов Ван

Дер Вельде я не знал, да и не слишком ими интересовался – если уж я невольно стану участником пиратского набега, то никто не сможет обвинить меня в том, что я делал это с удовольствием. Участвовать в грабежах я не намеревался и вообще хотел опять поговорить с Моник о возможности бежать. Я следил за красавицей «Пантерой», которой приходилось немного сдерживать свой ход, чтобы не оторваться от «Ла Навидад». Ко мне подошли Кристин и Роберт.

– Скучаешь по ней, бедный мистер Джон? – капитанская дочка все еще сердилась на меня.

– По кому? – не понял я сразу.

– По Моник, – объяснил Роб. – Я же говорил тебе, Кристин, что она с ним даже не попрощается! Моник осталась на «Пантере», с Гомешем. Но мы думаем, это к лучшему. От такой женщины, как Моник, только беды ждать.

Я просто не знал, что сказать. Одно дело – постоянные заигрывания Моник то с Бриджисом, то с Гаррисом, то с Ле Вассером и даже, кажется, с капитаном Ван Дер Вельде, но вот так открыто уйти к едва знакомому мужчине...

– Да, его каюта в ее полном распоряжении! – подначила меня Кристин. – Так что ты можешь заняться изучением навигации, как и собирался. Тебе больше ничто не помешает!

Я ударил кулаком по борту. На глаза навернулись слезы – мое отношение к Моник давно уже было неоднозначным, но я верил, что она считает меня другом. Это было очень обидно. Я ушел, чтобы не слышать новых колкостей от Кристин, и она просто рассмеялась мне в спину.

Так или иначе, я твердо решил закончить с этой историей и покинуть корабль на Кубе, улучив подходящий момент. Больше меня не интересовали ни тайна меняющих цвет глаз, ни странный талисман, ни даже сны о прозрачном человеке – хотя они повторялись с пугающим постоянством. Поговорив с Робертом, я понял, что с ним мне придется расстаться. Романти-

ка пиратской жизни окончательно покорила его сердце. Ну, и конечно, свою роль сыграла Кристин. Теперь она частенько гуляла с Робом по палубе, приглашая третьим Дюпона. Букиньяр был хмур, но иногда, подвыпив, рассказывал смешные истории из своей охотниччьей жизни. Несколько уроков у Ван Дер Вельде я все же взял и немного научился разбираться в картах, однако былой интерес к морскому делу померк.

Ветер нам не слишком благоприятствовал, но примерно через восемь дней мы достигли Кубы. У первой же попавшейся рыбацкой деревушки высадили десант на шлюпках, чтобы узнать новости и пополнить запасы пресной воды. К счастью, крови не пролилось – брать у рыбаков было нечего, а тем, что они все же имели, бедные люди делились без принуждения, из страха. Корабли в это время снова сблизились, и в каюте Ван Дер Вельде состоялся военный совет, на который ни меня, ни даже Кристин не пустили. По-видимому, пираты получили какие-то интересные известия и пришли к единому мнению, потому что сразу же после окончания совещания мы подняли якоря и поспешили на север. Команда болтала что-то о кара-ване судов, прибывшем из Европы и штормом посаженном на мели, но точной информацией, кажется, владели только капи-таны.

Мы отдалились от берега в открытое море, и смело шли под парусами всю ночь, но утром оказалось, что удача изменила Ван Дер Вельде. Едва рассвело, как марсовый закричал о па-русах прямо по курсу. Может быть, рыбаки каким-то образом смогли передать испанским властям информацию о нас? Но скорее всего, это была просто случайность, и три линейных испанских корабля караулили здесь кого-то другого.

– Проклятье! – Ван Дер Вельде рассмотрел врагов, выстраивающихся в линию для атаки. – Окажись мы между двумя та-кими молодцами, и чиниться нужно будет очень долго! При-дется поработать парусами, просыпайтесь, ребята!

– Ветер нам в корму, – осторожно заметил ему Мерфи. – Мы могли бы попробовать проскочить мимо и оторваться – у нас на корме шесть пушек! Они разве что втроем могут соперничать с нами огнем с баков, но два корабля немного отстанут, да и «Пантера» нас поддержит.

– Чушь! – оттолкнул его с дороги Ван Дер Вельде. – Сигнальте «Пантере»: мы принимаем бой! Ты, Черный Мерфи, совсем постарел: это же добыча сама идет нам в лапы! Попробуем погнать их к берегу. Еще сигнальте Гомешу: правого берем в клещи, пусть заходит бортом ему в корму, а я с носа!

Я был потрясен: значит, даже три военных корабля пиратам не помеха, а добыча? Скорее, Ван Дер Вельде, с его слепой верой в удачу, немного переоценивал свои силы. Тем не менее, команда встретила его решение без страха, пираты приготовились сражаться. Они были так увлечены, что я первый заметил, как «Пантера» поднимает дополнительные паруса.

– Что это значит? – спросил я у Кристин, которая, высунув кончик языка, засыпала в пистолет порох с таким видом, будто готовилась к празднику. – Они и так шли быстрее нас!

– Ах, тысяча чертей! – порох серой струйкой просыпался на палубу. – Папа, они уходят!

То, что сказал Ван Дер Вельде вслед удаляющейся «Пантере», передать просто невозможно. Впрочем, долго этим заниматься он себе позволить не мог: удобный момент мы упустили и теперь просто вынуждены были принять бой против трех испанцев. Следовать за «Пантерой» никто из них не решился – уж слишком быстро она шла. Пушки военных кораблей, установленные на баках, уже начали нас обстреливать, но пока неточно.

– Лево руля! – крикнул Ван Дер Вельде и сам поспешил к штурвалу. – Круче, еще круче к ветру! Отсохни мой язык, зачем я говорил, что между них попадать не стоит?!

– Капитан, они сделают из нас решето! – взмолился Мерфи, видя, куда направляет «Ла Навидад» голландец.

– А мы попробуем схитрить! Кристин! Учись, пока я жив, только уйди ради морского дьявола с палубы!

Испанцы, наверное, были немало удивлены, когда «Ла Навидад» пошел прямо между двумя из них. Я видел, как один за другим открываются пушечные порты в бортах, как высовываются дула пушек. Это походило на две голодных челюсти, меж которых Ван Дер Вельде собирался нас поместить.

– Он вообще соображает, что делает? – мрачно спросил Дюпон, изготавливаясь к стрельбе. На его лице не было и следа страха. – Оказаться под двойным огнем! Или мы собираемся взлететь в последний момент, чтобы испанцы перебили друг друга?

– Знаешь, я давно с ним хожу, – серьезно ответил Янычар. – Все может быть.

Конечно, мы не взлетели. И все же мастерство нашего капитана потрясло меня: в самый последний момент он взял круто право руля. Залп нашего левого борта по еще не готовому к стрельбе испанцу был направлен прямо в пушечные порты. Я видел, как одно из их орудий после взрыва пробило настил и вылетело на палубу! Не только капитан, но и канониры у нас были что надо. Насколько я мог понять, дать полноценный залп с обращенного в нашу сторону борта испанский корабль уже не мог.

Мы должны были врезаться в того испанца, что оказался справа. Столкновения избежать не удалось, но Ван Дер Вельде исхитрился сделать так, что «Ла Навидад» своим более высоким носом начисто снес врагу бушприт. Кливера испанца беспомощно обвисли, однако тут же наш корабль сотряс страшный удар. Заскрипели, раскачиваясь, мачты, но даже недавно починенная бизань каким-то образом выстояла. Ломая борта, мы все же разошлись, чему немало способствовала специально посланная капитаном на бак команда с баграми. Все это сопровождалось отчаянной ружейной перестрелкой в которой, конечно, отличился Дюпон.

Положение наше все равно было не из легких, но испанцы сами помогли нам: они оказались не готовы к залпу левым бортом, ожидая нас справа от себя. «Ла Навидад» успел подставить врагу корму и даже отойти на порядочное расстояние. По крайней мере, мы понесли от их огня куда меньший урон, чем от батарей Ла Вассера.

– Вот так мы и побеждаем! – сказала мне, ошалевшему, чумазая от пороховой гари Кристин. – Один маневр, зато какой! Два корабля уже не смогут нас догнать, а третий еще должен их обогнать! Если, конечно, у нас нет пробоины... Пойду посмотрю.

Я остался у борта вдвоем с Дюпоном. Буканьер чистил шомполом ружье, но думал, кажется, совсем о другом.

– Это великолепно, правда? – я действительно был потрясен, и даже очередное ядро испанцев, добравшееся до нашей кормы, меня не расстроило. – Я и подумать не мог, что есть такие капитаны!

– Это везение, Джон... – хмуро ответил он. – Мы могли развалиться, могли остаться без мачт, могли зацепиться оснасткой и тогда нас расстреляли бы не спеша... Если у тебя нет везения, ты не сможешь стать капитаном. Это первое требование, которое выдвигает команда. Невезучего капитана низлагают.

– Ван Дер Вельде это не грозит!

– Похоже на то. Лучше скажи мне, Джон, что ты чувствуешь к Моник? Чтобы тебе было легче, признаюсь: она мне не жена. Мы не похожи, но мы брат и сестра.

В горячке короткого боя я совсем забыл о «Пантере»! А она еще не скрылась из глаз, белея парусом на горизонте. Я смотрел на него и не знал, что ответить Дюпону.

– Мсье Клод, я очень привязался к вашей... сестре. Но зачем вам понадобилось выдавать ее за жену?

– Так мы с ней договорились! – буканьер отвел меня за мачту, подальше от суетящихся матросов и продолжил: – Видишь

ли, у моей сестры психическое заболевание. Симптомов много... Один из них – ненависть к близким, страх, стремление бежать от них любой ценой. Ты ведь заметил, наверное, как она меня боится? Мы договорились, что поплывем в качестве супругов – это и вопросов вызывает меньше, и власти у меня над ней было бы больше, в глазах капитана, например. Я вез бедняжку Моник в Панаму... Там есть знаменитый индейский колдун. Конечно, обращаться к ним грешно, но и врачей и священников обошли наши родственники во Франции, ничего не помогло. Поверь мне, Джон, я просто не мог рассказывать об этом. Семейная честь – дело такое... Во время путешествия, как я и ожидал, Моник стало хуже, а тот бой с испанцами стал последней каплей. Она дважды пыталась меня убить. Я хотел найти понимание у Гарриса, но Моник умеет очаровывать мужчин – это врожденный, животный магнетизм, возможно, связанный с болезнью. Так же, как ее жестокость, склонность к преступлению. Гаррис отказался позволить мне связать сестру. Я обратился за помощью к друзьям-букиньярам, а что еще мне оставалось? Потом началась перестрелка.

Я не знал, верить ему или не верить. Слова Дюпона многое объясняли, и тогда Моник – не преступница, а жертва. Мне хотелось ему верить... Но как говоривал дед Джон, котелок у меня варит.

– Скажите, мсье Клод, почему вы убили Бриджиса, если не ревновали Моник?

– Потому что он надругался над ней! – француз даже глазами завращал от негодования. – Она пришла к нему сама, она, может быть, даже вынудила его, но я ведь говорил этому пьянице, что Моник больна!

– Откуда вы могли это знать? – мне тоже было больно слышать такие слова, но на корабле трудно что-либо скрыть. – Бриджис... Он был офицером, черт возьми!

– Откуда? – Дюпон на миг задумался, а потом вытащил из-под воротника рубахи цепочку, на которой висела фигурка лягушки. Мне сразу бросилось в глаза ее сходство с дельфином Моник: такой же металл, такая же тщательная работа. – Вот откуда. Возьми ее в руку.

Я взял фигурку и ощутил уже знакомое легкое покалывание в пальцах.

– А теперь возьми это ружье! – Дюпон сунул мне оружие. – Держи его и, прикрыв глаза, постарайся услышать, что оно тебе расскажет!

Я, немного сомневаясь, попытался исполнить его просьбу и зажмурился. Сначала не происходило ничего, но уже через несколько секунд я заметил, что перед моими веками проносятся какие-то неясные, смутные картинки. Рокот волн, шум ветра, топот матросов и команды боцмана – все исчезло и я услышал звуки леса, рев раненых животных, смех охотников. Все это сопровождалось соответствующими сценами охоты, привалов у костра, чистки оружия. Последнее ожившему ружью было очень приятно. Я ничего толком не мог разобрать, так быстро сменялись картины, но постепенно мы с ружьем вроде бы начали понимать друг друга. Оружие Дюпона готово было рассказать мне все, что с ним происходило.

– Хватит! – Дюпон вырвал лягушку у меня из пальцев. Я открыл глаза, он заглянул в них и выругался. – Проклятье, как быстро! Да, это непростой предмет. Теперь ты знаешь мою тайну, знаешь, как я говорю с вещами. А теперь представь, что я держал в руках ночную рубашку Моник! Я убил Бриджиса, это животное, не просто так! Ты поступил бы точно так же.

Я вспомнил лихого, самоуверенного буканиера, вонзившего нож в спину спящего капитана, и поразился, как изменился с тех пор Дюпон. Как бы там ни было, Моник значила для него очень много. Он словно постарел.

– У Моник есть похожий предмет...

– Ты видел его? – оживился Дюпон. – А в руках держал? Что происходило?

– Ничего... Только глаза меняли цвет.

– Глаза меняли цвет! – обрадовался он. – Что ж, тогда еще не все потеряно, возможно, мы еще спасем Моник. Ты мне поможешь?!

Он говорил это так страстно и искренне, что я окончательно поверил Дюпону.

– Конечно, помогу, мсье Клод! Я относился к вашей сестре всегда только с уважением, и... Но как вы могли молчать и позволить Гомешу увезти Моник?!

– Она бежит от меня, своего брата, – вздохнул Дюпон. – Мне стыдно это признать, но такова ее болезнь. Я позволил ей уйти на корабль Гомеша, получив с него обещание, что он к ней не притронется. Теперь я сомневаюсь, что он его исполнил. Похоже, он предал меня! Мне стыдно, очень стыдно, Джон. Но есть один способ...

Ругаясь на чем свет стоит, мимо нас грузно прошагал капитан. Следом бежала Кристин, почти плача. Возле меня она остановилась.

– Я ему говорю – испанцев надо добивать, брать в трофеи корабли! Они же сами сдадутся! А он, якорь ему в луженую глотку, хочет гнаться за Гомешем, за его-то «Пантерой» на нашем истерзанном корабле! – Кристин схватила француза за руку. – Дюпон, ну хоть вы с ним поговорите!

– Поговорю, – неожиданно легко согласился он и кивнул мне.

– Скоро мы продолжим, Джон. Скоро ты узнаешь все. Но прошу: не выдавай никому моих секретов! Сейчас я должен переговорить с капитаном с глазу на глаз.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Золото и авантюристка

Дюпон и Ван Дер Вельде заперлись в капитанской каюте и об их разговоре я, конечно же, узнал гораздо позже. Но я слышал его так, будто был там – мне помогла лягушка буканьера. Поэтому могу передать их беседу полностью, что и сделаю прямо сейчас, чтобы вам лучше было понятно произошедшее со всеми нами потом.

Ван Дер Вельде не был расположен к долгому общению – оскорбленная душа голландца горела желанием отомстить. Гомеш бросил его, своего благодетеля, и бросил в неравном бою.

– На моей гrot-мачте будет торчать голова этого мерзавца! – капитан плеснул себе рому и отставил бутылку, не предложив буканьеру. – Ну, что тебе надо? Только не говори, что тоже хочешь вернуться к испанцам, как моя кровожадная доченька!

– Вся в тебя... – Дюпон взял бутылку и отхлебнул из горлышка. – Гнаться за Гомешем сейчас бессмысленно – мы повреждены, а «Пантера» быстрее «Ла Навидад». Но думаю, я знаю, где его искать. Точнее, не знаю, но догадываюсь, как туда попасть.

– Говори яснее, лягушатник, или я разобью эту бутылку о твою наглую башку!

– Лягушатник? – Дюпон усмехнулся и почесал горло. – Капитан, я думаю, Гомеш удрали не просто так. Согласись, это на него не похоже – бросить друга в беде. Мужчины поступают так в одном случае: когда замешана женщина.

– Если ты собираешься мне морочить голову проблемами с твоей женой, то можешь сразу убираться! Это ваши с Гомешем дела – устроили бы дуэль по возвращении из рейда, и все! Но теперь не получится. Мой рейд не кончится, пока Гомеш не станет слишком мертв для дуэли!

— Это она уговорила его уплыть, — твердо сказал француз. — И дело не только в ее обаянии. Гомеш поплыл за призом, который тебе и не снился. И которым он ни с кем не собирается делиться, как не хотел и я! Выслушай меня, капитан, и ты узнаешь, что случилось на самом деле и как их теперь найти. Спешить некуда — команда занята починкой, обойдутся без тебя.

Ван Дер Вельде хотел было возразить, но потом махнул рукой, сел и снова взялся за ром.

— Говори, но короче. Или я тебя искупаю, как Кристин, только ты промокнешь как следует.

— Уж как получится. Начало этой истории ты хорошо помнишь, капитан: с год назад ты высадил нас на одном из Малых Антилов, и мы занялись охотой. Островок был полностью покрыт лесом, хрюканье свиней мы услышали еще не сойдя на берег. Все было хорошо, и где-то через месяц ты должен был вернуться за копченым мясом.

— Ты про тех чудных испанцев? — Ван Дер Вельде нахмурился, припоминая. — Много странного люду шляется по морям.

— Да! — buканье сел напротив капитана и закинул ногу на ногу. — Мы заметили корабль, идущий к острову, и стали готовить провизию к погрузке. Кто это еще мог быть, кроме тебя? Время совпадало. Нас, охотников, тогда было семеро. Мы настолько были уверены, что это «La Навидад», что заметили ошибку только когда корабль подошел близко к берегу. Это были испанцы! Но какие... Галеон! И он не был похож на старый. Испанцы бросили якорь как раз там, где мы ждали тебя...

— Это самое удобное место для стоянки! Только при чем тут Гомеш? Он тогда уже не ходил со мной.

— Испанцы спустили три шлюпки, и мы увидели в них людей в кирасах, в железных шлемах, с аркебузами — выпитые конкистадоры! — не обращая на него внимания, продолжил вспоминать Дюпон. — Мы просто не знали, что делать. Но не успели шлюпки пройти и половину расстояния до берега, как из-за

мыса вышел «Ла Навидад». Ты увидел испанцев и сразу открыл огонь.

— Я увидел испанский флаг, что удивительного? Думал, какая-то засада. Испанцы тоже начали стрелять по мне, но пушки у них были хуже, а ядра — просто чугунные! Кроме пары дыр, которые через час залатал плотник, у меня и повреждений-то не было.

— Именно! Зато одно из ядер с «Ла Навидад» разорвалось возле их порохового погреба и галеон разлетелся на куски. Потом твои канониры разнесли и две шлюпки, и все, кто в них были, ушли на дно в своих доспехах. Только самая первая шлюпка успела достичь берега. И мы перестреляли их, как куропаток! Двоим или троим удалось добраться до кустов, там они и нашли свою смерть — кроме одного. Пуля отлетела от его кирасы, и мне пришлось погнаться за ним, перезаряжая ружье на ходу. Он убежал немного вперед, но я уверенно пошел по его следам.

— Я помню что-то такое... — капитан безразлично пожал плечами. — Я видел и привидения, и восставших мертвецов и самого морского черта — чего я только не видел в этих краях! Что мне до твоих конкистадоров?

— Когда я догнал его, уставший испанец упал на колени и попросил пощады. Вот тут и начинается самое интересное, — Дюпон дотянулся до капитанской трубки, лежавшей на столе, и подвинул ее ближе к голландцу. — Слушай и не перебивай. Я не очень хорошо знаю испанский, но зато он и по-английски, и по-французски знал с десяток слов. В общем, он закричал о богатом выкупе и я не выстрелил сразу. А потом понес какую-то чушь: есть ли на острове его соотечественники, могу ли я его к ним вывести... И еще спросил, какой теперь год. Это было интересно, и я даже присел на поваленный ствол рядышком — знал, что скоро мне на помощь подоспевают наши ребята и собирался посмеяться вместе с ними.

А испанец от страха болтал без умолку. Я помалкивал, и чем дольше я молчал, тем больше он рассказывал. Понять было не так легко... Но вдруг до меня дошло, что он ведет речь о сокровищах тамплиеров. Между тем я прихожусь пусть и не прямым, а весьма дальним, но все же потомком Жака де Моле, последнего Великого Магистра ордена. Он сгорел на костре вместе со своими ближайшими сподвижниками, но, по слухам, королю Филиппу так и не удалось от него добиться главного: местонахождения главных сокровищ тамплиеров, найденных и скопленных где-то на Востоке, во времена крестовых походов. Еще говорили, что пропал их флот. Отвалил от берега и ушел, а куда – неизвестно. Напомню тебе, что случилось это все задолго до плавания Колумба. А мой испанец говорил об их поселении, найденном где-то в Мексике. Тут уж я сложил два и два.

Ну, а коли разговор стал деловым, я потребовал от испанца карту или еще какие-нибудь указания к этому поселению и сокровищам. Он понял, что я заинтересован, не убью его, и заговорил спокойнее. Я и понимать стал больше.

– Сокровищ нет в том поселке! – сказал испанец. – Мы лишь нашли там указания для братьев, которые еще могли приплыть с востока, куда им двигаться дальше. – Сам поселок давно был оставлен. Наш командир, который погиб, когда взорвался галеон, приказал нам сжечь дома, чтобы надежнее сохранить тайну. Мы искали золото, но поход был неудачен. Сокровища тамплиеров могли все изменить. Тем более, что в указанном месте мы откопали Ключ, без него до рыцарского клада было не добраться.

– Вы нашли их? – быстро спросил я, прислушиваясь: не идут ли мои парни. – На галеоне было золото?

– Нет. Когда мы уплыли с острова Демона, нам удалось взять совсем немного. Наш командир хотел вернуться с целой эскадрой и добрым епископом, чтобы одолеть тварь, владеющую островом. Это страшно, незнакомец, страшнее всего, что я видел в сельве!

– Но немного-то вы взяли? Где оно?

– Отплыв с острова, мы долго плыли на юг, но потом угодили в шторм. Для починки зашли в удобную бухту, и тогда... Мимо нас проплывали корабли с британскими и даже голландскими флагами. Но их не могло там быть – все, что лежит к западу от Атлантики, принадлежит Испании – так рассудил сам Папа Римский!

– О, да ты отстал от жизни, старина! – впрочем, именно так испанец и выглядел. – Я тебе очень сочувству, но если не хочешь получить пулю, говори, где золото!

– Но тогда ты не убьешь меня?

– Я убью тебя, если не скажешь! – мне пришлось поднести ствол ружья к самой его голове. – Но если не будешь ничего скрывать, получишь свою долю!

– Золото было во второй шлюпке. Она затонула на мелководье, и вы можете его взять... Мне не нужна моя доля, я лишь прошу тебя проводить меня к испанцам! Я должен отправиться за море, к королю!

«А вот это вряд ли», – подумалось мне. История этого острова Демона заинтересовала меня, и уж если там есть золото тамплиеров – дорогу к острову должен был узнать я, а не король Испании.

– Я же сказал: расскажи без утайки все!

Мне пришлось его пару раз ударить. И испанец поведал, что с него, Эрнандо Алькантра, эта история и началась. Он был потомком захиревшей ветви знатного рода. Денег в доме благородных донов имелось мало, зато было полно портретов, рыцарских лат и старых книг. И вот от безделья копаясь в этом никому не нужном хламе, наш Эрнандо нашел в одном из манускриптов письмо, написанное по-французски. Кто-то, видимо, просто использовал его в качестве закладки. Эрнандо кое-как его перевел и обнаружил, что это письмо тамплиера, высокопоставленного рыцаря из самой верхушки Ордена в

Париже. В письме упоминались какие-то карты и документы, отправленные прежде, вроде как их нужно было уничтожить – тамплиеры поняли, что уже запахло жареным, и готовились к бегству.

Эрнандо сверил имена, даты и понял, что его родственник, которому было адресовано это письмо, его не получил – умер на пару дней раньше. Тогда можно было предположить, что документы хранятся где-то в библиотеке, и он засучил рука-ва. Дело в том, что в отличие от моей Франции, на Пиренеях к тамплиерам отнеслись куда гуманнее, и большинство из них отделались конфискацией имущества. Если где и искать следы их пропавших сокровищ – то в Испании, или в Португалии, или на Майорке... И Эрнандо нашел бумаги тамплиера.

Вот только толку от них, как ему поначалу показалось, было немного. Карты есть: участки суши, какой-то остров... А координат – нет. Документы вообще зашифрованы, ничего не понятно. И все же дон Эрнандо не сдавался и в конце концов ему показалось, что кое-что он начал понимать. Догадка, правда, была странной: выходило, что тамплиеры плавали через океан задолго до Колумба! И именно сюда, куда-то в Вест-Индию, ушел их флот с сокровищами на борту. Сколько их и где они находятся, было неясно, но Эрнандо загорелся идеей отыскать город тамплиеров и подался в конкистадоры.

В те годы, лет через двадцать-тридцать после Колумба, эти головорезы валом валили из Испании за индейским золотом. Мало кому везло так, как Кортесу или Писарро, большая часть гибла нищими. Но дону Эрнандо Алькантра терять было нечего, и он вступил в один из отрядов. Дальше ему пришлось пройти пару нелегких лет среди сельвы и болот, под стрелами индейцев. Но копия карты города тамплиеров – подлинник он оставил в библиотеке, хорошенько припрятав от любопытных глаз – всегда была с ним. И вот однажды местность, изображенная на карте, совпала с той, в которой оказался их отряд.

Тогда Эрнандо все рассказал их предводителю. Конкистадорам не везло в той вылазке, и они решили попытать счастья, найти город. Только вот «город» оказался крошечным брошенным поселением. Но – с указанием, куда идти потерявшимся тамплиерам, где искать своих. Совместив эту информацию с копией карты непонятного острова, которую он тоже прихватил, Эрнандо получил точное местонахождение острова Демона и сокровищ тамплиеров! К тому же, они получили этот проклятый Ключ...

Остров лежал далеко к северу, это все, что я тогда смог узнать. Испанцы раздобыли корабль и отправились туда. Но вот незадача: остров действительно охранял Демон! И крестное знамение на него не действовало. Правда, с помощью Ключа, про который я тогда ничего не понял, конкистадоры смогли обойти его ловушки и добрались до золота. Но Демон все равно напал на них... Многие погибли, остальные, прихватив что смогли, бежали к кораблю. Испанец говорил что-то о жутких подземельях, заполняемых морской водой, о скрежете зубов во тьме. Времени было слишком мало, чтобы слушать эти рассказы.

– Ну, и дальше что? – спросил Ван Дер Вельде, видя, что мрачный буканьер потянулся к бутылке. – Кстати, что стало с тем золотом, которое они везли в шлюпке? Я такого не помню.

– Появились мои товарищи, и я предпочел прикончить испанца, – Дюпон выпил и пожал плечами. – А кто поступил бы иначе на моем месте? Только святой. Я один знал, где лежит золото прямо сейчас, и я один знал о существовании сокровищ и вовсе несметных, никем не охраняемых, кроме Демона, которым можно управлять с помощью заклинания! А этот Демон, между тем, сумел забросить испанцев больше чем на столетие вперед во времени – да он сам ценнее любых сокровищ! Кстати, капитан, все, что я говорю, должно остаться между нами.

– Понял, не дурак, – сказал Ван Дер Вельде, сверкнув глазами из-под густых бровей. – Значит, золото ты увел у меня из-под носа, все забрал себе?

– Прости... Я вернулся туда позже на каноэ, с двумя приятелями. Мы достали золото, оно никуда не делось. Его и правда было немного – а может быть, испанец мне соврал и на галеоне было больше... Добраться до обломков судна мы не смогли, слишком глубоко. Мы вернулись на Тортугу, и там кто-то проболтался. К нам пришли люди губернатора и, конечно, пришлось делиться с этим чертовым Ле Вассером! Если бы я только знал тогда, что попало в его долю... Но сначала все шло хорошо: у меня были деньги и у меня был след. Я отправился в Испанию, искать карту. И я был уверен, что получу ее легко! Потому что от Эрнандо мне досталось еще кое-что... Так, талисман, – Дюпон понял, что сболтнул лишнее, но все же как можно естественнее распахнул ворот и показал Ван Дер Вельде лягушку. Говорить о ее настоящих свойствах он не собирался, пришлось насекло соврать: – Он нашел ее там, в брошенном поселке тамплиеров. Я верил, что это она ему помогала – ведь как только он снял ее с шеи, я его и пристрелил... С тех пор постоянно ношу на шее. Ну, не смейся! Я наверное, слишком суеверен! Только в наших краях без этого никак, верно?

Отыскать семью, из которой вышел дон Эрнандо Алькантра, оказалось нетрудно. Его родственники жили все в том же доме, в маленьком городке в Андалузии! Можно было надеяться, что и карта до сих пор в библиотеке. Но я приехал туда как раз в то самое время, когда нынешний дон Алькантра женился, попал прямо на свадьбу. Я даже видел, как молодые выходили из церкви. Только вот «молодой» муж едва передвигал ноги и мелко тряс седой бородой. Зато невеста! Какие глаза, какие волосы! Я пошел в ближайший кабачок, купил вина горожанам и мне все рассказали. У некоей мадмуазель Анны, француженки, совсем рядом с домом дона Алькантра

сломалась карета. Ну и, знаешь, как это бывает? Дождь, ветер, она попросила приюта... И спустя два месяца они поженились. Родственники дона рвали на себе волосы – с тех пор, как бедный Эрнандо уплыл искать счастья в Вест-Индию, семья успела снова разбогатеть. И эти деньги готовы были уплыть к заезжей красавице. А теперь угадай, как на самом деле зовут мадмуазель Анну.

– Моник? – Ван Дер Вельде расхохотался. – Вот стерва! Зачем же ее понесло в наши моря? Пусть бы пиратствовала в Европе!

– А вот ты снова догадайся, раз такой умный... – Дюпон выпил и ударил кулаком по столу. – Как я ее ненавижу! А тогда я понял, что это мой кратчайший путь в дом и библиотеку. Я, как гончая, понесся по следу и спустя месяц мог представить доказательства, что эта «Анна» под другими именами уже выходила замуж за стариков в Португалии и Каталонии. Только старички были не так богаты. Хотя один раз ее все же разоблачили, но чертовка удивительно ловко скрылась. Дальше мне нужно было лишь поговорить с ней. Это не сразу, но удалось, и пташка оказалась в моих руках.

Я сказал ей прямо:

– Если только попробуешь сбежать, я даже ловить тебя не стану – просто всажу пулю в спину. Рука у меня набита, и ружье что надо, а уж следить за тобой я буду в оба глаза. И когда расскажу альгасилам все, что знаю о тебе, мне еще и премию выпишут.

– Хорошо, мсье Клод, хорошо! Я сделаю все, что вы прикажете!

Моник показалась мне просто перепуганной дурочкой – хлопала глазами, вся тряслась, умоляла не выдавать ее... Мне пришлось даже немного ее успокаивать, чтобы никто не заметил ее состояния. Я объяснил девушке, что задача совсем несложная: взять кое-какие документы из библиотеки, а потом

забыть обо мне навсегда и заниматься, чем ей вздумается. Мы вроде бы обо всем договорились, и я стал ждать.

Спустя неделю в условленном месте я нашел ее записку. Моник сообщала мне, что нашла в библиотеке все, что нужно, вот только повременит отдавать бумаги мне, потому что ей вдруг самой стало интересно. И если я хочу рас прощаться с документами навсегда, то могу ее выдать. Вот такого я не ожидал! Но эта авантюристка пошла ва-банк и выиграла – я не хотел губить все мероприятие, только чтобы наказать одну мерзавку.

Мы снова встретились – она имела уже такое влияние на мужа, что могла выезжать куда захочет одна. Я сел прямо к ней в карету и мы задернули шторки. Теперь мне пришлось играть простачка. Кое-что я ей рассказал – просто о некоем кладе, который то ли есть, то ли нет. Боюсь, она мне не поверила, и поняла, что речь идет о действительно больших деньгах. Вот только о Демоне она не узнала ничего. Мы снова вроде бы обо всем договорились, Моник назвала мне настоящее имя – если снова не врет! – и вообще подружились. Она призналась, что родственники ведут свое расследование, со дня на день могут нагрянуть альгасилы и попросила о помощи. Я, конечно, согласился, и мы договорились встретиться на следующий вечер, у калитки. Я подготовил лошадей и экипаж, но довезти ее собирался лишь до ближайшего поворота – мне нужны были только бумаги тамплиеров.

А вот теперь самое интересное! – Дюпон подмигнул внимательно слушавшему Ван Дер Вельде. – Самое интересное: когда я, в ту встречу в карете, был с ней особенно любезен... Все же Моник красивая женщина, да и мне казалось, что так наши отношения станут надежнее. Я говорю об этом только потому, что Моник сняла с шеи цепочку, на которой висела фигурка дельфина. Она была весьма похожа по работе на ту лягушку, что подарил мне покойный Эрнандо. Я заинтересо-

вался дельфином и Моник сказала мне, что это ее талисман, кем-то подаренный в детстве. Большого значения я этому не придал, но запомнил.

Ну, а потом мы встретились. Моник вместе с кое-какими прихваченными драгоценностями прыгнула ко мне в карету, и мы поехали прочь от дома Алькантра. Я потребовал документы, но Моник сказала, что сожгла их. И показала мне обугленные клочки, на которых нельзя было разобрать ничего! Я чуть не придушил ее, но Моник поклялась, что запомнила все – и документы, и карту. Конечно, я искал, я обыскал ее всю, но карты при ней не было! Она сказала, что теперь мне придется взять ее с собой.

– Что за глупость?! – воскликнул Ван Дер Вельде. – Почему ты не вытряс из нее все?!

– Я пытался... Она при мне поклялась, что если я нанесу ей серьезный ущерб – ну, лишу глаза или пальца, то ни за что не скажет мне правды, а нарисует неверную карту. Мы долго препирались. Ты знаешь, я вырос на Тортуге, и связываться со мной рискованно. Моник пришлось несладко, но что такое синяки по сравнению с сокровищами тамплиеров?! Чертовка разобралась в бумагах лучше дона Эрнандо, она выучила немало языков, колеся по Европе, и сказала, что шифр там очень простой. Только надо знать один язык... Но я не знаю, какой! Она ведь даже не француженка.

– Огонь и умелые руки вынут правду из кого угодно! – убежденно сказал капитан. – Она просто провела тебя! Заставить ее рычать от боли, молить о смерти – и она нарисует тысячу карт.

– Отлично! – фыркнул обиженный француз. – И как мы узнаем, которая из них подлинная? Проверить-то можно только на месте! Туда мы и двинулись. Моник знала почти все: расположение острова, место входа в подземелье, даже как выглядит Ключ и как им надо пользоваться. Она утверждала, что без

Ключа добраться до сокровищ будет очень трудно. Я попросил ее хотя бы объяснить мне, как этот Ключ выглядит! И она нарисовала... Очень странное то ли блюдо, то ли маску. Небольшое такое, вроде бы индейское, но изнутри в нем нечто вроде механизма. Собственно золота в нем немного, и когда проклятый Ле Вассер потребовал свою десятину, я легко отдал ему Ключ!

– Идиот! – вскипел Ван Дер Вельде. – Почему ты молчал?! Я держал его в руках в этой каюте!

– Он у нее, – кивнул Дюпон. – Я сразу понял это, когда узнал, что Моник обчистила губернатора с помощью твоей дочки. Хитрая бестия... И рисковая. Черт, да у меня не было ни одной спокойной ночи за то время, что мы были вместе! Ведь она думала, что знает об острове Демона все, и я был ей не нужен. А убивать она умеет, в этом я убедился еще в Испании... Но и я в свою очередь поклялся, что если она сбежит, то я ее прикончу, чего бы мне это не стоило. Мы добрались через Францию до Англии, там сели на корабль в Вест-Индию. Дальше ты все знаешь, капитан.

– Я одного не понял: а как ты собираешься найти ее и этого будущего покойника Гомеша, чтобы его разорвали все дьяволы моря! Как?!

– Дельфин! – буканьер вытащил из кармана цепочку, на которой висела фигурка, и передал ее капитану. Ван Дер Вельде с интересом рассмотрел талисман Моник. – Покидая «Пантрэ», я успел его прихватить. Для Моник Гомеш выделил отдельную каюту, но она сразу взялась за дело, а там кровать маловата для двоих. Он унес ее к себе на руках, а я заглянул в открытую дверь... И увидел на постели ее талисман. Она всегда его снимает... в такие минуты. Мне повезло – это непростая вещица, а она ее так и не разгадала!

– Чепуха какая-то! Безделушка, ничего не стоит.

– Стоит, и немало, – Дюпон испытующе смотрел Ван Дер Вельде в глаза, но они пока никак не реагировали на прикос-

новение капитана к дельфину. – Он и как оберег работает. Моник была чрезвычайно удачлива, но не всегда. Однако стоило дельфину оказаться с ней в море... Я не сразу это понял, но теперь знаю твердо! Дельфин – морская тварь, и только когда вокруг соленая вода, его свойства просыпаются полностью. Тот, кто владеет дельфином и прикасается к нему, летит к своей цели, и все преграды расступаются перед ним. Мы шли до Вест-Индии от самой Шотландии с попутным ветром! А если бы Моник понимала, чем владеет, и не снимала его... Все обернулось бы еще хуже для нас. К сожалению, предмет не слушается меня! Да и тебя тоже, капитан. Не все люди ему подходят.

Клод Дюпон отчаянно лгал, глядя капитану прямо в помявшее цвет глаза. Волшебный предмет покорно признал в Van Der Vельде законного владельца. А вот самому Клоду дельфин, и правда, не подчинялся, в отличие от лягушки. Дюпон не мог понять, с чем это связано – то ли он сам не нравился дельфину, то ли дело было в чем-то еще. Когда однажды, отобрав у Моник ее загадочный талисман, он просто дал подержать его на «Устрице» Мерфи, предмет сразу подчинился новому хозяину. Подчинился он теперь и Van Der Vельде, но если сказать пирату об этом, то как потом забрать фигурку назад? У француза имелся другой план.

– Жаль, что дельфин не слушается тебя. Тогда мы быстро добрались бы до Гомеша! Ведь все, что нужно – искреннее желание! Позволь, я тебе кое-что покажу, – Дюпон протянул руку и Van Der Vельде, после некоторого колебания, отдал волшебную фигурку. – У нас тут Мерфи с утра похмельем мается – сперва бой, и потом ты ему не разрешил...

– До окончания починки на этом корабле пью только я! – подтвердил Van Der Vельде. – И ты... Но ты не член команды и вообще непонятно, что здесь делаешь.

– Ну, теперь-то мы в одной команде. Верно, капитан?

Буканьер опять подмигнул бородачу и, прихватив недопитую бутылку рома со стола, спрятал ее под свой стул. Потом он выглянулся за дверь и крикнул Мерфи.

– Простенький фокус, только чтобы ты поверил, – сказал Дюпон, возвращаясь на место. Когда мрачный Мерфи вошел, француз бросил ему дельфина. – Держи! А я вот тут, дружище, уговорил капитана разрешить тебе выпить. Да только он забыл, куда поставил ром.

– А что тут думать? – Мерфи покосился на Ван Дер Вельде, тот кивнул. – Ну, наверное, он... – моряк шел прямо к Дюпону.

– Где-то вот здесь. Встань, пожалуйста, я чую: он тут.

– Нет, не встану. Тут его нет. Вообще, отчего ты решил, что...

Дюпон не успел договорить, потому что старик вдруг ухватил дюжего буканьера за плечо и потянул в сторону. Француз ухватился было за стол, но так неловко, что потерял равновесие и сам свалился со стула. В следующее мгновение Мерфи уже глотал ром из горлышка.

– Чем искреннее желание, тем лучше действует дельфин! – потирая плечо, Дюпон без всяких проблем забрал фигурку из руки Мерфи. – А если бы у нас на борту не было ни капли, то старый хрыч почувствовал бы ее на расстоянии, и ветер погнал бы нас прямо туда, к ближайшей выпивке! Я по дороге из Европы немало поиграл с этой фигуркой. Колдовство работает! Теперь ты мне веришь?

– Ровно настолько, насколько ты этого заслуживаешь! – пробасил Ван Дер Вельде. – Искреннее желание, полные паруса ветра, меня не слушается... Сказка какая-то! Мерфи, забери ром и убирайся отсюда! Ну, и у кого же есть сильное желание найти Гомеша?

– У Джона Мак-Гинниса, мальчишки, одного из приятелей твоей дочурки. Только не Гомеша, а Моник больше всего в жизни хочет увидеть этот дурачок. Дельфин послушается его, и Джон укажет нам курс.

– «Пантера» быстра... – усомнился капитан.

– Да, но у нас всегда будет попутный ветер, а у нее вряд ли. Кроме того, мы не так уж и спешим: Гомеш идет к острову Демона, его ведет Моник. А мы ведь тоже хотим туда заглянуть? Путь неблизкий, мы успеем их нагнать. А раньше и ни к чему – пусть Моник сама нас туда приведет.

– Что ж, давай попробуем, – согласился Ван Дер Вельде. – И если там действительно есть золото, охраняемое каким-то дьяволом... Оно должно стать моим! Проклятье, мне нравится эта затея! Только бы помог дельфин.

– Отлично! Тогда зовем Джона? Ему придется кое-что объяснить – про фигурку. И вот еще, дорогой капитан... – Дюпон подмигнул Ван Дер Вельде зеленым глазом. – Ты ведь не думаешь, что я сдал все козыри тебе в руки? У острова есть еще кое-какие секреты, о которых знаю только я.

– Считай, что охотничье соглашение заключено! – кивнул голландец. – Но помни: у капитана две доли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прозрачный человек

Пока Дюпон отсутствовал, я весь извелся. Правда, открытая мне, все перевернула, но одновременно чудесным образом и объяснила странности поведения Моник. По крайней мере, мне так казалось. Помогая Роберту и другим матросам с починкой бизань-мачты, я то и дело поглядывал в сторону капитанской каюты, и как только француз вышел оттуда, немедленно кинулся к нему. Но еще раньше рядом с Дюпоном оказалась Кристин.

– Что сказал папа, Клод?

– Что испанцам в этот раз повезло! – усмехнулся Дюпон. – Видите ли, мадмуазель, негодяй Гомеш отправился за куда более цennыми трофеями, чем эти три корабля.

– И что это за трофеи? – недоверчиво нахмурилась Кристин.

– Какая-нибудь сказка о таинственных кладах, которую ему напела твоя разлюбезная Моник?

– Узнаешь в свое время! – французу надоело быть вежливым и он слегка оттолкнул девушку. – Иди займись чем-нибудь. Разработай план высадки десанта в Лондоне, королеву давно пора ограбить. Странно, что до этого еще никто не додумался... Джон, мальчик мой! Нам надо поговорить.

Мы отошли от расстроенной, но почему-то промолчавшей Кристин. Однако, прежде чем что-нибудь мне сказать, Дюпон отвел меня в каюту, где жил Янычар, боцман и одновременно помощник капитана. Здесь же квартировал теперь старина Мерфи.

– Ты теперь будешь жить тут! – сказал Дюпон и закрыл дверь изнутри. – Если, конечно, согласишься помочь мне отыскать

Моник. С капитаном Ван Дер Вельде я договорился, правда, пришлось приврать... Вот ты удивлялся моей лжи, считал ее недостойной. Но как без нее? Мы среди пиратов, а они не совершают добрых дел, они заняты своим обогащением. Поэтому, кто бы ни спросил, говори одно: мы плывем за сокровищами. И все, за остальными ответами пусть идут к капитану!

– Что за сокровища? – не понял я.

– Ну, вообще-то, у меня есть подозрение, что Моник именно так сказала Гомешу и даже, может быть, подсунула какую-нибудь фальшивую карту. Она много фантазирует, а потом сама же верит своим фантазиям. Она ведь, наверное, говорила тебе, что много путешествовала? Увы, это неправда. Но так протекает ее заболевание... Так что Кристин, по случайности, оказалась права. Для Ван Дер Вельде я сочинил немного другую историю, но пока не думай об этом. Скажи мне, Джон, ты действительно очень хочешь снова увидеть Моник?

– Больше всего на свете! – воскликнул я. – Да как я могу жалеть чего-либо иного, если леди Моник больна?! Мы должны помочь ей!

– Да, конечно! – Дюпон вытащил из кармана знакомую мне фигурку дельфина и сразу повесил ее мне на шею. – Не спрашивай, как она у меня оказалась. Расскажу как-нибудь потом. Пока знай одно: когда дельфин коснется твоей кожи, вспомни Моник, почувствуй, как сильно ты хочешь ее видеть.

– А потом? – я развязал шейный платок и прижал дельфина к груди. – Что потом?

Кожу несильно кольнуло, потом дельфин стал теплым.

– А потом попробуй сказать мне, что делать, – сказал француз, пристально глядя мне в глаза. – Как отыскать Моник?

Как объяснить, что со мной происходило? Минуты не прошло, как я уже точно знал, в каком направлении «Ла Навидад» следует идти, чтобы приблизиться к Моник. А еще я просто физически почувствовал, что она стремительно удаляется. И

это было больно, у меня закололо в сердце. Никогда я так не стремился оказаться рядом с ней! Мое желание будто бы тысячуекратно усилилось в один миг. Если бы на моем пути стояли сотни вооруженных воинов, я кинулся бы в бой. Если бы я был на берегу, я связал бы два бревна и бросился в океан. И знал, что победил бы! Но, к счастью, теперь в моем распоряжении был целый корабль.

– На починку, хоть небольшую, нужно еще несколько часов... – выговорил я, когда обеспокоенный Дюпон потряс меня за плечи. – Раньше нам не пойти достаточно быстро. Он увозит ее, мсье Клод! Негодяй увозит ее!

– Курс! – потребовал Дюпон и я увидел, каким бешеным, жадным огнем горят его разноцветные глаза. – Дай мне курс!

– Они идут на восток, к Наветренному проливу! – не зря я успел ознакомиться с некоторыми картами Ван Дер Вельде. – Нам нужно туда, как можно скорее! Мачту можно чинить и на ходу!

– Черт с ней, с мачтой!

Дюпон в мгновение ока вытащил меня на палубу и поволок к компасу. Стоявший рядом со штурвалом Ван Дер Вельде вопросительно посмотрел на него.

– К Наветренному проливу! – крикнул француз, бросил взгляд на компас и послюнявил палец. – Ветер меняется, капитан! Ветер меняется, он уже почти попутный!

– Ну, и ни к чему, чтобы он лупил нам прямо в корму, – хмыкнул бородач. – Значит, Джон, ты теперь знаешь, куда нам идти?

– Да, и я умоляю вас, капитан, командуйте скорее! Вы обязаны их догнать!

– Я? Обязан? – в голове Ван Дер Вельде эти два слова явно никак не связывались. – Я, мальчик, не обязан, а хочу их догнать. И догоню, тысяча чертей! – он закрутил штурвал. – Вот только какого рожна их понесло назад к Эспаньоле?..

– Пролив! – напомнил Дюпон. – Они пойдут на север, я уверен!

Корабль лег на нужный, безумно нужный мне курс. Но Моник продолжала удаляться, и я чувствовал эту странную душевную муку. Не в силах стоять на месте, я неуверенно двинулся вперед и вскоре оказался возле бушприта.

– В море только не прыгай! – посоветовала мне Кристин и кисло усмехнулась. – Корабль не обгонишь.

– Они уходят от нас все дальше... – беспомощно пролепетал я. – Все дальше.

– Наверное. Однако ветер крепчает! – Кристин по-матросски лихо сплюнула далеко за борт и проследила за судьбой плевка на поверхности воды. – Мы неплохо разгоняемся, Джон. Так значит, с помощью какой-то штучки ты обзавелся разноцветными глазами и теперь видишь ими, где сейчас ваша распределяющая Моник?

– Да! То есть нет... – я едва вспомнил, о чем меня предупреждал Дюпон. – Теперь я знаю, где находится клад, за которым спешит Гомеш, и могу отвести туда «Ла Навидад» без карты!

– Тебе и компас не нужен, как я погляжу! Интересно лишь, отчего Клод сам этим не занялся?

– Оттого, что это невозможно. И давай поговорим об этом в другой раз! – Дюпон встал рядом с нами. – Все же «Пантера» очень быстроходна, и гнаться за ней придется долго. И починка продолжается... Капитан вечером будет говорить с командой о новом «охотничье соглашении». Но тебе, Джон, там присутствовать не обязательно. Я сам позабочусь, чтобы ты получил свою долю. Иди-ка в каюту и приляг – у тебя не слишком здоровый вид.

– Новое «охотничье соглашение»? – Кристин даже присвистнула. – Похоже, папаша не знает, куда плывет, и хочет заранее подстражоваться!

Дюпон увел меня с носа корабля и вернул в каюту. Это было трудно, но я и сам понимал, что торчать у бушприта все плава-

ние – невозможно. Да и легче мне там не становилось. Моник по-прежнему удалялась.

Зато ее брат был чрезвычайно доволен.

– Ветер крепчает, Джон! И я уверен, что не ослабнет до тех пор, пока мы не достигнем цели! Прости, я должен тебя оставить. Если не возражаешь, пришлю Роберта – пусть он присмотрит за тобой.

Когда за французом закрылась дверь, я подошел к зеркалу. Вид у меня и правда был, как у больного лихорадкой. Глаза ввалились, сам я будто высох, от напряжения в шее чуть тряслась голова. Я чувствовал, что как только сниму с шеи дельфина, мне станет легче. Но тогда я потерял бы эту могучую связь с Моник, перестал бы ее чувствовать... Опустившись на койку Янычара, я попытался сосредоточиться, но не смог – все мои мысли были очень далеко. Пришел Роберт, попробовал разузнать что-нибудь, но я лишь попросил его не надоедать и лег, уставившись в потолок. Так время тянулось до вечера, и я постоянно чувствовал, как все дальше и дальше от меня уходит Моник. Ниточка, тянувшаяся к ней из моего сердца, становилась все тоньше, все болезненнее, но оборваться не могла. Потом пришли Янычар и Мерфи, забрали свои вещи, что-то ворча про «оборзевших мартышек» – капитан Ван Дер Вельде приказал оставить за мной и Робертом всю каюту.

Ночью я не спал, а лишь время от времени впадал в нездоровую, полную смутных кошмаров дремоту. В один из таких приступов, делавших меня только слабее, я увидел Прозрачного.

– Дельфин у тебя – это хорошо! – сказал он. – Это самое главное. Теперь мы сможем обо всем поговорить.

– Я не хочу разговаривать! Я хочу увидеть Моник, даже если это будет стоить мне жизни, вот и все. Уходи.

– Тебе так плохо оттого, что цель удаляется, – Прозрачный присел рядом и я перестал понимать, сплю или бодрствую. Веселое похрапывание Роба с соседней койки я тоже прекрасно

слышал. – Дельфин ведет тебя к цели, и если бы этой целью был, скажем, далекий остров, то с каждой миляй ты становился бы сильнее. Но ты следуешь за женщиной, которая убегает... Что ж, пусть так. Главное, помни: когда ваш корабль начнет гонять их, тебе полегчает. А до тех пор держись.

– Когда, когда я ее увижу? Сколько мне ждать, пока хотя бы парус не покажется?! – почти закричал я.

– Вы встретитесь нескоро и очень далеко отсюда, – уверенно сказал Прозрачный. – Потому что твоя истинная цель не женщина, а остров, покрытый дубовым лесом. Там, где Демон сторожит Башню Сатаны, ты поймешь свое предназначение...

– Уходи! – взмолился я. – Уходи, я не хочу слушать о демонах и Сатане, я и так вот-вот сойду с ума!

Вместо ответа он вдруг быстро протянул свою призрачную руку и ухватил холодными пальцами цепочку на моей шее. Миг – и фигурка дельфина закачалась над моей грудью, не касаясь кожи. Я хотел схватить ее, но вдруг почувствовал, как чудовищная тяжесть отпустила меня. Сразу захотелось спать.

– Нет, не спи! – приказал Прозрачный. – Часто так делать нельзя – ветер ослабнет, и Моник уплывет еще дальше. Но иногда можешь понемногу отдохнуть. Попроси Роберта, чтобы он следил за тобой. Он твой друг, он поможет. Но не спи! Послушай меня еще немного. Дельфин направляет все стихии на пользу тебе, чтобы...

– Кто ты? – это я должен был выяснить с самого начала. – Кто ты такой? Человек, демон, морской черт? Что случится, если я тебя перекрещу?

– Ничего не случится, можешь попробовать, – Прозрачный не испугался, и мне стало спокойней. – А кто я... Ну, пусть я буду человек. Может быть, все люди когда-нибудь станут такими, как я. А может быть, они были такими когда-то давно, до начала времен. И есть ли разница? Тебе важно знать одно: есть

сила, которая стремится помочь твоей родине – я имею в виду всю Британию, Джон.

– У нас Кромвель, война... – припомнил я. Происходящее за океаном стало таким далеким. – Что-то вы нам плохо помогаете.

– Может быть, если есть те, кто помогает, то есть и те, кто мешает? – предположил Прозрачный и усмехнулся. – Да и откуда тебе знать, кто мешает, а кто помогает Британии? Может быть, Кромвель – спасение? Путь к тому, чтобы Британия стала абсолютной владычицей морей, открыла новые страны, целые континенты раньше, чем это сделали бы другие? Наша помощь неоценима. Помощь, которая приходит через волшебные предметы. Главное, чтобы они попали в нужные руки. Дельфин когда-то принадлежал португальцам. Именно с ним Васко да Гама совершил знаменитое плавание вокруг Африки и стал первым моряком мира. Но Португалия оказалась неверным выбором. Тогда мы постарались, чтобы дельфин и некоторые другие предметы оказались в Испании. Эта страна тогда никому не казалась заслуживающей внимания. Но мы выбрали ее для важной миссии, и все изменилось. В считанные десятилетия Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская объединили независимые прежде области, завоевали последние оплоты мавров за Гибралтаром, помогли снарядить экспедицию Колумбу, которому отказали другие монархи. И Колумб поплыл, имея с собой вот эту фигурку, Джон... – Прозрачный покачал дельфином. – Все это похоже на сказку? Но что заставило Магеллана, не взирая ни на какие трудности, идти и идти вперед?

– Магеллан погиб! – я все-таки шотландец и умею поспорить.

– И погибли многие другие. Не похоже, чтобы дельфин сильно ему помогал...

– Потому что есть и другие силы! – Прозрачный снова покачал дельфином. – Магеллан потерял его, и прошло время, пре-

жде чем предмет нашелся. Ему мешали враги. Но вокруг тебя их сейчас нет. И «Ла Навидад» будет мчаться к цели день и ночь, и команда не станет бунтовать, и ни один враг не встанет на пути. Плыви смело, Джон, но не забывай иногда отдыхать.

Фигурка упала мне на грудь, и я почувствовал знакомое покалывание.

– Но зачем мне идти к Башне Сатаны?! – успел спросить я, когда Прозрачный уже почти истаял.

– Мы еще поговорим об этом.

И все вернулось. За время нашего разговора «Пантера» опередила «Ла Навидад» еще на милю, и я даже застонал от ноющей боли в сердце. Я не знал, в самом ли деле говорил с Прозрачным, но одно уяснил: я обязательно должен понемногу отдыхать, иначе просто не выдержу.

Утром я снял фигурку и попросил Роберта разбудить меня через четверть часа. Когда срок давно прошел, а ветер стих и начал менять направление, обеспокоенный Дюпон прибежал к нам в каюту и застал Роба за безуспешными попытками заставить меня открыть глаза – так я вымотался за ночь. Француз отшвырнул от меня беднягу, отыскал дельфина под подушкой и вложил мне в руку. Спустя секунду я проснулся, и «Ла Навидад» снова набрал полные паруса попутного ветра.

Дни шли за днями. Я никого не хотел видеть и не выходил из каюты. Время от времени, чтобы поесть или поспать, я ненадолго снимал дельфина, а потом Роберт вешал его мне на шею обратно. Мы прошли Наветренный пролив, отделявший Эспаньолу от Кубы, и устремились на север вслед за «Пантерой». Ближе к Багамским островам мне понемногу начало становиться легче – наша бизань наконец была полностью восстановлена и «Ла Навидад» шла под всеми парусами. Теперь Моник понемногу начала приближаться. И, как и обещал Прозрачный, мне становилось легче с каждой милей!

Вскоре я начал выходить на палубу. Кристин, увидев меня первый раз, даже испугалась.

– На кого ты стал похож, юный Тристан или как прикажешь тебя называть?! Бледный, худой!

– Надеюсь, скоро приду в обычное состояние! – я улыбнулся ей и почувствовал, как сильно натянулась кожа на щеках. – Мы начинаем догонять их.

– Пора бы! – фыркнула Кристин. – Мне эта гонка порядком надоела. Ветер такой, что можно к парусам вообще не притрагиваться. А вся команда будто с ума посходила: только и говорят о несметных сокровищах Морского Дьявола, о которых мой папаша сочинил для них целую поэму! И мсье Клод, конечно, не отстает. Это странно – обычно моряки побаиваются таких легенд.

– Но теперь-то, я думаю, все готовы идти до конца? – спросил я, довольно поглаживая дельфина сквозь одежду.

– Да… – Кристин с подозрением прищурилась. – Что вы с Дюпоном затеяли, а, мистер Джон Мак-Гиннис? Во что втянули моего отца?

– Мы плывем за сокровищами! Обычное пиратское занятие, разве нет?

– И все равно мне это не нравится. Вы все лжете, но, похоже, на «Ла Навидад» это понимаю только я. Что ж… Тогда скорее бы мы достигли цели – где-то к западу, совсем уже рядом, Новый Амстердам.

– Новый Амстердам? – я все еще не слишком разбирался в географии Нового Света. – Но где это?

– Я же сказала: к западу! – фыркнула Кристин. – Голландская колония на побережье, говорят – настоящий город, как в Европе. Я предложила отцу устроить там небольшой переполох, но он, конечно, и слушать не хочет! Даже стыдить меня взялся: мы, мол, тоже голландцы. А когда грабил голландские суда, представь, патриотом не был! Но я это все говорю только к тому,

что мы забрались уже так далеко на север, что скоро, наверное, айсберги увидим.

– А Новая Шотландия? – вспомнил я слова деда Джона. – Это тоже где-то здесь?

– Где-то здесь! – передразнила меня Кристин. – Только еще севернее. Надеюсь, ты туда не собираешься – дикие края, там индейцев больше, чем белых. А белые, наверное, все бандиты не хуже буканьеров нашего милого Дюпона. И все такие же нищие.

Я понял, что именно последний пункт отваживал Кристин от посещения Новой Шотландии. И все же мы приближались к ней с каждым днем – несколько быстрее, чем приближались к Моник. Я чувствовал: «Пантера» совсем рядом, и лишь быстротаходность корабля не позволяет нам ее нагнать. И все же каждый день, с утра до вечера я ждал крика марсового.

– Может быть, все дело в свойствах дельфина, – сказал мне как-то раз рассудительный Дюпон. – Видишь ли, Джон, дельфин притягивает попутный ветер. Пока мы были далеко, «Пантеры» это не касалось. Но теперь, боюсь, он дует и в ее паруса. Ничего страшного – у них ведь есть цель, и когда они прикалят, мы быстро их настигнем.

– Но какая цель? – забеспокоился я. – Вы говорили, что Моник могла нарисовать для Гомеша какие-нибудь фальшивые карты? Что будет с ней, когда этот мерзавец раскроет обман?

– Думаю, он ничего не успеет сделать – ведь если я прав, мы совсем рядом! – обнадежил меня француз. – Ну, а куда она его ведет... Что-то мне подсказывает, что мы об этом скоро узнаем. Потерпи еще немного.

Спустя еще пару дней я уже не сомневался: Дюпон прав. Расстояние до Моник не увеличивалось и не сокращалось. Выходило, что прав и Прозрачный, явившийся мне то ли во сне, то ли в бреду. Встреча состоится на острове, поросшем дубами. Вскоре мне пришлось чаще давать указания Ван Дер Вельде: Гомеш сменил курс и приблизился к побережью.

— Канада! — ворчал капитан. — На моих картах нет этой чертовой Канады!

— А мне говорили — тут Новая Шотландия, — осмелился заметить я.

— Какая разница?! — вскипел Ван Дер Вельде. — Как эту холодную задницу не назови, все равно она останется холодной задницей! Дюпон, если он пойдет вверх по реке, дело плохо. Уже осень, значит — гарантирована зимовка. Отправлю тебя в снежный лес, лосей бить!

— Думаю, ты не прав! — уверенно сказал Дюпон. — Гомеш и его парни боятся зимовки еще больше, чем мы. Говорю тебе: мы у цели!

И француз снова угадал. Мы прошли мимо нескольких островов, и, наконец, как-то утром увидели мачты. Спустя час мы уже осторожно входили в бухту, где стала на якорь «Пантера». Ван Дер Вельде, к моему ужасу, приказал открыть пушечные порты и изготовиться к бою, но на грот-мачту корабля Гомеша взвился белый флаг. Мы подошли еще ближе и спустили шлюпки.

— Где она? — подошел ко мне Дюпон, держа в руках любимое ружье. — Ты чувствуешь? Она рядом?

— Она недалеко, — признался я. — Но не на корабле. Моник в том направлении, где-то в лесу.

— Капитан? — Дюпон крутнулся на каблуках. — Надо отправить экспедицию, немедленно!

— Я сам знаю, чего мне надо! — одернул его Ван Дер Вельде.

— Идем к «Пантере», и если Гомеш там — я его вздерну! А если нет, будем искать в лесу. Главное, захватить корабль, тогда ни Гомеш, ни твоя Моник никуда не денутся с этого чертова острова.

Мы высадились неподалеку от «Пантеры», но так, чтобы их пушки не могли нас достать. Канонирам на «Ла Навидад» капитан отдал строгий приказ: если команда попробует хотя бы

только выбрать якоря, разнести корабль Гомеша на куски. Но я не сомневался, что Гомеша на судне нет – если Моник ушла в этот дикий, мрачный северный лес, то и он тоже. Дельфин звал меня немедленно отправиться на их поиски, и я умоляюще посмотрел на Дюиона.

– Отдай мне фигурку, Джон! – француз протянул руку. – Ведь она тебе больше не нужна.

– Подождите, мсье Клод! – я отпрянул. – А вдруг на этом острове есть пещеры или он больше, чем кажется? С дельфином я всегда смогу найти Моник, и лучше бы сделать это сразу, пока с ней что-нибудь не случилось!

– Ты прав, тысяча чертей! – Дюпон оглянулся на Ван Дер Вельде, не спеша шагающего к «Пантере» во главе вооруженного до зубов десанта. – Но у меня договор с капитаном, а старик не любит, когда договор нарушается. Придется немного потерпеть.

Я, скрипнув зубами от злости, полез за пазуху – оторвать дельфина от кожи, получить отдых. Но рядом оказалась Кристин, которой отец, вообще-то, приказал оставаться на борту.

– Послушный мальчик Джон! – с издевкой сказала она. – Дайка лучше мне этого «дельфина», если я верно рассыщала Клода. И я сама посмотрю, что такого интересного в дубовом лесу. А Роберт составит мне компанию.

– Твой отец жутко рассердится… – Роб, словно верный оруженосец, держал на каждом плече по мушкету.

– Ты тоже боишься? – Кристин бросила на меня короткий взгляд, поняла, что дельфина я не отдам, и пошла к лесу, на ходу вытаскивая из-за пояса пистолет. – Ладно, одна погуляю.

Нужно ли уточнять, что мы с Робом, переглянувшись, двинулись следом? Как раз в этот момент команда «Пантеры» в полном составе попрыгала прямо через борт и отправилась

сдаваться Ван Дер Вельде. Гомеш, конечно же, ушел вместе с Моник, прихватив с собой лишь несколько человек. Минута, и мы оказались под кронами могучих деревьев, встречу с которыми предрекал мне Прозрачный. Я вышел вперед – дельфин лучше всякого компаса указывал мне на Моник.

– Что за сокровища могут быть в такой дали? – беспечно болтала Кристин. – Нет пиратов настолько сумасшедших, чтобы тащить их сюда! Хороший тайник всегда где-то неподалеку, так удобнее. Но, раз уж мы здесь, надо придумать острову какое-нибудь название. Роберт, как бы ты его назвал?

– Ну... – Роб оглянулся и пожал придавленными мушкетами плечами. – Остров Оук.

– Ну и фантазия у вас, мистер Летбридж! – захихикала Кристин. – Впрочем, пусть будет Оук, раз уж вы так любите дубы. Тут, наверное, и правда, ничего кроме дубов нет.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Остров Демона

Моник и Гомеш не успели уйти от берега далеко – за четверть часа я уверенно вывел наш маленький отряд прямо на них. И едва заслышав звонкий и сердитый голос той, которую так желал увидеть, сообразил, что глаза у меня разного цвета. Увидев их, Моник решит, что это я украл ее талисман! Мне стало стыдно и я сорвал с шеи цепочку, чтобы тут же спрятать фигурку в карман. На миг у меня закружилась голова, я остановился, и почувствовал, как меня схватила за плечо Кристина.

– Тише! – прошептала она мне в ухо. – Не торопись, давай послушаем!

Роберт, сделав еще шаг, присел и осторожно отвел в сторону ветвь кустарника. Перед нами оказалась крошечная поляна, в центре которой находился колодец с очень невысокими каменными бортами. Прямо на толстой ветви могучего дуба был закреплен блок, который, надо полагать, пираты принесли с собой, а на блоке – тонкая цепь. Рядом с колодцем стояли Гомеш и двое его людей, все с пистолетами наготове, а напротив них Моник, мокрая с головы до ног, жалкая и едва не плачущая. Если бы дельфин все еще касался моей кожи, я кинул бы к ней, но теперь смог сдержаться.

– Какого дьявола?! – хрипло выкрикнул Гомеш. – Где мои парни?!

– Говорю тебе: там кто-то есть! Не опускайте цепь, тварь выскочит и убьет нас!

Гомеш задумался, но один из пиратов решительно шагнул к колодцу.

— Мы так дела не делаем, капитан! Я сам слышал, как Патрик кричал — он жив!

Гомеш кивнул и пират опустил цепь. Обежав колодец, Моник оказалась за спиной капитана, положила руки ему на плечи и что-то зашептала в ухо. Он лишь с досадой дернулся плечом.

— После всего, что случилось, не знаю, как мы скажем ребятам, что сокровищ не нашли! — продолжал ворчать тот пират, что заступился за товарищей. — Чертовщины и так уже хватает!

И тут он отшатнулся, после чего даже до нас донесся жуткий, усиленный шахтой колодца звук, похожий на частое клацанье зубами. Цепь мгновенно натянулась, словно на ней повис кто-то тяжелый.

— Патрик! — закричал пират, прицелившись в колодец. — Патрик, ответь, если ты жив!

В ответ ему из колодца вылетели какие-то лохмотья... Лишь когда они упали на траву, мы поняли, что это куски разорванного в клочья человека. Пират закричал и выстрелил вниз.

— Отвяжите цепь! — Гомеш попятился от страшного колодца.
— Быстрее!

Второй пират кинул цепь к дубу, вокруг которого они ее обмотали, но времени не хватило. То ли рука, то ли лапа, необычайно длинная, и от того показавшаяся мне тонкой, высунулась из колодца, и в тот же миг тот пират, что все еще стоял рядом, исчез. Я заметил лишь, как его ноги мелькнули над колодцем, настолько быстро все произошло. Снизу послышался его истощенный, нечеловеческий крик, затем наступила тишина. Пытавшийся освободить закрепленный конец цепи пират бросил свое занятие, упал на колени и принял молитву.

— Проклятье! — Гомеш вытащил Моник из-за спины и поставил перед собой. — Или ты объяснишь мне, что происходит, чертовка, или я сброшу тебя вниз!

Моник испуганно оглянулась и вскрикнула — из колодца снова полетели свежие, окровавленные человеческие останки.

– Я не знала! – она попыталась вырваться, но Гомеш держал крепко. – Я не знала об этой твари, Дюпон мне ничего не говорил! Мы спустились вниз и футах в двадцати нашли боковой ход, над самой водой! Он был закрыт, но Ключ открыл дверцу, как и было обещано. Кларк прополз в ход, но он понижался, и футов через двадцать оказался затоплен. Он успел вернуться и сказать нам об этом, но тут его сзади схватил этот дьявол, и мы полезли вверх...

– Лазаешь ты как кошка! – хмыкнул дрожащий от страха и бешенства Гомеш. – Вот только Патрик старый моряк – как так вышло, что ты выбралась, а он не успел?!

– Он пропустил меня вперед, как даму... Пусти же, мне больно!

Гомеш расхохотался и обернулся к молящемуся пирату.

– Ты слышал, амиго? Патрик пропустил вперед даму! Да перестань молиться, уже ясно, что тварь или боится наших пуль, или боится солнечного света.

– Скорее света! – Кристин шагнула на поляну и мы с Робом последовали за ней. – Не делай глупостей, Гомеш, у тебя и так дела не в порядке. А тварь из колодца вряд ли боится твоего пистолета – уж слишком быстра...

Гомеш, прицелившись было в нее, опустил оружие. По глазам пирата было видно, что он лихорадочно соображает.

– Ага, значит, и Ван Дер Вельде здесь... Наверное, зол на меня, как толстый бородатый черт, да? Но каким образом, разорви меня акулы, вы нас нашли? Чертовка, ты меня обманула!

– Клянусь, нет! – взвизгнула Моник, когда пират едва не сломал ей руку. – Это Дюпон, Дюпон обманул нас всех!

Кристин спокойно подошла почти к самому колодцу, но как только ее тень упала за низкий бортик, снизу раздались все те же жуткие скрежещущие звуки. Отступив на шаг, Кристин покачала головой.

– Должно быть, там и правда немалые сокровища, если их так охраняют!

– Хватит на всех, если сможем достать, – в тон ей почти добродушно заметил Гомеш. – Ты бы попросила отца за меня, а? Я немного оступился, но теперь готов рисковать, чтобы искупить вину. Все из-за этой европейской стервы! И скажи: Дюпон с вами?

Я был потрясен. Мало того, что Гомеш отчаянно валил все на бедную душевнобольную женщину, так он на краю гибели еще и о наживе думает! И тут же я сообразил, что вся история, рассказанная мне Дюпоном, похожа на ложь. Если Моник больна и показывала Гомешу фальшивую карту, то каким образом мы все оказались здесь, перед этим сатанинским колодцем?

– Ты готов искупить вину? – хмыкнула Кристин. – Хорошо. Спустись вниз и пристрели гадину! Иначе лучше тебе самому повеситься на нашей мачте, предатель!

Гомеш вскинул пистолет, но Кристин подняла свой еще раньше. Рядом с ней тут же встал Роберт с мушкетом, еще один лежал передо мной на траве. Я потянулся было к нему, но почувствовал, как в затылок мне ткнулось холодное дуло.

– Этого я взял, капитан! Да и девчонка получит свое, если прикажешь! – пират, которого я упустил из виду, успел зайти сзади. Из второго пистолета он целился в спину Кристин.

Роберт заметался, наводя тяжелый мушкет то на Гомеша, то на его подручного.

– Положи оружие, козочка! – обратился к Кристин Гомеш, прикрывшись от ее пистолета бледной Моник. – Положи, и скажи своим друзьям, чтобы не сопротивлялись. А потом будем решать – кто полезет вниз, а кто поможет мне на переговорах с твоим отцом.

Все складывалось не лучшим для нас образом, но успел Гомеш договорить, как грянул выстрел. Холод у моего затылка исчез и, оглянувшись, я увидел падающего пирата. Меткий вы-

стрел пробил ему висок. Я завертел головой в поисках своего спасителя и не слишком удивился, увидев Дюпона. Француз, широко улыбаясь, держал в одной руке дымящееся ружье, в другой – пистолет со взвешенным курком.

– Ты везучий парень, Джон! Частенько в последний миг пальцы у умирающего дергаются, будто при конвульсии. Ну и поделом бы тебе досталось – я ведь приказал обождать!

– Я сдаюсь! – Гомеш отпустил Моник и бросил в траву оружие. – Ты неплохо провел нас всех, Клод.

– Конечно! И я... – шагнувший к колодцу Дюпон наступил на кусок человеческой плоти и поморщился. – Удивительно! Моник успела искупаться, но осталась жива! Как водичка, милая?

– Соленая, милый, – мрачно ответила Моник. – Ты пришел один?

– Конечно, нет! Просто я буканьер, и бегаю быстрее моряков, – француз ногой отшвырнул пистолет Гомеша подальше.

– Я успел услышать, что Кристин предложила дельную вещь, дружище! Отчего бы тебе не спуститься вниз? Это лучше, чем остаться без головы, которой Ван Дер Вельде украсит свою гrot-мачту. Впрочем... – на глаза Дюпону попалась голова, выброшенная неведомой тварью из колодца. – О-ла-ла! Одно другому не мешает!

– Дюпон, я готов рискнуть, но не идти на верную смерть! – Гомеш сложил руки на груди. – Сбрось лучше туда эту чертовку. От нее теперь мало толку... Только надо забрать у нее Ключ.

– А вот это верно! – Дюпон протянул ладонь, и Моник покорно вложила в нее уже известную мне индейскую маску. – Что ж, все вышло как нельзя лучше. А теперь, милая Моник, отправляйся в ад!

– Не смей!

Если я не выстрелил в Дюпона сразу, то только потому, что минуту назад он спас нас. Но если бы француз только попы-

тался притронуться к Моник, клянусь, я спустил бы курок. Он понял это и отступил на шаг.

– Прежде всего, – продолжил я, – хочу узнать правду! Ты ведь лгал мне, так? Это подло! Отвечай или я выстрелю!

– Я сейчас заплачу... – фальшиво простонала Кристин и уже вполне искренне рассмеялась. – Дружище Джон, ты только что понял, что тебе лгали?! Это обычное дело, мы пираты! Оставь Клода в покое или я сама разнесу тебе голову. Хватит в него целиться, тем более я слышу, как через лес ломится какой-то слон. Держу пари на все сокровища всех демонов, что это мой папаша!

Действительно, пираты, не умевшие ходить так неслышно, как букашер, приближались. Я предпочел опустить пистолет и Дюпон недобро подмигнул мне. Спустя минуту поляну заполонил целый отряд. Вместе с капитаном Ван Дер Вельде сюда явились и Мерфи, и Янычар, и еще два десятка пиратов. Кристин вкратце объяснила отцу, что произошло на поляне в его отсутствие, и тот, приказав схватить Гомеша, осторожно приблизился к колодцу. Демон встретил его злобным скрежетанием.

– Тысяча чертей! Да там и правда какой-то дьявол! – захотел Ван Дер Вельде. – Это мне нравится! Но что делать дальше? Дюпон, ты только что говорил, что этот Ключ усмиряет Демона Подземелья, разве не так? Почему тогда они не смогли войти?

Француз помрачнел и ничего не ответил, разглядывая Ключ.

– Может быть, потому что там кое-чего не хватает? Дай-ка мне, Клод! – Кристин вытащила из кармана какой-то красный стерженек, как мне показалось, стеклянный, и ловко вставила его куда-то в колдовской механизм Ключа. – Когда последний раз держала эту штуку в руках, как-то случайно вытащила... Ну и решила припрятать – на всякий случай.

– Ах ты дрянь! – Моник словно фурия кинулась на нее, но Мерфи ловко схватил ее за волосы. – Ты чуть не убила меня!

– Жаль, что только «чуть»! – Ван Дер Вельде обнял дочь. – Моя девочка! Что ж, тогда, Гомеш, у тебя есть шанс проверить: работает ли Ключ теперь.

– Я лучше умру здесь, – спокойно ответил пират. – Не хочется быть разорванным на куски заживо. Лучше повесь меня на рее. Или, если Дюпон не врет, тебе нужна моя голова на громчаку? Забирай – и это лучше мясорубки в колодце!

– А я тебе обещаю, что если останешься жив – прощу! – Ван Дер Вельде пребывал в прекрасном расположении духа. – А не пойдешь – повесим на этом дубе, и отправим вниз твою подружку Моник!

– У нее в голове вся схема Подземелья! – напомнил Дюпон.

– И тебе ее оттуда не достать! – хрюкло рассмеялась Моник.

– А будете пытать – я нарисую вам такой план, что живым не выйдет никто! Так что возьмете меня с собой, вниз.

– Постой! – запротестовал Дюпон. – А если ты погибнешь – как нам выйти?

– Придется тебе меня беречь!

– Заткнитесь! – проревел Ван Дер Вельде. – Хорошо, мы возьмем ее, а попробует снова обмануть, а ее разделяю не хуже Демона, только медленно. Гомеш! Ты идешь, или вязать петлю?

Криво усмехнувшись, Гомеш взял у Кристин Ключ и медленно подошел к колодцу. Потом заглянул вниз, выставив перед собой Ключ, словно щит. Снизу не донеслось ни звука. Тогда бывший капитан сел на край, зажал в зубах длинный кортик и начал спуск по цепи.

– Спустите ему на веревке лампу! – приказал Ван Дер Вельде.

Янычар исполнил приказание и скоро все мы, столпившись вокруг зловещего колодца, могли видеть, что Гомеш добрался до самой воды.

– Тут все стены в крови и кишках! – выкрикнул он. – Но вроде никого нет. Вижу боковой ход! Только он не над самой водой, как говорила Моник, а почти на фут выше!

— Конечно выше! Отлив уже час как начался! — фыркнула Кристин и пояснила удивленному отцу: — В колодце соленая вода — значит, он сообщается с морем.

— Интересно, кому бы мог понадобиться такой колодец?.. — Ван Дер Вельде слегка пнул кладку. — Держу пари, что не людям! Что ж, раз ход открыт только во время отлива, нечего времени терять — нам еще клад вытаскивать! Разматывайте лестницы, зажигайте лампы и вперед! А ты, Кристин, останешься здесь — уж прости, но...

Договорить он не успел, потому что Кристин, помахав отцу шляпой, спрыгнула в широкий колодец, едва не угодив прямо на голову Гомеша.

— Моя девочка! — опять умилился Ван Дер Вельде и схватился за цепь. — Оставьте здесь четверых!

Многие матросы не спешили в подземелье Демона, поэтому никто не возражал, когда и мы с Робом спустились в колодец. Отлив и правда сделал свое дело: боковой ход, примерно двух футов в диаметре, сперва шел вниз, а потом снова поднимался. Во время прилива морская вода каким-то образом затапливалася его, но теперь понемногу уходила. Ползший первым Гомеш исхитрился даже сохранить огонь в лампе, и вскоре передал, что попал в какой-то зал. Следом там же оказалась и Кристин, а вот обладавший толстенным животом Ван Дер Вельде сильно замедлил наше продвижение. Тем не менее, спустя каких-нибудь полчаса, и я оказался в зале.

Надо сказать, что боковой ход был выстлан какой-то прочной, плотно пригнанной друг к другу плиткой. Стены, пол и потолок зала были сложены из крупных то ли камней, то ли кирпичей, и тоже весьма искусно. Зал имел примерно сто футов в длину и ширину, а расстояние до потолка я бы оценил футов в десять. В свете ламп подземное сооружение выглядело зловещим, даже при том, что оказалось абсолютно пустым. Мне показалось, что я попал в какую-то страшную сказку.

– Ну, и где сокровища? – спросил, осмотревшись, Янычар, который приполз последним. – Похоже на какое-то индейское капище. Только почему под землей?

– Помолчи! – приказал Ван Дер Вельде. В руках он крутил Ключ, который успел отобрать у Гомеша. – Отсюда три хода, видишь? Моник, пора говорить, куда нам идти.

– Правый ход, – спокойно сказала она, задумчиво ощупывая кирпичи. – Ты бы, капитан, лучше за Дюпоном приглядывал, а не за мной. Теперь от него пора ждать сюрпризов. Он ведь так не любит делиться, верно, Клод?

– Испанец говорил, что сокровища прямо у входа... – растерянно пробормотал Дюпон. – Разве что есть другой вход... Но это может знать только Моник, я не видел плана.

– Не время препираться! – Ван Дер Вельде поднялся и первым пошел дальше. – Мы должны все здесь обыскать до прилива!

Когда они покинули зал, я присмотрелся к полу. Мне с самого начала показалось, что в пыли есть какие-то отпечатки. И теперь, под нашими беспорядочными следами, я четко разглядел шесть больших прямоугольников. Сердце мое тревожно екнуло: больше всего это походило на отпечатки сундуков или ящиков, которые стояли здесь некогда, но давно перенесены. Решив никого не посвящать в свои невеселые подозрения, я поспешил за остальными.

На этот раз нам трижды пришлось спускаться по высоким ступеням, сперва сложенным из дикого камня, а потом просто вырубленным в скале. Такими же стали и стены хода. Ван Дер Вельде ругался на чем свет стоит: выходило, что мы уже ниже уровня моря. Моник лишь пожимала плечами – по ее словам, на карте «сокровище» было обозначено именно там, куда она нас вела. Мы шли уже около часа, и мне наконец стало казаться, что Демон запутал нас и каким-то образом водит кругами. Однако идущий впереди Ван Дер Вельде вдруг перестал чертиться, и все поняли, что мы достигли цели.

Это оказалась пещера. Размеров ее я толком оценить не мог, но она была поистине огромна. Где-то далеко капала вода, но больше всего нас поразил огонь, вырывавшийся прямо из-под земли. Настоящий огненный колодец! Что за демоны могли черпать и пить из него? Пламя было каким-то призрачным, будто холодным, но многие из пиратов решили, что увидели врата ада.

– Тысяча чертей! – Ван Дер Вельде поставил лампу и, с саблей в одной руке и пистолетом в другой, пошел к пламени. – Что ж, если нам придется спуститься за золотом в Преисподнюю – так это даже весело! Верно, ребята?

Увы, за ним последовала лишь Кристин и, чуть помедлив, ее верный Роберт. Старик Мерфи шагнул было следом, но вдруг остановился.

– Там, подальше... Капитан, там какая-то башня!

– Башня Сатаны, – холодно проговорила Моник. – Она упоминалась в документах тамплиеров. Якобы она ушла под землю еще в древние времена, после землетрясения. Может быть, золото там? Кто проверит?

– Ты и проверишь! – Дюпон схватил Моник за руку и потащил к башне. – Тут надо все обыскать!

Я обернулся к огненному колодцу. И с Кристин, и с Робертом все было в порядке, только Ван Дер Вельде дул на руку, будто обжег ее. Поспешив за Моник, к которой меня все же продолжало тянуть, я оказался у входа в башню.

Это сооружение не было высоким, да и вообще ничем не поражало воображение. Безусловно, она была очень древней, но обтесанные камни, из которых она была сложена, оставались просто камнями. Немного освоившись в пещере и поняв, что огонь имеет, скорее всего, какое-то природное происхождение, пираты осмелели и многие пошли вслед за нами. В башне имелся вход – простой четырехугольный проем в стене. Мы с некоторой опаской вошли, и не обнаружили на первом этаже

ровным счетом ничего. Но когда поднялись по каменной лестнице на второй, последний этаж...

Здесь нас и ждал Демон. Нет, он не кинулся на нас, хотя Ключ остался внизу, у Ван Дер Вельде. Но сам его вид... Мне будет трудно его описать. Про все придется говорить «вроде бы». Он был вроде бы высоким, около десяти футов ростом, вроде бы покрытым серой шерстью, вроде бы имел вытянутый вверх и назад лысый череп... Он постоянно менялся! Так, будто все части тела Демона по очереди ненадолго исчезали и тут же появлялись уже немного в другом положении. Увы, точнее я описать не могу. Бросались в глаза торчащие, острые, как у рыбы, крупные зубы. Мне показалось, что они росли в несколько рядов, но это могло быть лишь иллюзией. За ним, у дальней стены, виднелись какие-то ли зеркала, то ли вытянутые кристаллы – я не смог разглядеть точнее из-за полутьмы и изменчивой фигуры существа.

Демон, сгорбившись, сидел перед каким-то каменным кругом, немного выступавшим над уровнем пола, и не повернул головы, когда мы вошли. Моник попятилась и, прижавшись ко мне спиной, на ощупь нашла мою руку. Я потянул ее назад, заслонив собой. Дюпон, вытянув руку, целился в Демона из пистолета и, казалось, не знал что делать дальше. Свет от пламени колодца проникал в башню через окно, мы хорошо видели и в то же время толком не могли разглядеть Демона.

– Позовите Хозяина Ключа! – сказал он, одновременно издавая зубами жуткий, скрежещущий звук. – Или я убью вас.

– Капитан! – закричала Моник. – Капитан, скорее сюда!

– Да здесь я уже! Нашли золото?! – распихав нас локтями, запыхавшийся Ван Дер Вельде вошел и ахнул. – Раздери меня морской дьявол! Ты кто?!

– Я – Сторож Подземелья. Зачем вы приплыли на мой остров, зачем вы пришли сюда?

– Да не твое дело! – капитан робить не собирался. – А впрочем, мы пришли за золотом! Где оно?

— Здесь было золото... — прошипел Демон, все так же не поворачивая уродливой головы. — Но те, кто его принес, вернулись и унесли его.

— Куда, черт возьми?!

— Они воспользовались Кругом Времени, — Демон указал когтистой лапой на каменный круг перед собой. — Я не знаю, куда они ушли. Но если ты истинный Хозяин Ключа, ты все узнаешь сам.

— Круг Времени! — Дюпон схватил Ван Дер Вельде за руку. — Капитан, дай мне Ключ!

Ван Дер Вельде, хмурясь, отдал Ключ французу и тот, схватив его, зажмурился. Я уже знал, что сейчас изделие древних мастеров рассказывает Дюпону все свои тайны. Это было крайне опасно, но что я мог поделать? Оставалось только довериться букиньюру.

— Ну, что ты молчишь? — не выдержал Ван Дер Вельде. — Команда устроит бунт, если мы вернемся без золота!

— Я знаю дорогу к золоту! — будто с трудом выговорил Дюпон.

— О, теперь я знаю...

Он подошел прямо к Демону, присел напротив него и положил Ключ на каменный круг. Формы древних предметов, насколько я мог судить, полностью совпали. Затем Дюпон что-то прошептал, обращаясь то ли к Демону, то ли к самому Кругу Времени, и сдвинул на Ключе какой-то рычажок. Секунду ничего не происходило, потом что-то громко щелкнуло в Ключе. И Демон исчез, будто его и не было.

— Да что происходит?! — вскинул Ван Дер Вельде, поднимая пистолет и взводя курок. — Отвечай или я пристрелю тебя прямо здесь!

— Подожди, папа, — попросила Кристин. — А то пальнешь раньше, чем он ответит.

Француз осторожно вынул Ключ из каменного круга и встал.

— Я перенес нас во времени. Вместе с кораблями и командой. Все, что не принадлежит острову, перенеслось во времени.

Испанец говорил мне об этом, упоминал Круг Времени... Это правда! Только они попали в будущее и не выдержали наших разрывных ядер. А мы перенеслись в прошлое. Я не знаю, где сокровища тамплиеров, капитан! У них был, наверное, другой Ключ. Но золота у нас будет в избытке!

– Что он мелет? – спросил Ван Дер Вельде у дочери. – Если ты тоже не поняла, то я стреляю.

– Без меня вам не вернуться в свое время! – быстро напомнил Дюпон. – Застрянете в этом навсегда!

Мне подумалось, что будь у меня фигурка лягушки, которую букиньяр носил на шее, то и я сумел бы разобраться в секретах Ключа. Похоже, о том же подумала и Моник, потому что ее пальцы на моей руке судорожно сжались. Но и она, и я промолчали. Ван Дер Вельде неохотно опустил пистолет.

– Золота нет нигде, капитан! – раздраженно прокричал Янычар снизу. – Мы обыскали всю эту дьяволову пещеру, она пуста!

– Возвращаемся! – проревел в ответ Ван Дер Вельде. – Поднимемся и посмотрим, куда ты нас закинул. Там и решим твою судьбу, Клод Дюпон.

Мы покинули Башню Сатаны, чему я был чрезвычайно рад. Да и всем хотелось поскорее на свежий воздух. Вернувшись в первый зал, пираты проверили остальные два прохода, но оба они оканчивались завалами. Мрачные и уставшие, мы тем же путем, через узкий лаз к колодцу, выбрались на поверхность земли.

Вот тут-то нас и ожидал сюрприз: борта колодца вросли в землю, а вокруг него валялись обугленные доски, будто сгорела какая-то хижина. Но самое страшное – пока мы бродили по подземелью, снаружи наступила зима. Все вокруг было покрыто снегом, деревья стояли совершенно голые. При этом и цепь, и блок, пристроенный на ветвь дуба Гомешем, чтобы поднимать золото – все осталось на месте. Роберт мыском сапога смел снег, поднял что-то с земли и присвистнул.

– Что там? – заинтересовался Дюпон.

– Да так... – Роб бросил находку обратно. – Книжка обгоревшая, не прочесть ничего.

– Стоило бы тут хорошенько осмотреться! – француз глубоко вдохнул морозный воздух. – Впрочем, еще успеем, а сейчас надо спешить!

Ван Дер Вельде мрачно посмотрел на Дюпона, который просто сиял.

– Что все это значит, прокляни меня Небеса?!

– Этот остров живет по своим законам! – воскликнул букиньер.

– Не знаю о нем всего, но мы сейчас должны находиться в 1573 году от Рождества Христова! Вы хоть понимаете, что это значит?!

Все промолчали, и только старый Мерфи, вспотевший после подъема, ахнул.

– Год, когда сэр Френсис Дрейк перехватил испанский Серебряный Караван?!

– Да! Это первое, что пришло мне на ум! Отчего-то я совсем недавно вспоминал Дрейка... – Дюпон едва не плясал от радости.

– Капитан, ты еще поблагодаришь меня! Это лучше сокровищ тамплиеров, это нечто бесконечное! Неисчерпаемый источник добычи, а те, у кого мы ее возьмем, никогда не смогут нас найти – Демон никого не пустит в Подземелье без Ключа! Да даже если бы и пустил – мы будем уже далеко! За столетия отсюда!

Ван Дер Вельде, ежась на зимнем ветру, напряженно соображал.

– Вот что, мошенник: если ты прав, ты мой брат, потому что сделаешь меня величайшим пиратом всех времен! Но если нет... Идемте к кораблям! Если с ними все в порядке, надо выбирать якоря. Или хотите отбивать лед со шкотов?

Все были настолько потрясены, что всю дорогу к берегу молчали. Даже Кристин, хотя, судя по ее горящим глазам, выходка Дюпона пришлась ей по душе. Роберт чуть поотстал и мне показалось, что он быстро спрятал что-то в карман.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Стихи и смерть

Добравшись до берега, мы обнаружили, что на кораблях царит полнейшая паника. В один миг наступившая северная зима просто потрясла моряков, многие из которых родились и выросли на Карибских островах и никогда не видели снега. Только паника помешала пиратам выбрать якоря и покинуть остров со всей возможной скоростью. Ван Дер Вельде и другим пришлось потратить немало времени для наведения порядка. Но, как только команды «La Навидад» и «Пантеры» немного успокоились, возникли другие проблемы. Я думал, что более всего пиратов испугает путешествие во времени. Ничуть не бывало: всерьез их расстроило лишь отсутствие добычи.

– Быть бунту... – бормотал старик Мерфи. – Капитан должен быть удачлив, тогда люди пойдут за ним в пекло. Но забраться куда-то на край света, сразиться с самим чертом и в итоге не принести ни реала – такие вещи у нас не уважают!

Тем не менее, обошлось без бунта. Во-первых, всем хотелось поскорее отправиться на юг, а во-вторых, Гомеш пристрелил двоих с «Пантеры», которые уж очень ретиво критиковали своего капитана. На нашу команду это тоже произвело впечатление. Многим на «La Навидад» не нравилось, что португалец остался капитаном, но Ван Дер Вельде сказал, что подумает об этом позже. В конце концов, Ключ к Подземелью Демона оставался у него, и свобода Гомеша теперь была значительно ограничена.

У меня, между тем, возникла серьезная проблема. В связи со всем, что я узнал о Моник, вернуть дельфина ей было бы глупостью. Но и Дюпон, насквозь лживый и непредсказуемый, его

тоже не заслуживал. К тому же, мне хотелось еще раз встретиться с Прозрачным, ведь тот обещал еще многое мне объяснить. Спрятать фигурку было совершенно некуда. Конечно, корабль имеет немало укромных местечек, но каждая щель досконально изучена командой. Взвесив все, я нашел единственное, хоть отчасти приемлемое решение и отправился к Кристин.

– Ты хочешь отдать дельфина мне? – о волшебном предмете она, конечно, знала от Роберта. – Спасибо, Джон! Это ты здорово придумал! Ведь больше всего я сейчас хочу побыстрее добраться до Карибского моря и увидеть, куда на самом деле зашвырнули нас Клод!

– С условием, что иногда ты дашь его мне поносить! – напомнил я.

– О чём шепчетесь? – букиньяр, как бывало часто, появился возле нас совершенно неслышно. – Джон, удели мне минуту...

Я решил не тянуть время.

– Простите, мсье Дюпон, но ту фигурку, что вы мне дали, я потерял.

Француз оскалился, словно волк, и мне казалось, что сейчас Дюпон набросится на меня с кулаками. Но между нами встала Кристин.

– Клод, дельфин у меня! – она оттянула воротник и показала цепочку на шее. – Согласись, он нужен нам всем. Я сейчас иду к капитану, а ты, если хочешь, поговори с ним об этом потом.

Развернувшись на каблуках, чрезвычайно довольная Кристин подмигнула мне и ушла. Покрасневший от гнева Дюпон только сплюнул мне под ноги.

О чём говорила Кристин с отцом, я так и не узнал. Однако дельфин остался у неё: попутный ветер наполнил наши паруса, и оба корабля буквально полетели на юг. Одна беда: ветер, само собой, был северным и нам пришлось порядком померзнуть, особенно ночами. Команда шепталась о ждущей впереди великой добыче, никто и не думал обвинять капитана Ван Дер

Вельде в неудачной экспедиции. Дельфин делал свое дело: желание Кристин реализовывалось без каких-либо трудностей.

Однажды в свободную минуту я присел рядом с Мерфи. Старик дымил трубкой и сердито наблюдал за расхаживающим по палубе Дюпоном. Мерфи был, наверное, единственным, кто не выражал радости по поводу грядущих грабежей.

– Ты хоть понимаешь, Джон, куда и зачем мы отправляемся?

– Ну, я пока еще не очень верю в то, что мы оказались в прошлом, – признался я. – Так говорит Дюпон, но я ему не верю.

– Если не врет, все очень скверно! – Мерфи сплюнул за борт и склонился ко мне. – Сэр Дрейк был славным человеком, Джон! Славным моряком и героем Британии! Он, да братья Хокинсы первыми бросили вызов испанцам. Если бы не они, все могло бы случиться иначе. А мы идем грабить его!

Я знал, что именно таков план Дюпона и что капитану Ван Дер Вельде этот план пришелся по душе. Как же: ограбить самого Эль Драко! Но мне это казалось отвратительным: дед с глубочайшим уважением относился к сэру Дрейку.

– Ну, я думаю, это будет не так просто: напасть на такого человека!

– Да? А что в наших пушках разрывные ядра, ты забыл? У Дрейка таких нет! – напомнил Мерфи. – И мушкеты наши бьют дальше и точнее, и корабли быстроходнее. И карты! Дрейку и не снились такие карты. Я был юнгой под его началом... Но гораздо позже, чем сейчас.... Тьфу, запутался! – Мерфи стукнул кулаком по борту. – Джон, а что будет, если Дрейк погибнет от этой нашей затеи? Что будет тогда с Британией, кто остановит испанцев?! Кто привезет золото королеве Елизавете на «Золотой лани»?!

Внутри у меня похолодело. Дюпон, почувствовав мой взгляд, шутливо поклонился. Только теперь я задумался: если буканьер выбирал время, то почему мы не отправились в прошлое на еще пару десятков лет? Почему не гонимся за испанскими

галеонами, полными золота конкистадоров? Француз выбрал именно Дрейка. Что, если он с самого начала задумал убить героя Британии? Одного выстрела из своего удивительного ружья буканьеру должно было хватить – я пока не видел, чтобы он промахивался. И тогда история может сложиться совершенно иначе. Я вскочил.

– Мерфи, мы не можем этого допустить!

– Сядь и говори тише! – потребовал старик. – Даже Кристин ничего не хочет слушать, а уж остальные... Точно известно, где и когда эскадра Дрейка заполучила испанское серебро. Всего-то и дел: появиться в удобный момент и забрать его себе. Их не остановить.

Вне себя, я отправился переговорить с Робом. С того момента, как мы покинули остров Демона – название «Оук» у них не прижилось – мой друг пребывал в какой-то странной тоске, оживляясь лишь в присутствии Кристин. Вот и теперь он выслушал меня совершенно равнодушно.

– Я не верю, что мы можем что-то изменить, – сказал он. – Тамплиеры владели секретом Демона, и что? Их это не спасло.

– Мы не можем знать наверняка, что произойдет! – запротестовал я. – Уже жалею, что отдал дельфина Кристин... Нужно было выкинуть его в море!

– Все предопределено, – убежденно повторял Роберт. – Знаешь, что я нашел там, на острове? Ну, когда мы поднялись из колодца и увидели какое-то пепелище? Все думал, стоит ли тебе показывать...

Он вынул из-за пазухи сильно обгоревшую книгу. Кое-что огонь пощадил и я прочел название: «Стихотворения, преимущественно на шотландском диалекте». Поневоле заинтересовавшись, я принялся перелистывать сохранившиеся страницы.

– Славные стихи... Но я никогда не слышал о таком поэте: Роберт Бернс!

– Конечно, не слышал! – хмыкнул Роб. – Посмотри на год издания!

Я отыскал и присвистнул: неизвестный мне шотландский бард издал книгу в 1786 году! Конечно, я не мог знать о его существовании.

– Там дарственная надпись! – ткнул пальцем Роб. – Вот она-то интереснее всего.

– «Дорогому другу Джону Мак-Гиннису от товарища юности Роберта Летбриджа, с выражением искренней любви», – вслух прочел я. – И дата: апрель 1802 года. Что это значит, Роб? В каком мы времени?

– По-видимому, не в том, на которое рассчитывает мсье Клод! Мы не в прошлом, а в будущем! И если, как ты говоришь, они рассчитывают справиться с Дрейком за счет лучшего вооружения... Как бы нас не поджидал впереди кто-то, вооруженный куда сильнее нас! Радует одно: мы с тобой умрем не скоро, раз уж я написал «от товарища юности».

– Не написал, а еще только напишешь... – машинально поправил я. – Нет, дружище, не все так просто. Если ты еще только это напишешь, то мы навряд ли в 1802 году... И как тогда книга попала сюда?

– Не знаю, – мрачно ответил Роберт. – Зато знаю, что с островом Демона мы связаны навсегда. Чувствую это. Книгу забирай, она ведь твоя.

Не успел я спрятать немного преждевременный подарок, как марсовый прокричал, что видит парус. Кристин в мгновение ока забралась на мачту и вскоре ветер начал меняться – у девушки возникло новое желание. И я, конечно, знал, какое.

– Отец, два двухмачтовых корабля, флаги испанские! – запыхавшись сообщила она, спустившись. – Нельзя их отпустить таких безобидных – вдруг кто-нибудь обидит!

– Конечно, – согласился Ван Дер Вельде, – конечно, обидим сами! Заодно и выясним кое-что!

Испанские корабли были древней постройки, это сразу понял даже я. Те самые галеоны: маленькие и неповоротливые по сравнению с «Ла Навидад» и «Пантерой». Выходило, что Дюпон нас не обманул. Мы сблизились и приказали испанцам сдаться, в ответ они открыли огонь. Одно из ядер проломило фальшборт совсем рядом со мной и заскакало по палубе. Мы кинулись в разные стороны, но взрыва не последовало.

– Кусок чугуна! – Янычар схватил ядро, обжегся, выронил, но продолжал хохотать. – Кусок чугуна! Мне нравится этот рейс!

На испанцев обрушился шквал нашего огня. Уже после третьего залпа на одном из кораблей начался пожар. Второй пытался лавировать, но Кристин встала к штурвалу и дельфин помог ей: ветер подстраивался под каждый ее маневр, словно послушный щенок. Пиратам хотелось драки, и второй корабль мы попытались взять на абордаж. Но вот тут испанцы оказали достойное сопротивление: спрыгнувшие на вражескую палубу попали под редкий, но чудовищный по убойной силе огонь аркебуз, заряженных чем-то вроде рубленых гвоздей. Первым свой конец нашел веселый боцман Янычар, татуированный череп которого раскололся, как орех.

Ни я, ни Роб в вылазке не участвовали, а Кристин осталась за штурвалом. К моему удивлению, даже Дюпон не слишком усердствовал: он стрелял редко, скорее для развлечения. Честно говоря, я был рад, что испанцы показали пиратам: кроме силы оружия есть и сила духа. Добыча оказалась не такой уж легкой и бой остановился. Испанцы начали избавлять борт от наших абордажных крючьев, и Ван Дер Вельде приказал не мешать им.

– К чертям! – раздраженно крикнул он. – Я потерял Янычара, и больше никого терять не намерен! Канониры! Отправьте всех мерзавцев на дно! «Пантера» подобрала уже достаточно.

Я оглянулся и увидел, что огонь уже полностью охватил загоревшийся нашими выстрелами галеон. Гомеш спустил шлюпку

и матросы спасли трех или четырех испанцев, остальные, видимо, предпочли смерть.

Дальнейшее выглядело отвратительно: практически не подвергая себя риску, «Ла Навидад» расстрелял упрямых испанцев на расстоянии. Корабль еще держался на плаву, и кто-то еще палил в нас с палубы, когда Ван Дер Вельде приказал уходить.

– Хватит заниматься ерундой! Добыча ждет нас впереди.

Кристин не стала спорить с отцом. Мне показалось, что и ей бой не доставил никакого удовольствия. Это меня обнадежило: если Кристин поймет, что особой доблести в такого рода делах нет, то, может быть, станет на нашу сторону и помешает планам Ван Дер Вельде и Дюопона? Я искренне на это надеялся, хотя был у меня на корабле и еще один союзник: дельфин. Если, конечно, Кристин согласится со мной.

– Что-то ты ко мне совсем не заглядываешь? – Моник подошла ко мне. – Все, кончилась наша дружба?

– Моник, дружба возможна там, где есть искренность.

– Много ты понимаешь в этой жизни! А ведь я когда еще тебе сказала: у слабых женщин свои правила. Иначе просто нельзя.

Моник пользовалась на «Ла Навидад» полной свободой, но все равно негласно считалась узницей. Кристин делить с ней каюту отказалась, и Моник перебралась в кают-компанию, где отгородила себе угол куском старого паруса. Вряд ли она привыкла так жить, но неудобства переносила stoически, и слова о «слабой женщине» вызвали у меня невольную улыбку.

– Моник, вы искренне симпатичны мне. И даже более... Но я совсем перестал вам верить.

– О, Джон! Если бы я могла поверить тебе! – с неожиданной грустью произнесла она. – Но ты слишком наивен и такой, как Дюопон, запросто может тебя провести. Ведь если бы я рассказала тебе всю правду, ты понял бы все... Ты простил бы меня. Но тебе снова будут лгать, и ты опять изменишь свое мнение!

Моник отошла, оставив меня в полном недоумении. На палубу как раз поднимались четверо испанцев, спасенных шлюпкой с «Пантеры», прибыл и капитан Гомеш. Троє испанцев представляли из себя жалкое зрелище: испуганные, подобострастно заглядывающие всем в глаза, они только и делали, что молили сохранить им жизни. Четвертый молчал. В бою он потерял один глаз, и пираты даже не удосужились перевязать раненого. Зато тот глаз, который испанец сохранил, сверкал ненавистью. Несмотря на раны, пленный держался очень прямо, даже величественно. Он шел последним. Проходя мимо него Моник, только теперь увидев Гомеша и не желая с ним разговаривать, вдруг протиснулась между одноглазым и другим испанцем. Потом, все-таки наткнувшись на тяжелый взгляд капитана «Пантеры», попятилась и едва не сбила раненого с ног. Испанец обернулся и посмотрел на Моник с каким-то изумлением.

Все это произошло меньше, чем за секунду. Ван Дер Вельде начал допрос испанцев прямо на палубе. Троє подтвердили и готовы были поклясться на Библии, что сейчас – 1573 год от Рождества Христова. Пираты встретили эту новость радостным гиканьем. И тогда четвертый пленный, тот самый одноглазый, выступил вперед и выстрелил капитану Ван Дер Вельде в грудь. Спустя секунду он упал под градом сабельных ударов и вскоре его тело превратилось в нечто неописуемое. Точно так же разъяренные пираты поступили и с другими испанцами, ни в чем не повинными.

Я отвернулся и увидел Кристин, которая не мигая смотрела на мертвого отца. В том, что Ван Дер Вельде погиб, сомневаться не приходилось – испанец стрелял почти в упор, пуля вошла точно в сердце. Роберт и рыжий толстяк Моррисон вдвоем зачем-то пытались перевязать уже не дышавшего гиганта, но кровь продолжала растекаться по палубе. Я погладил Кристин по плечу, не зная, что сказать в утешение.

– Джон, найди пистолет, из которого убили отца! – не оборачиваясь, попросила она.

Я исполнил просьбу и принес проклятое оружие, слегка отерев его от крови испанца. Кристин взяла его, бегло осмотрела и вернула.

– Это пистолет нашего времени! У испанцев были совсем другие.

– Гомеш! – конечно, это было первое, что пришло мне в голову.

– Гомеш был бы уже мертв, если бы в момент выстрела я не смотрела прямо на него! – простонала Кристин. – Но Гомеш был искренне удивлен и напуган! И стоял рядом с отцом, а если бы вооружил испанца он, то держался бы в стороне...

Она всхлипнула и убежала. Роб хотел последовать за ней, но я удержал его.

– У них были связаны руки – все с «Пантеры» так говорят! Кто успел разрезать веревки?!

Имя едва не сорвалось с моих губ. Но я промолчал. В конце концов, я мог ошибаться. Да и что толку было бы, изруби пираты Моник так же, как испанцев? Капитана Ван Дер Вельде было уже не вернуть, а крови и без того пролилось достаточно. И, конечно, была еще одна причина: я просто не мог выдать Моник. Не мог, и все тут.

С капитаном простились так же, как и с другими погибшими пиратами: их приняло море. Мешок, наскоро сшитый из парусины, да ядро, чтобы быстрее добраться до дна и встретиться там с морским дьяволом – вот и все, чем товарищи могли им помочь. По «охотничьему соглашению», к которому пираты относились очень серьезно, доли от добычи теперь должны были получить заранее указанные наследники. Кристин, включая две капитанские, теперь полагалось целых три.

Вечером корабли встали борт о борт, сцепились абордажными крючьями, и состоялось общее собрание обеих команд. Я

опасался, что Кристин потребует капитанство себе и ей придется несладко. Но вышло иначе – потрясенная гибелью отца, девочка почти все время просидела молча. Председательствовал, конечно, Гомеш. Так переменчива судьба пирата: еще недавно Ван Дер Вельде собирался его повесить, а теперь португалец принимал наследство. По общему решению адмиралом – то есть общим начальником, был выбран именно Гомеш. Ему же достался и Ключ от Подземелья Демона. Дюпон попросил разрешения хорошенько рассмотреть Ключ, и, с минуту покрутив его в руках, довольно кивнул: теперь все было на месте. Уже в качестве адмирала Гомеш предложил нового капитана на «Ла Навидад» – назначать по «охотничьему соглашению» он не имел права.

– Я полагаю, лучше всего с этой задачей справится Клод Дюпон! – неожиданно для многих заявил он. – Пусть он не моряк, зато такой же член Берегового Братства, как и все мы! У нас имелись разногласия, но теперь все позади!

Я посмотрел на Дюпона и увидел на его лице искреннее изумление, которое спустя уже секунду он сумел скрыть. Со всех сторон посыпались протесты. Команда «Ла Навидад» хотела кого-то из своих. После гибели Янычара его место фактически занял Мерфи, многие предлагали выбрать капитаном именно его. Гомеш попробовал настоять на своем, но тут же в воздухе засверкали клинки – у рядовых пиратов не так много прав, но ими они не готовы поступиться и под страхом смерти.

– Пусть будет Мерфи! – наконец выкрикнул Гомеш и стало тише. – Пусть, но временно, до следующего собрания! Давайте каждый еще раз все обдумает. Я адмирал и прошу вас об этом. Мне нужен человек, которому я могу верить, как себе! Нам надо поскорее добраться до Тортуги, пополнить запасы провизии и пороха. Там будем решать еще раз.

С этим предложением большинство согласилось. После этого Гомеш решил вернуться на «Пантеру», и вместе с ним «Ла

Навидад» покинули Дюпон и Моник. Первого, настолько я понимал, Гомеш хотел держать при себе – ведь только Дюпон умел обращаться с Кругом Времени. Ну, а Моник... Моник оставалась все такой же прекрасной. И все такой же циничной. На «Пантере» ее, как минимум, ждал личный комфорт. А еще – возможность снова затеять какую-нибудь интригу. Мне оставалось только вздохнуть и в очередной раз постараться о ней не думать.

Перед тем, как покинуть «Ла Навидад», Гомеш что-то тихо сказал Кристин, и я увидел, как девушка отрицательно покачала головой. Гомеш сказал что-то еще, и тогда Кристин просто пошла прочь. Перед адмиралом выросли Мерфи, Моррисон и еще несколько матросов, наиболее ему близких, и Гомеш, выругавшись сквозь зубы, сдался. Я облегченно вздохнул: дельфин остался на нашем корабле. Поспешив к Кристин, я застал ее в капитанской каюте перед картой.

– Ты можешь отдать мне дельфина на эту ночь?

– Что это ты задумал? – она подняла на меня красные от слез глаза. – Догадался, наконец, чего хочешь от Моник и думаешь, что дельфин поможет тебе справиться с Гомешем? И не надейся, выстрел в сердце сильнее любого волшебства.

– Не говори ерунды! – вскипал я и тут же устыдился. – Я прошу тебя. Ведь ты обещала? Всего на одну ночь.

– Тогда поклянись, что вернешь! Тебе я пока еще верю, Джон. Тебе, Робу и старому Мерфи.

Я поклялся и получил фигурку. Все, свободные от вахты, уже укладывались в гамаки, забрался в свой и я. Сжав волшебный предмет в руке, я задумался: чего сейчас я хочу сильнее всего? Выходило, что я и сам не знал этого.

– Да нет же! – вкрадчивый голос Прозрачного раздался будто у меня в голове. – Ты знаешь, чего хочешь: чтобы я рассказал тебе, зачем ты здесь.

– И зачем же?

Было темно, отовсюду раздавалось похрапывание матросов, и я снова не знал: во сне пришел ко мне Прозрачный, или наяву. Я даже не видел его.

– Ты здесь, чтобы встретиться с Френсисом Дрейком. Встретиться и передать ему дельфина. Поверь, если ты этого не сделаешь, он никогда не совершил кругосветного плавания. И много чего еще не совершил... Дрейк станет пиратом, жестоким, но не слишком удачливым – только и всего! Трудно представить, какими бедами для Британии это обернется. Всего один человек... Но есть, Джон, особенные люди. Люди, выбранные для особой роли.

– Кто же их выбирает? И кто выбрал меня, чтобы передать дельфина Дрейку? Я даже не знаю, как это сделать!

– Найди способ. Говорят, что от человека никогда не требуется того, чего он не может совершить. Каждый получает ношу себе по силам. Но иногда эта ноша так тяжела, и так важна для всего человечества, что даже сильному человеку надо помочь... Тогда он получает предмет. И все меняется! Испания должна уступить моря Британии, и первым дорогу проложит Френсис Дрейк! Иначе...

– Но разве может быть иначе? – я немного не понимал. – Мерфи служил у Дрейка юнгой во время битвы с испанской Армадой. Если Дрейк не получит дельфина, то не станет флотоводцем! И где тогда служил Мерфи?

– Может быть, мы это знаем, – в голосе Прозрачного послышалась печаль. – Но тебе это знать совершенно ни к чему. Поверь, Джон: ты должен передать дельфина Дрейку. История твоей родины – в твоих руках. И если сейчас на ваших островах не все ладно, то ведь могло быть хуже... Куда хуже, Джон. Так хуже, что и ты, и многие-非常多的 другие могли вовсе никогда не родиться. Не только в Британии, а по всему миру. Хотя даже не это самое главное... Но ты уже спишь. Что ж, все, что ты должен знать, ты уже знаешь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Дельфин и порох

Когда я проснулся, дельфина у меня в руке не было. Испугавшись, что фигурка похищена, я побежал искать Кристин и нашел ее в капитанской каюте, вместе с Мерфи и Робертом. Как только девушка посмотрела на меня, все стало ясно: глаза у нее были разноцветными.

– Я подумала, что так ты лучше выспишься! Кроме того, на Тортугу хорошо бы попасть побыстрее, так что дельфин мне пригодится.

– Могла бы и разбудить.. – пробурчал я, припоминая сон. – Между прочим, за эту фигурку многие готовы хорошо заплатить.

– Продаешь? Я бы дала неплохую цену! – Кристин расхохоталась и я понял: траур, который она позволила себе после смерти отца, окончен. И все же глаза у нее стали взрослее. – Ты, кстати, как – все еще влюблена в мамзель Моник?

– Мадмуазель! – поправил я и сел, чтобы скрыть смущение. – Я не влюблен.

– Врешь! И все же ты парень честный, Джон, поэтому не хочу тебя обманывать – так, как это делала она! Ночью я поговорила с Моррисоном. Он видел, как Моник крутилась у пленного испанца прямо перед тем, как он застрелил отца. Именно ей, чертовке, времени бы хватило и на то, чтобы вложить пистолет ему в руку, и на то, чтобы перерезать веревки.

– Чушь!

– Не умеешь врать... – вздохнула Кристин, пристально глядя мне в глаза. – Ты тоже об этом думал, Джон. А так как ты парень не только честный, но и умный... Сам пойми: убить капитана

Ван Дер Вельде могло быть выгодно только тому, кто получил бы его власть. Но это не Гомеш, к сожалению... Это точно. Кто еще? Только Моник. Она добьется власти через Гомеша, как это уже делала.

Я, вынужденный быть адвокатом белокурой красавицы, замешкался. Как ни крути, а Кристин рассуждала логично... Но нельзя ведь обрекать Моник на смерть, не имея веских доказательств ее вины!

– Дюпон! – наконец сообразил я. – Они с Гомешем прежде приятельствовали, и вот, теперь он снова на «Пантере»! А «Пантера» теперь наш флагман.

– Клод? – Кристин опечалилась. – Я думала об этом... Нет, Клод не смог бы. И, в конце концов, он второй подозреваемый! Кроме того, его около пленных не было, а Моник – была!

Она вскочила и выбежала на палубу. Роберт, похлопав меня по плечу, последовал за ней и мы с Мерфи остались одни.

– Что теперь, Джек? – спросил я бывшего кока «Устрицы». – Что Кристин собирается делать?

– Ты помнишь, о чем мы договаривались? – Мерфи выразительно подмигнул мне. – Прежде всего – сэр Френсис Дрейк! Хоть пока ему и не пожаловано это звание. Мне лучше удавиться этими руками, чем навредить ему и старушке Британии! Вот к этому я все дело и веду... Кристин никогда не подчинится Гомешу. Не та девчонка! Значит, Моник сама себе навредила: «Ла Навидад» не будет атаковать Дрейка. Мы начнем охоту на испанцев! Ну, а насчет Гомеша есть план.

– Постой! – я уже полностью вспомнил ночной разговор с Прозрачным. – Ну... Если уж мы здесь... А зачем мешать – мы ведь можем помочь Дрейку! Ему порой приходилось несладко, а наши пушки лучше и бьют дальше! Зачем нападать на испанцев отдельно, если можно вместе с ним, у берегов Панамы?

– И верно! – Кристин вернулась, когда я произносил последние слова. Глаза у нее были красные, но на губах играла злая

улыбка. – Мне тоже было бы любопытно посмотреть на этот Серебряный Караван. Ладно, ближе к делу... Большая часть команды готова признать капитаном меня и попрощаться с Гомешем на Тортуге. Ты со мной?

– Да! – а с кем я еще мог быть? Во всяком случае, не с Гомешем и не с Дюпоном. И, к сожалению, не с Моник. – Но что будет с ними?

– Попробуем оставить их там, на острове. Старина Мерфи поговорит с ребятами из команды «Пантеры», там есть те, кто захочет пойти с нами. А когда придет пора действовать, я скажу, какой у нас план.

Нельзя сказать, что я вышел из капитанской каюты с легким сердцем. Я слишком хорошо знал Кристин. Если она уверена, что в смерти ее отца повинна Моник, то попытается отомстить всеми доступными способами, и никакая опасность ее не остановит. Мне предстояло каким-то образом помешать ее замыслам. Я просто не мог, не мог допустить этой смерти... И сам себе боялся сознаться, почему.

Ветер, послушный дельфину, по-прежнему дул нам в корму. Плавание проходило легко, и команда откровенно скучала. Мы с Робом по поручению Кристин проверяли состояние пушек, пересчитывали запасы и вообще исполняли обязанности ее помощников. Я к тому же помогал Кристин и Мерфи высчитывать наш курс и, смею надеяться, неплохоправлялся – кое-чему Ван Дер Вельде успел меня научить. Роберт немного повеселел, но все еще чувствовал себя не в своей тарелке.

– Этот остров мне снится! – признался он как-то раз. – Я все думаю, думаю... Вот, раз я подарил тебе ту книгу, значит – нам предстоит еще вернуться туда и попасть в будущее, так?

– Видимо, так, – согласился я. – Ты ведь должен был ее получить, когда этот поэт, Бернс, ее уже издал. И только после этого подарить ее мне.

– Да? А вот и нет! Книга-то уже у тебя! Значит, чтобы ее подарить, не надо никуда путешествовать! Твой Бернс еще не родился, а книга уже у тебя! Что же получается?

– Ничего не получается. На книге дарственная надпись, почерк твой. Значит, в будущем ты еще подаришь мне ее не обгорелой.

– Точно! – Роберт похлопал меня по плечу. – Спасибо, брат. Это обнадеживает. Но я все равно ничего не понимаю...

Мне неизвестно, о чем говорили наши «заклятые друзья» на «Пантере». Наверняка, они думали о том, как заполучить дельфина. Но, по всей видимости, отложили решение этого вопроса до Тортуги. И вот настал, наконец, день, когда остров показался перед нами.

– Крепости еще нет! – воскликнула Кристин, разглядывая берег в подзорную трубу. – Я знала, что ее не будет, и все же это так странно...

– И в чьих руках сейчас Тортуга? – спросил я.

– В руках пиратов, конечно! Точнее, постоянно тут живут только букианьеры, а пираты часто заходят в бухту. Букианьеры живут без семей, при появлении испанцев уходят в лес и стреляют их оттуда, как куропаток!

– Кристин, ты вот тоже ненавидишь испанцев... – мне давно хотелось задать этот вопрос. – Но ведь твоя мать – испанка, и, значит, ты...

– Я дочь пирата от военного трофея! – Кристин посерезнела. – Я не испанка и не голландка. Береговое Братство – вот моя нация! А Испанию все ненавидят лишь потому, что она не хочет ни с кем делиться. По большому счету, на месте испанцев так бы поступали все... Но мне кажется, что с англичанами, голландцами, даже французами договориться легче.

И снова я вспомнил наш разговор с Прозрачным. Не в жадности ли испанских монархов крылась причина того, что некая сила решила отказать им в помощи? И похоже было, что

именно так дела и обстояли. А началось все с Френсиса Дрейка, объявившего Испании войну. Я невольно посмотрел на шею Кристин – дельфин обязательно должен был достаться будущей гордости нашего флота!

– Что-то не так? – Кристин поправила шейный платок. – Роберт, Джон, слушайте, что надо сделать. Сейчас мы войдем в бухту вслед за «Пантерой» и станем на якорь рядом с ней. Наверняка они сперва захотят устроить военный совет, перед общим собранием. Я на него не пойду – у нас капитаном как бы Мерфи, пускай старый Джек и отдувается там. А пока он тянет время... Прежде чем уйти, мы должны получить Ключ и месье Дюпона. Иначе нам не вернуться в свое время, а застревать здесь мне не слишком хочется.

– А почему? – неуверенно спросил Роберт. Он почему-то очень боялся острова Демона. – У нас здесь лучший корабль, лучшие пушки...

– Пушкам нужны ядра! – оборвала его Кристин. – Где ты здесь добудешь разрывные ядра? А без них мы почти не имеем преимущества. Через пару лет днище нашего «Ла Навидад» пора будет чистить от ракушек, и я бы предпочла заняться этим там, где нас никто не найдет. Остров нужен нам, Роб! Гомеш это понимает, поэтому Ключ при нем постоянно, а Дюпон фактически арестован. Думаю, если Ключ будет у нас, Клод не станет колебаться и отправится с нами. Это сработает, если на «Пантере» все осталось по-прежнему... Но там Моник, поэтому надо ожидать любых неожиданностей. Главное вот что: мы с вами должны проникнуть на «Пантеру».

– Мы? – удивился я. – Втроем?

– Полностью я доверяю только вам и Мерфи. Будущее покажет, но пока я вижу один выход – подстеречь Гомеша на его же корабле и отобрать Ключ.

Спустя час мы бросили якорь. Я узнавал очертания берега, скалы, но поселок оказался просто крошечным – всего с десяток

домов, которые вернее было бы назвать хижинами. Встречать нас вышли одни мужчины. Длинных, точно бьющих ружей букиньеров я не заметил – видимо, их еще не начали делать.

Оба корабля спустили шлюпки. Мы остались на борту, разговаривать со встречающими отправились Мерфи и рыжий Моррисон. Спустя полчаса Мерфи помахал нам шляпой, и команда ответила восторженным гулом – можно было сойти на берег и загулять, как привыкли поступать пираты. Увы, впереди их ждало жестокое разочарование. Эта Тортуга не обещала им ни женщин, ни кабаков, а пойло, которое готовы были продать букиньеры, качеством не отличалось. Кристин отдала распоряжения насчет пополнения запасов провизии, назначила водоносов. С первой же шлюпкой, доставившей к нам копченое мясо, вернулся Моррисон.

– Они хотят тебя видеть! – сразу сказал он Кристин. – Говорят, что без тебя совета не получится.

– Я знаю, чего они хотят! – рассмеялась Кристин. – Кстати, «они» – это кто?

– Гомеш и Моник, – уточнил пират. – И знаешь, мне показалось, что больше командует она. Дюпон тоже на берегу, Гомеш его далеко от себя не отпускает. С ними четверо вооруженных людей. Они устроились в ближней к «Пантере» хижине, и Мерфи там с ними.

– Вот как? – Кристин задумалась. – Напишу-ка я им письмечко, пожалуюсь на недомогание. Пусть отложат совет до завтра. Но пока они будут читать, найдите возможность передать Дюпону другую записку. Думаю, он может нам помочь. И напомни Мерфи, что он обещал поговорить с командой «Пантеры» – англичане уважают этого Дрейка, так пусть переходят на нашу сторону. Пусть скажет им, что мы все равно возьмем свой кусок – только не у Дрейка, а действуя вместе с ним! Англичанам это понравится.

Спустя некоторое время Моррисон вернулся и сообщил, что записка французу передана незаметно. Он привез письмо для

Кристин, но та, бегло прочитав его, лишь рассмеялась, скомкала и швырнула за борт.

– Любезная Моник пишет, что как женщина понимает меня и готова поделиться какими-то снадобьями, если я сойду на берег! Она держит меня за идиотку, что ли? Джон и Роберт, я вас попрошу отправиться на остров и поторопить ребят с погрузкой провизии, пока они не напились. Только держитесь по дальше от Гомеша и его шайки!

Так мы и сделали. Обошлось без происшествий, купленной и переправленной на «Ла Навидад» еды должно было хватить до Панамы. Когда наступили сумерки, Кристин отправила на «Пантеру» сообщение: ей легче и она готова встретиться на берегу.

– Четырнадцать человек с «Пантеры» уйдут с нами, – тихо сказала она. – Будут ждать на берегу шлюпок. Наши все уже на борту, кроме тех, на кого полагаться не стоит. Клод, я надеюсь, готов... Пора действовать!

– Там наверняка будет засада! – я очень волновался, и не только за Кристин – у нее на шее висел дельфин. – Может быть, оставишь фигурку мне?

– Лишиться ее помощи в такой момент? – она фыркнула. – Временами ты говоришь почти такие же глупости, как Роб! Лучше слушайте, что надо делать. На «Пантере», спасибо Мерфи, есть теперь двое наших людей. Они готовы впустить вас на борт. Хочела пойти с вами, но все изменилось... Справитесь без меня?

– Но что там делать, если Гомеш на берегу? – не понял Роберт.
– Ключ у него наверняка с собой.

– Ключ с собой, а пороховой погреб остался на «Пантере»! – Кристин вздохнула. – Это будет мой козырь на самый крайний случай. Когда начнется стрельба, зажгите факел и машите им, чтобы было видно с берега. Я скажу Гомешу, что его корабль вот-вот взлетит на воздух, и мы как-нибудь договоримся. Захватить «Ла Навидад» он не сможет, силенок маловато, а других кораблей на Тортуге не имеется.

– То есть, на самом деле нам не надо прорываться к пороховому погребу?

– Да разве вам это по зубам? – Кристин заткнула пистолеты за пояс и поднялась. – Сделайте, что говорю – и достаточно. Желаю не познакомиться с пулями, я к вам уже привязалась. Будет туга – прыгайте за борт.

Я услышал, как Роберт скрипнул зубами. Показное равнодушие Кристин терзало его не меньше, чем страх перед островом Демона. Мы дождались, пока Кристин, Мерфи и еще несколько наших матросов войдут в хижину, где их уже ждали Гомеш и Моник. Время наша предводительница рассчитала точно: уже почти совсем стемнело и шлюпку, которую тихо спустили с «Ла Навидад», никто не заметил. Стараясь не плескать веслами, шестеро матросов доставили нас к корме «Пантеры». Почти сразу намбросили веревочную лестницу. Роб поднялся первым, я за ним. Но не успел я перебраться через борт, как встречавший нас пират тихо заговорил.

– Боюсь, ни черта у нас не получится! Гомеш снял с корабля почти всю команду, они только что ушли на шлюпках к берегу. Конечно, есть многие, кто не прочь поменять капитана... Но при таком раскладе они не пойдут против Гомеша. А как только он схватит Кристин и Мерфи, все козыри будут у него на руках. Пойду-ка я на бак, парни – не хочу, чтобы Гомеш меня вздернул, когда все провалится.

Пират ушел, а Роберт в темноте схватил меня за плечо.

– Джон, ты должен ей помочь! Скорее, помоши звать некогда! Шлюпка и люди здесь, так гребите к берегу, вы всемером сможете зайти им в тыл! А я здесь справлюсь один.

– Один?.. – растерялся я.

– Да быстрее же! Они ее убьют!

Мне было больно оставлять друга в такой момент. Но Роберт был прав: только я мог помочь Кристин. И еще... Дельфин был с ней, а без фигурки весь наш план ничего не стоил. Я вернулся в шлюпку.

Нам удалось высадиться на берег незаметно и я оставил матросов – в шестером они и так представляли значительную силу. Мне же было важно хотя бы попытаться предупредить Кристин. В любой момент ожидая выстрела или удара сабли, я пошел к хижине, старательно огибая костры, которые прямо на берегу жгли матросы и буканьеры. По пути я чувствовал на себе настороженные взгляды – нет, не выпить рому сошли на берег пираты с «Пантеры». У входа в хижину меня остановили окриком.

– У меня срочное донесение нашему капитану! – как можно громче выкрикнул я. – На «Ла Навидад» бунт!

– Бунт?! – дверь отворилась и наружу выглянула Гомеш. – Какой еще, разорви меня аллигаторы, бунт?! Впустите его!

Меня пропустили в хижину. За грубо сколоченным столом, на таких же табуретах сидели переговорщики. Мне сразу бросились в глаза пистолеты, которые Моник выложила перед собой на стол и теперь игриво барабанила по рукоятям пальцами. Я почти забыл, как она прекрасна… Испанские платья с кружевными воротниками шли ей куда больше мужского костюма.

– Здравствуй, Джонни! – воскликнула она. – Я по тебе соскучилась!

– Что за чушь ты несешь? – перебил ее Гомеш. – Какой еще бунт? Чего хочет команда?

– Команда хочет, чтобы ей тоже разрешили сойти на берег! – слова сами прыгали мне на язык. – С «Пантеры» сошли почти все, и с оружием, вот и наши хотят.

– Подумайте, какие предосторожности! – рассмеялась Кристин. – Вы что, адмирал, арестовать нас решили? Это не по правилам, общего собрания не было!

– Будет! – буркнул Гомеш. – Могу и арестовать. А могу и пристрелить, если не станешь говорчivее! Отдай Моник то, что принадлежит ей, и все останется, как есть.

– Есть с этими предметами такая беда… – Дюпон сидел в углу, и я сперва его не заметил. – Такая беда, дружище Гомеш:

украденные или отнятые они могут перестать действовать. Я бы на твоем месте не рисковал.

– Да? Что же ты тогда испугался и спрятал свою лягушку, если я не могу ее отнять?! – вскипел Гомеш. – Хватит врать, я давно тебе не верю!

– Верь или не верь, мне все равно, – меланхолично откликнулся француз. – Я ведь на твоих глазах бросил предмет в море! Почему ты так уверен, что я ее спрятал – не понимаю.

– Потому что мы видели только, как что-то сверкнуло над водой! – почти зашипела Моник, сразу став некрасивой. – Не пытайся нас провести! Ты выбросил только цепочку, а где лягушка, я еще узнаю. Дай срок!

– О-ла-ла! – Дюпон закинул ноги на стол и надвинул шляпу с пером на глаза. – Все это становится скучным.

– Согласна с Клодом! – Кристин, не вставая, уперла руки в бока. – Скучно. Если новых предложений нет, то, может быть, продолжим разговор завтра?

В хижине повисла напряженная тишина. Я быстро прикинул силы. Вместе с Гомешем, Моник и Дюпоном прибыло четверо пиратов, с нашей стороны – трое. Учитывая, что теперь подоспел и я, расклад был примерно равный. Вот только снаружи нас ждали несколько десятков заряженных мушкетов. Я пошевелил пальцами, готовясь выхватить из-за пояса пистолет. Это движение не укрылось от глаз Гомеша.

– Твоя пуля первая! – я глазом не успел моргнуть, а ствол уже смотрел мне прямо между глаз. – Хватит, Кристин! Если не отдашь дельфина сама, то вот с него и начну!

– Ладно, ладно! – к моему ужасу, Кристин сняла с шеи цепочку и серебристое брюшко дельфина сверкнуло в свете ламп. – Мерфи, передай игрушку адмиралу Гомешу.

Старый Джек, удивленно вскинув брови, протянул руку и принял фигурку. Оставив меня в покое, Гомеш тут же шагнул к Мерфи, и тогда Кристин выстрелила под столом, не показывая

пистолетов. Два пирата из команды «Пантеры» одновременно зарычали от боли. Прежде, чем пороховой дым успел заполнить все пространство, Гомеш наставил свое оружие на Кристин, но Мерфи успел выстрелить первым, прямо ему в грудь. Последнее, что я успел заметить – Моник схватила свои пистолеты. Но разобрать что-либо в дыму было уже просто невозможно. Я ударом ноги отворил дверь и выскочил наружу.

– Гомеш убит! Нужно новое собрание! – закричал я во все горло, надеясь, что наши противники остановятся.

Ответом мне стали несколько выстрелов из темноты, один из которых сбил с меня шляпу и пробил плечо выбежавшему за мной нашему матросу. Я отскочил от двери, не зная, куда стрелять. В задымленной хижине выстрелили еще несколько раз. Следующей на пороге появилась Моник и одним прыжком, словно кошка, исчезла в темноте. И тут же я услышал ее крик.

– Не стреляйте! Нельзя убить Дюпона, он наша дорога назад! Пускай сдаются, хижина окружена!

Я вжался в землю, не зная, что предпринять. Идти вперед означало попасть в плен. Выставив вперед пистолет, я осторожно пополз вдоль стены охотничьей хижины. Все лампы погасли, стрелки затаились – в этой темноте и тишине отличить своих от чужих было просто невозможно! Но мне повезло. Заглянув за угол, я уловил отблеск знакомого зеленого огонька.

– Кристин! – шепотом позвал я. – Не стреляй! За их спинами шестеро наших с мушкетами!

– Толку-то! – ворчливо ответила она. – И куда им стрелять? В нашу сторону? Вот спасибо за такую помощь.

– Надо прорываться, – я с удивлением узнал голос Дюпона. – Не ждать же, пока рассветет?

– Клод, у меня дельфин! Я уверена, что добегу до берега, а вы? Вас перестреляют, тем более у берега, на песке, всех будет лучше видно. Мерфи, отдай мне на всякий случай Ключ.

Я понял, что в целом наш план сработал. Получив все, что нужно, Кристин с товарищами выбралась из хижины через окно, предварительно разбив лампы. Теперь была очередь Роберта... Но один он, по всей вероятности, не справился.

—Джон, какого черта ты сюда явился?! —Кристин думала о том же.— Ты должен был помочь Робу, а тут мы бы уж как-нибудь справились!

Я набрал воздуха, чтобы ответить, но слова застряли у меня в горле. С моря долетел глухой, могучий удар. Я повернул голову и на фоне звездного неба увидел, как падали мачты «Пантеры», а сам корабль неспеша разваливался на части, выпуская на свободу бушующий внутри него огонь.

— Он взорвал погреб! —взвизгнула от восторга Кристин. —Он взорвал! Но кто, тысяча чертей, его просил?! Но он взорвал! Молодчина, Роб!

— Хватит стрелять! —перекрыл ее хриплый голос Мерфи. —Эй, все! Хватит стрелять —у вас ни капитана, ни корабля! Собрание!

— К черту собрание! —Кристин вскочила и потянула меня за рукав. —К шлюпкам, пока никто еще не опомнился! Но ты кричи дальше, Джек, пусть запутаются совсем!

Я обогнал девушку и пошел первым, стараясь хоть немного ее прикрыть. Пираты, словно обезумев, метались по берегу, со всех сторон доносились проклятия и выстрелы. Кто стрелял, в кого и зачем, не понимал никто. Я уверенно вел нашу маленькую группу к шлюпке, на которой приплыл. Но Кристин вдруг остановилась и обернулась, будто пытаясь разглядеть кого-то в темноте.

— Скорей, Кристин, тут неуютно! —появившийся Дюпон попытался увлечь девушку за собой, но она вырвала руку и принялась заряжать пистолеты. —Что случилось?

— А ты, Клод, разве не догадываешься, что у меня здесь есть еще одно дело?

— Ах, да! —он сразу догадался. —Я бы с удовольствием тебе помог, но сейчас темно, а чертовка слишком хитра. Стоит отложить это дело до рассвета.

– Слишком хитра, Клод! Слишком хитра! – Кристин зарядила пистолеты и присела на одно колено. – И понимает, что если мы уйдем на «Ла Навидад», она погибла.

Они говорили о Моник. Мне оставалось только вздохнуть – ну конечно, Кристин хочет отомстить! Но теперь, когда удача улыбнулась нам, это могло все испортить.

– Кристин, забудьте о ней! – попросил я. – Не нужно решать сгоряча, в конце концов...

– Отстань, Джон! Я чувствую, она где-то рядом! Лучше возьми шлюпку и проверь, что с Робом!

Подоспели отставшие в заварухе Мерфи и Моррисон, теперь, учитывая переметнувшегося на нашу сторону Дюиона, Кристин была надежно защищена. А вместе с ней, конечно, и дельфин. Я должен был, и правда, узнать, что случилось с Робертом, жив ли он вообще! Но Моник... Я все еще любил ее.

– А тебе разве все равно, что стало с Робом?! – крикнул я. – Если он погиб, то из-за тебя! Ему оказалось «по зубам» взорвать пороховой погреб!

Шепча проклятия, Кристин опустила пистолеты и поднялась на ноги, обернувшись ко мне и остальные. Она хотела что-то сказать, но раздался близкий выстрел и пуля оцарапала девушке плечо.

– Она здесь! – Кристин выпалила в темноту из обоих пистолетов, бросила их и выхватила кортик. – За мной!

– Стой! – Дюпон схватил ее за руку одновременно с Мерфи. – Она слишком хитра. И если увидела нас первой, уже не подставится под выстрел. В шлюпку!

Я кинулся им на помощь. Почти силой мы дотащили ругающуюся на чем свет стоит и одновременно плачущую от боли девушку до линии прибоя и отыскали шлюпку. Гребцы ударили в весла и вскоре мы были на «Ла Навидад». Поднявшись на борт, Кристин здоровой рукой продемонстрировала всем Ключ от Подземелья Демона, и ночь огласилась криками восторга.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Счастливый клинок

После того, как крики немного улеглись, Кристин приказала спустить шлюпки и искать Роберта. Я, конечно, отправился на одной из них, молясь про себя, чтобы мой друг выжил. Случись иначе, я бы до конца жизни не простил себе, что оставил его тогда. И мои молитвы были услышаны! Именно наша шлюпка и нашла его, бесчувственного, мертвой хваткой вцепившегося в обломок погибшего корабля. Мы выловили Роба из воды и поскорее отправились назад, оставив остальных спасателей помогать морякам «Пантеры» – некоторым удалось выжить, и их жалобные крики доносились из темноты.

Спустя час, выпив рому и обсохнув, Роберт смог все нам рассказать. Он говорил чересчур громко и время от времени заикаясь – сказывались последствия близкого взрыва.

– Все, кто был на борту, столпились на баке. Я осторожно прошел... И нашел пороховой погреб. Его не охранял никто! Я решил, что если насыплю дорожку из пороха до самого борта и встану там с факелом, большой беды не будет. Конечно, пришлось повозиться с замком... Но я все же из Лондона, я кокни! В чужих домах встречались замки и посложней. Взял бочонок, выбил затычку и насыпал пороху... Может, многовато... Я раньше так не делал! – Роберт улыбнулся, но вышло как-то криво. – Встал у борта, и как раз стрелять начали. Я зажег факел, стал сигнализировать, но...

– Понятно! – оборвала его Кристин, морщась от боли в перевязанной руке. – Тебе даже такого пустяка доверить нельзя! Хороший был корабль...

– Да черт с ним, с кораблем! – Мерфи решил заступиться за Роба. – Все к лучшему вышло.

– Хвали его! – капитан подвинула стакан и Мерфи налил ей глоток. – Да не жадничай, я капитан в конце концов! Хвали Роба, а потом он еще какую-нибудь глупость сделает, и взлетит-таки на воздух. Он же не знает даже, что над порохом нельзя размахивать факелом! Хорошо хоть за борт прыгнуть догадался.

– А я знал, что не могу погибнуть! – Роберт подмигнул мне. – И Джон не может погибнуть! Мы есть в будущем, а значит, тут с нами ничего не случится.

– В будущем, мой юный друг, Серебряный Караван достался Дрейку и его французскому компаньону! – мрачно сказал Дюпон. – А мы здесь за тем, чтобы он достался нам. И вы в самом деле думаете, что мы не сможем этого сделать? Будущее можно изменить. А поскольку каждое время для кого-то – будущее, то ничего неизменного в мире не существует. Поэтому я бы на вашем месте зря не рисковал. Кстати, капитан Кристин! Завтра надо уже отправляться, иначе мы можем не успеть. Серебряный Караван уже в Панаме, на пути от Тихого океана к Атлантическому.

Кристин и Мерфи переглянулись, а я немного переставил свой стул. Дело в том, что глаза Роберта... Меняли цвет! Загородив его от француза, я присмотрелся к Кристин. Нет, дельфин по-прежнему был у нее.

– Видишь ли, Клод, – заговорила он, – многим в моей команде не нравится идея ограбить Дрейка.

– Давно ли?! – Дюпон выпрямился на стуле. – Прежде эти люди отправляли на дно английские корабли безо всякого сожаления!

– Ну, то обычные корабли! – горячо воскликнул Мерфи. – Другое дело – сэр Дрейк! Да я когда-то служил под его началом, это великий человек и слава Британии!

Дюпон поморщился.

– И что же? Вместо того, чтобы легко взять большую добычу, мы будем месяцами рыскать по морям в поисках удачи? Ваши

люди очень скоро пожалеют о таком решении, но Дрейк и тридцать тонн серебра будут уже далеко!

– Сдается мне, ты почему-то уж очень хочешь насолить сэру Дрейку! – рука Мерфи легла на пистолет. – Почему ты отправил нас именно сюда, черт тебя возьми?!

– Тише! – прикрикнула на него Кристин. – Мне все это тоже интересно, Клод... Но давайте не ссориться. Мы решили идти на помошь Дрейку. С нашей помощью добыча будет больше, и мы свой кусок получим. К тому же, усилив Дрейка, мы можем уговорить его предпринять еще какой-нибудь рейд... В общем, там будет видно.

Дюпон, удрученно покачав головой, поднялся и молча вышел. Кристин выругалась и опять подвинула свой стакан Мерфи.

– Хватит, девочка! – попросил старик. – Ложись спасть. Во сне и царапина твоя быстрее заживет.

– Налей! – приказала капитан. – Ну, хоть капельку... Болит.

Мерфи засуетился, предложил поменять повязку. Пользуясь тем, что они отвлеклись, я вывел Роберта из каюты и схватил за грудки.

– Ты нашел лягушку Дюпона?

– Что?! – он все еще плохо слышал. – Что ты нашел?

– Да не я, а ты!

– Точно! – он хлопнул себя по лбу. – Вылетело из головы! Я когда порох из бочонка сыпал, она и блеснула в щели, возле самого борта. Едва выковырял – будто он сапогом ее туда вдавил! Вот же она!

Он разжал ладонь и показал мне знакомую фигурку. Я сразу взял ее и спрятал в карман.

– Если бы Дюпон заметил, что у тебя разные глаза – он бы уже ее отобрал! Но спешить отдавать ее не будем... Пусть пока побудет у меня, хорошо? А ты иди поспи.

Роберт так и поступил. А я, дождавшись, когда с палубы уйдет мрачный Дюпон, стал знакомиться с волшебной лягушкой.

Ох, как много я узнал в ту ночь о «Ла Навидад» и его команде... Палуба нашего судна была буквально пропитана кровью – на ней убивали в бою, казнили по приговору собрания команды, умирали от ран. Сколько ни драй эти доски, кровь не смыть. Она впиталась в самое сердце пиратского корабля, и теперь он, словно живое существо, делился со мной своей историей. Я узнал и о прежних хозяевах «Ла Навидад», но и при них здесь лилась кровь. История корабля была страшной, временами отвратительной, но перестать ее слушать я просто не мог. Было много и других страниц – путешествия, неизведанные острова, опасные мели и рифы... У «Ла Навидад» имелся свой характер: это был смелый, опытный корабль.

– Ты что тут стоишь такой бледный? – спросил меня под утро Мерфи, застав обнимающим мачту. – Заболел? Поговори с Моррисоном, он немного кумекает в этом деле, стал у нас почти что за доктора.

– Нет, просто... – я не знал, что соврать, и прятал выдающие меня глаза. – Скоро рассветет. Надо будет выбирать якорь, а то и правда разминемся с Дрейком.

– Может, и к лучшему? – Джек оглянулся через плечо и продолжил шепотом. – Понимаешь... Может, у меня от старости уже ум за разум заходит, но не доверяю я нашему лягушатнику.

При слове «лягушатник» я невольно схватился за карман, куда успел сунуть чудесный предмет.

– Видел, что он вечером делал? Бродил и присматривался к мушкетам наших ребят. Наконец выбрал один, поторговался и купил. Чистил его, что-то там поправлял... А у самого морда злая, решительная, усы торчком! Я боюсь за сэра Дрейка, Джон. Если уж кто и сможет наверняка прикончить человека с пары сотен шагов, то это Дюпон.

– Но зачем ему это может быть нужно?

– Да кто поймет этих французов?! Может, он хочет изменить историю. Британия отобрала морскую славу у Испании, но не

будь Дрейка... Почему бы Франции это не сделать? Тут полно тамошних корсаров. Ребята отпетые, слыхал я про многих из них. Кстати, и сэр Дрейк ведь Серебряный Караван не один перехватил.

– А с кем? – я понятия об этом не имел. – Кто-то помог?

– Я, когда был даже чуть помладше тебя, был юнгой на корабле Дрейка. Там служили и те, кто плавал с ним на «Паше», за этим самым серебром. И не только за серебром, конечно... Так что наслушался немало. Гийом Ле Тетю, вот как звали француза, с которым Эль Драко объединился. Всю добычу Дрейк приказал поделить поровну.

Вот теперь я понял, насколько серьезны опасения Мерфи! Если Дюпон патриот, и захочет помочь французскому оружию, то ему достаточно устраниć Дрейка и вступить в сговор с этим Ле Тетю. У буканьера достаточно информации о том, что надо сделать, чтобы французский корсар повторил подвиги английского! Особенно, конечно, если у Ле Тетю будет дельфин... Сообразил я и еще одну вещь: если ко мне, во время моего обладания фигуркой, приходил Прозрачный, то и к Дюпону тоже мог кто-то приходить. Я получил задание помочь Британии, почему бы не получить задание и ему?

– А есть какой-нибудь способ оставить Дюпона на Тортуге?

– Я уже предлагал Кристин вытащить из него всю информацию и бросить этого мошенника здесь! – всплеснул руками Мерфи. – Но она и слышать не хочет. «Клод не такой, Клод запутался, Клод нам поможет», и вообще, мол, так не поступают. Но он не член команды! Просто наш капитан девушка юная и не хочет видеть очевидного.

Да и мне давно казалось, что Кристин поглядывает на Дюпона как-то по особенному. Если это заметил и Роб, то его печаль становилась понятна.

– Да еще эта Моник! – Мерфи зло сплюнул за борт. – Как расветет, отправимся ее искать. Это все равно, что искать кобру!

Но как заставить девочку не мстить за отца? Дюпон ее поддерживает.

– Но ведь нет прямых улик! – я застонал от бессилия. – Никто не может точно сказать, что именно Моник виновата в смерти капитана! И вчерашнюю пулю мог выпустить из темноты любой.

– Ну, это ты зря... – Мерфи нахмурился. – Доказывать тут уже ничего не надо. Что ж, придется идти. И послушай: Роб совсем плох после взрыва, бредил всю ночь, а у меня ноги не молодые, по горам за Кристин не угнаться. Так что, Джон, ты за нее отвечаешь. Не пусти девчонку под пулю!

И утром, с трудом уговорив бледного, дрожащего как в лихорадке Роберта оставаться, мы отправились искать Моник. У самого берега нас ожидали те пираты с «Пантеры», которые заранее решили уйти с нами. Они теперь держались особняком от своих товарищей, но ночью приближаться к нашему кораблю побоялись. Кристин позволила им подняться на борт, а сама, во главе нашей небольшой группы, отправилась вглубь острова. Дюпон успел переговорить с букальерами.

– В поселке ее нет, – уверенно сказал он. – Охотники просто схватили бы ее, и продали нам. Моник это понимает и держится от людей подальше. Долго так не получится – охотники быстро найдут ее.

– Я хочу найти ее сама! – Кристин, почти оправившаяся от раны, шла с пистолетом наготове. – Охотники! Отвернись на минуту – и она станет командовать твоими букальерами! Она и сейчас, может быть, во главе целого отряда.

– Не думаю! – покачал головой Дюпон. – Ты же видела – те пираты, с которыми Мерфи не договаривался, даже подходить к нам боятся. Но все хотят на борт! Будь у них Моник, они уже притащили бы ее к тебе.

– Мне пока не нужны люди. К тому же я им не слишком доверяю. Пусть ждут здесь, сходим в Панаму – вернемся, и тогда заберем всех. Ты найдешь ее следы?

– Уже нашел!

Ловко прыгая по камням, француз отбежал чуть в сторону от тропы и вернулся с обрывком платья. Зорко огляделась, он указал нам направление рукой.

– Она где-то там! На скалы не влезть даже козе, поэтому, скорее всего, Моник недалеко. Растворяйтесь в цепь!

Мы с Мерфи попытались остановиться с Кристин, но капитан с руганью растолкала нас. Пришлось подчиниться. Солнце светило все жарче, и уже через час карабканье по камням пот заливал мне глаза. Оставалось только удивляться легкости движений Дюпона, который родился и вырос на этом острове несколькими десятками лет позже. С тяжелым мушкетом в руках, он то обгонял всех, то забирался на скалы и осматривал местность сверху. Он первым и заметил Моник.

– Там! – в этот момент француз оказался позади цепи. – Там, за тем валуном!

Мы кинулись в указанном направлении, собираясь в группу. Увы, ближе всех к валуну была Кристин, и побежала к нему со всех ног. Мерфи, сразу отстав, закричал мне что-то. Я не разобрал слов, но и без того знал, что должен позаботиться о девушке. Легко сказать! О Моник я старался не думать, потому что просто не знал, что сделаю, если Кристин приставит к голове авантюристки пистолет.

Я почти догнал девушку у самого валуна, и мы забежали за него вместе. Моник карабкалась на скалистый склон, ей оставалось всего несколько футов, чтобы скрыться из виду. В глаза мне бросились ее белые, но покрытые царапинами икры – чтобы ловчее передвигаться, Моник обрезала платье. То ли от вида неожиданно представших передо мной женских ног, то ли просто по воле судьбы я оступился и, едва не сломав ногу, упал на камни. Я видел, как Кристин прицелилась, и сердце мое остановилось вместе со звуком выстрела. Однако пуля лишь подбросила вверх камушек рядом с рукой Моник, забравшейся уже почти на самый верх.

Отчаянно завизжав, Кристин отшвырнула пистолет и выхватила саблю. До врага ей оставалось лишь несколько шагов. Моник обернулась, и я увидел, что платье у нее разодрано и на груди, а из выреза торчит рукоять пистолета. Мгновенно оценив обстановку, она хищно оскалилась. Я должен был стрелять! Но не мог... Моник вытащила пистолет и, подпустив размахивающую саблей Кристин еще ближе, хладнокровно выстрелила. Девушка упала, как подкошенная. Бросив на меня короткий взгляд, Моник подтянулась на руках и через миг исчезла за скалой.

Я побежал к лежавшей без движения Кристин и опустился около нее на колени. Вся сцена заняла лишь несколько секунд, и остальные только теперь добежали до валуна. Я молча показал, в каком направлении скрылась Моник.

– Двое туда! – кивнул на скалы Дюпон, на которого смерть Кристин, кажется, не произвела ни малейшего впечатления.
– Остальные за мной, я знаю эти скалы! Обойдем чертовку и возьмем в клещи!

Подоспевший наконец старик Мерфи принял ощупывать Кристин в поисках раны.

– Моррисон, останься! – крикнул он. – Сделай что-нибудь!

– А что сразу я? – заворчал рыжий пират. – Я зуб могу вырвать или ногу отрезать, чеснок от кишок помогает...

– Куда попала пуля?!

Они осмотрели ее вдвоем, но раны не нашли. Моррисон положил пальцы на шею Кристин.

– Сердце бьется, но как бы... Через раз, – сказал он.

– Смотрите! – я первым заметил набухающую на лбу девушки широкую багровую полосу. – Она не ударялась о камни лицом!

– Я такое уже видел один раз! – Мерфи сел на теплый камень, утер пот и полез в карман за трубкой. – Сабля ее спасла. Пуля угодила в клинок, а клинок приложил девочку по глупой головке.

– Ну, тогда… – Моррисон почесал затылок. – Водой на нее побрызгать, да? Вроде как обморок?

– Джек! – я оглянулся. Мы были здесь совершенно одни. – Джек, ты помнишь, о чем мы говорили? Если Кристин еще некоторое время не придет в себя…

Мерфи застыл с не разожженной трубкой в руке, а потом быстро запихал ее обратно в карман.

– Клянусь, ты кое-что соображаешь, Джон! Так, парни, берите ее аккуратно на руки и тащите к кораблю. Пока Кристин без сознания, капитана замещаю я!

Конечно, это было нечестно: воспользоваться беспомощностью Кристин, бросить на острове несколько наших матросов… Но как еще мы могли избавиться от этого зловещего Дюиона? В том, что он служит неким темным силам, я успел почти увериться. Оказавшись на берегу, Мерфи тут же приказал готовиться к отплытию и никого не ждать. Я забежал в поселок и первых же встреченных букиньеров попросил передать нашим людям и Дюпону, чтобы ждали нас на Тортуге. Оставалось надеяться, что француз так и поступит – без него Круг Времени не пустил бы нас назад. Но на кону стояло нечто большее. Будущее Британии, и, таким образом, всего мира.

Не прошло и часа, а «Ла Навидад» уже подходил к выходу из бухты. Бросив последний взгляд на остров, я увидел на берегу Дюиона, стоявшего, опервшись на мушкет. Мы оставляли его уже второй раз, но не это тревожило меня. Я отдал бы руку, чтобы узнать, что случилось с Моник. И сам теперь не знал, что бы предпочел. Мне было стыдно, очень стыдно, что я не выстрелил тогда…

Кристин очнулась под вечер. Ее мучила тошнота, головокружение, а событий последнего времени она совершенно не помнила. Всю ночь Мерфи и Моррисон провели возле девушки, пытаясь накормить ее бульоном с сухарями. Утром Кристин стало лучше и она проспала почти весь день, и лишь потом, бледная

и недоумевающая, вышла на палубу. Я стоял за штурвалом. Капитан подошла ко мне и посмотрела на компас.

– А куда мы плывем, ради морского дьявола?

– В Панаму! – как можно естественнее ответил я. – На встречу с Френсисом Дрейком.

– Не поняла... – Кристин оперлась на мое плечо и потерла переносицу. – Мы были на Тортуге! Кто командует на моем корабле?

Нам с Робертом и Мерфи пришлось потратить немало времени, чтобы как-то объясниться. Кристин порывалась развернуть «Ла Навидад» и вернуться за Дюпоном, но мы все же убедили ее не делать этого. Время шло вперед, и упусти мы Дрейка там, где он ждет Серебряный Караван – можем не найти его больше никогда.

– Ну хорошо, нам надо спешить... – неохотно согласилась Кристин. – Только вот о месте, где надо искать Дрейка, точно знал лишь Клод. Или я ошибаюсь, и кто-то из вас тоже помнит точные координаты?

– А нам не нужны точные координаты, – сказал я и показал капитану дельфина, висевшего на моей груди. – Я искренне хочу встретиться с Дрейком. Пусть лучше предмет будет у меня.

– Так, вы меня еще и обокрали! – Кристин всплеснула руками. – Хороши у меня друзья, нечего сказать!

Справедливости ради, я не крал дельфина. Когда Мерфи раздел девушку, чтобы уложить в постель, он сам снял с ее шеи цепочку и отложил в сторону. Я лишь нашел фигурку, когда зашел справиться о здоровье Кристин. Нашел и взял, но ведь не навсегда... Помня о том, что Дюпон с этим волшебным предметом не ладил и, возможно, именно потому, что украл его у Моник, я даже пообещал фигурке, что верну ее хозяйке, если она потребует. И дельфин слушался меня.

– Ладно! – капитан махнула рукой. – В самом деле, пора заняться разбоем. А то я стала какой-то сентиментальной. А с

этой гадиной Моник, надеюсь, Клод уже разобрался, потому что я больше ничего не желаю о ней слышать! Носи дельфина, Джон, попутный ветер нам пригодится.

Будто услышав ее слова, новый порыв ветра до предела наполнил наши паруса и «Ла Навидад» пошел еще быстрее. Так продолжалось день за днем, и никто уже не удивлялся нашей неубывающей удаче. Команда веселилась в предвкушении большой добычи – все уже знали, что Дрейк захватил Серебряный Караван вместе с французами. Отчего не занять их место и не получить их долю?

– Пустим их ко дну! – обещал Мерфи, подвыпив рому. – Вы все знаете, я неплохой канонир! Один толковый выстрел прямо в ватерлинию – и им уже не заделать течь на своих корабликах! «Ла Навидад» больше и крепче любого из них!

– Ура Черному Мерфи! – кричала команда. – Топить лягушатников!

Это стало для меня новым поводом для тревоги. Конечно, Ле Тетю и его пираты не сыграли большой роли в истории, но если изменить их судьбы – как знать, к чему это может привести? Я поговорил об этом с Робертом.

– Не забивай себе голову! – посоветовал он. – Сколько мы не строим планов, а получается всегда иначе. В одном я стал уверен: мы с тобой выберемся из этой заварушки живыми. Я ведь не погиб, когда взорвалась «Пантера»? А ведь спрыгнув за борт, даже до воды долететь не успел, когда меня будто огненным ветром ударило!

Был уже март, в моей далекой Шотландии началась весна. Но здесь, в Карибском море, царilo вечное лето. Мы подошли уже к самым берегам Панамы, но еще прежде земли увидели паруса. Вскоре до нас донеслись и глухие звуки пушечных выстрелов.

– Что там говорит дельфин, Джон? – Кристин забралась на бушприт и пыталась что-нибудь рассмотреть в подзорную трубу. – Дрейк здесь?

– Или на берегу... – неуверенно ответил я. – Но скорее, это его корабли.

– Четыре испанца! – наконец рассмотрела девушка. – И двое англичан. Это, значит, и есть те самые «Паша» и «Лебедь», на которых Дрейк увез в Англию добычу. Только не похоже, чтобы ему это удалось без нашего появления! Мерфи, готовь команду к бою. И отыщите британский флаг, поднимите его! Пусть знают, зачем мы здесь.

На протяжении всего плавания Кристин редко бывала весела, но близость сражения воодушевила ее. Щеки порозовели, глаза засверкали.

– Джон, дельфина мне! – она требовательно протянула руку.
– В бою он тоже отлично помогает! Это не честно по отношению к испанцам, но мы, в конце концов, пираты, а не леди и джентльмены на прогулке!

Когда мы приблизились, матросы на английских кораблях принялись размахивать шляпами и даже стрелять в воздух. Кристин отвесила им изящный поклон и занялась любимым делом, приказав мне править на ближайшего испанца.

– Правый борт, готовиться! – весело покрикивала она, расхаживая по палубе. – Да чтобы пушки били разом, а не как попало! Теперь лево руля, Джон!

Я послушно повернул штурвал. Испанские пушки выстрелили первыми, но большая часть ядер прошла над нашей палубой, никого не задев. Лишь одно или два ударились в толстый борт «La Навидад», но не пробили его.

– Пли! – скомандовала Кристин и пушки правого борта хором загрохотали.

То ли так помогал нам дельфин, то ли наши канониры были опытнее, но все ядра легли точно в цель. Палубу испанцев заволокло дымом, закричали раненые. Мерфи, как и планировал, выстрелил в ватерлинию и попал – я видел, как забурлила вода у большой пробоины.

– А теперь развернемся! – Кристин подскочила ко мне и помогла крутить штурвал. – Еще круче, еще! Почти на месте развернемся, где такое видано?! Иногда мне кажется, что с дельфином кораблем вообще править не нужно – стоит только захотеть, и все сделает ветер! Левый борт – готовиться! Правый – заряжать!

Действительно, уже через минуту-другую «Ла Навидад» повернулся к несчастным испанцам другим бортом и наши ядра снова посыпались на врагов. Снова взрывы – разрушения от наших выстрелов оказались чудовищны. Стариk Мерфи, ухитившийся перебежать на второй борт, повторил свой фокус и рядом с первой дырой в борту испанцев образовалась вторая, еще больше. Мы не успели отойти на сотню футов, когда их корабль начал крениться, матросы прыгали за борт.

– Вот так атака! – захохотала Кристин. – Мне нравятся разрывные ядра, когда они есть только у меня! Джон, мы добудем золота, найдем Клода, отправимся в будущее и купим там что-нибудь еще страшнее! Мы будем величайшими пиратами!

Мне происходящее было не очень приятно. Может быть, я скучный шотландец, но меня учили играть честно. На нашем корабле не было даже ни одного раненого, а испанцы шли на дно. С «Паши» и «Лебедя» до нас донеслись ликующие крики.

– А теперь давай поздороваемся с Дрейком! – Кристин указала мне на «Пашу». – Он там. Пройди борт к борту, чтобы мы могли перекинуться словечком!

Френсису Дрейку в то время было лет тридцать с небольшим. Я сразу увидел его – чуть выше среднего роста, темноволосый, с большими выразительными глазами он стоял на баке и при нашем приближении снял шляпу. Кристин ответила ему тем же, и я заметил, что Дрейк удивлен. Еще бы – не часто встретишь такого капитана! Да еще командующим большим кораблем с удивительно эффективным оружием. И «Паша», и «Лебедь» серьезно уступали в тоннаже нашему «Ла Навидад».

– Меня зовут Дрейк! – крикнул он, когда мы расходились, едва не соприкоснувшись бортами. – Кому я обязан такой неожиданной помощью?!

– Капитану Ван Дер Вельде! – звонко ответила Кристин и отсалютовала саблей. – Счастлива познакомиться! Кажется, мы успели вовремя?

– Появились неожиданно, как раз когда я высадил десант у того поселка, и...

Мы отошли слишком далеко и других слов Дрейка я не расслышал. Кристин снова взялась за подзорную трубу. Увлеченный Дрейком, я и не заметил, что три других испанских корабля вышли из боя, и теперь под всеми парусами двигались на юг.

– Может быть, не преследовать их? – спросил я. – Хватит на сегодня. Они поняли, что мы сильнее.

– Обычно благородные доны так себя не ведут! – сказала Кристин, не отрываясь от трубы. – Испанцы дерутся, как черти. У них есть какая-то причина убегать... Машут флагжками – обмениваются сигналами. Я не все вижу, и не все поняла, но, вроде как... «Да поможет каждому из нас Господь». Что бы это значило, Джек?

– У них что-то есть на борту? – тут же предположил Мерфи. – Хорошо бы проверить!

– Обязательно!

И ветер послушно наполнил наши паруса. Впрочем, мы легко нагнали бы испанцев и без помощи дельфина – слишком велика была разница в парусном вооружении. Поравнявшись с шедшим последним кораблем, мы дали залп почти в упор и тут же сблизились, зацепившись абордажными крючьями. Но сигнала к атаке Кристин давать не спешила. Несколько испанцев попытались освободить борт своего корабля, но были убиты меткими выстрелами из мушкетов.

– Если вы хотите сделать ваших жен вдовами – сражайтесь! – закричала по-испански Кристин. – А если хоть немного жа-

леете их – сложите оружие! Тогда я обещаю вам жизнь и даже свободу. В противном случае, клянусь, умрут все! Это говорю я, капитан Ван Дер Вельде!

– А почему у капитана голос ребенка?! – тут же ответили с испанского корабля.

– Хочешь вылечить шпагой мое горло?! – Кристин, красная от ярости, вскочила на борт с саблей в руках. – Выходи, попробуй!

Из кормовой надстройки вышел богато одетый мужчина в кирасе. Роберт вскинул мушкет и приготовился стрелять, но этого не потребовалось: испанец, вытащив шпагу, сломал ее о колено и швырнул обломки в море.

– Мы сдаемся, капитан-девочка. Но не тебе, а твоим пушкам.

– Болтай, болтай! – Кристин вернула саблю в ножны. – Что тебе еще остается? Ребята, разоружите и заприте испанцев, а потом хорошенечко все осмотрите!

Спустившись в трюм, мы были потрясены. Корабль вез индейское золото! Несколько бочонков были доверху наполнены масками, украшениями, фигурами языческих идолов, какими-то плитками, видимо, содранными со стен... Немало, конечно, было и серебра. Мы смотрели на это богатство совершенно потрясенные.

– Будто времена Кортеса вернулись! – произнес, наконец, Мерфи.

– Эй! – Моррисон свесил в люк рыжую голову. – Испанцы говорят, здесь где-то золото, и на тех двух, что впереди – тоже! Кристин поднимает паруса, здесь останутся только десять человек!

– Проклятье! – Мерфи оперся на стену, чтобы не упасть. – Так и на том, что я пустил на дно, было то же самое! Лопни моя паскудная голова – зачем я это сделал?!

Но жалеть об утонувших сокровищах было поздно. Мы вернулись на «Ла Навидад» и продолжили преследование. Два испанских капитана, поняв, что уйти не удастся, попробовали атаковать нас вместе, но успеха, конечно, не достигли. Кристин нахально прошла прямо между ними, дав залпы с обоих бор-

тов. Недолгие переговоры привели к тому, что испанцы сдались – при условии, что Кристин гарантирует всем свободу.

– Я – капитан Ван Дер Вельде! – хохотала она. – И если у вас в трюмах то, о чем я думаю, я вам даже корабли оставлю! Клянусь, это было бы просто скучно, если бы не золото!

Так все и оказалось: испанцы отыскали где-то в сельве индейский город и неплохо поживились. На обратном пути они увидели, как Дрейк грабит побережье, и на свою беду решили вмешаться. Когда все сокровища оказались на «Ла Навидад», мы выбросили в море весь запас ядер испанцев, и просто покинули их. Так же поступили и с первым из захваченных кораблей. На испанцев было жалко смотреть: все то, ради чего они месяцами сражались, гибли от стрел и болезней, поменяло хозяев за какие-нибудь два часа.

Усталые и довольные, мы собирались в капитанской каюте. Кристин на радостях поцеловала фигурку дельфина.

– Вот что называют настоящей удачей! Первый рейд – и такой успех! Роб, дружище, налей всем рома! Сегодня-то, Мерфи, ты не будешь ворчать, что девушке моих лет так хлестать не положено?

– Я вот что думаю… – Мерфи раскурил трубку и поудобнее развалился в кресле. – Не слыхал, чтобы у Дрейка была такая добыча.

– А при чем тут Дрейк? – фыркнула Кристин. – Дрейк пускай гоняется за своим Серебряным Караваном! Это наша добыча, и только наша. Дрейку и знать о ней незачем.

– С таким богатством мы можем возвращаться! – воскликнул Роберт. – Добычи хватит на всех!

– Не торопись! – Кристин погрозила ему пальцем. – Добычи будет достаточно, когда чтобы ее уложить, нам придется выбрасывать за борт бочки с пресной водой. Мы еще погуляем в этих краях… И в этих славных временах! Но сначала, конечно, познакомимся поближе с Дрейком. Насколько я понимаю, он сейчас пытается отыскать в крохотном брошенном городке хоть пару монеток! Великий пират, нечего сказать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Герой Британии

Когда мы вернулись к городку, названия которого я так и не узнал, над ним уже вовсю курился дым. Сжигать поселение Дрейк приказа пока не отдал, но разумно полагал, что спрятавшимся в лесах жителям столбы дыма не понравятся. Грабеж неспособных защитить себя колоний всегда строится по одной схеме: жители убегают в труднодоступные районы, прихватывая с собой все ценное, а пираты отлавливают запоздавших неудачников и пытают, чтобы узнать, куда скрылись остальные. Если по каким-то причинам отыскать жителей не удается, город и прилегающие к нему плантации начинают понемногу уничтожать. Как правило, горожане присылают делегацию, которая и договаривается с пиратами о размере выкупа.

Мы высадились на берег, но команда не спешила разбегаться по брошенным домам – опытные морские разбойники понимали, что брать там после людей Дрейка нечего. Подбежавший к нам матрос сообщил, что капитан ждет нас в губернаторском доме. Долго искать его не пришлось: в крохотном поселении было только одно двухэтажное строение, не считая небольшого форта.

Прямо перед резиденцией Дрейка его люди подвесили за руки полуголого старика-испанца и нещадно охаживали его кнутом, что-то выпытывая. И эта сцена, и многие другие, виденные мной в том городке, убеждали: Френсис Дрейк совсем не тот человек, которого так почитал мой дед Джон. В его поведении не было ничего ни от благородства, ни от патриотизма, вообще никаких высоких мотивов. Только грабеж, только наjива.

После недолгих расшарикований, капитан Дрейк пригласил нас отужинать. Стол был небогат – воспользовавшись тем, что

англичанам пришлось отвлечься на морской бой, жители унесли и почти все съестное. В изобилии оказались лишь фрукты, столь дешевые в этих местах. Я воспользовался случаем попробовать что-нибудь новое и немедленно испачкал чистую рубаху – из красной ягоды так и брызнул сок, стоило мне прокусить кожицу. Мне сказали, что ягоды эти называются «томаты».

– Значит, вы сами по себе... – задумчиво сказал Дрейк, выслушав короткий и полностью выдуманный рассказ Кристин. – Что ж, я рад, что вам сопутствует удача. А мы – приватиры, в Англии меня ждут пайщики. И им мало окупить вложенные в предприятие деньги, им нужна прибыль! А где ее взять? У меня только два корабля, а испанцы, когда везут что-то действительно ценное, формируют целую эскадру... На вас удачи хватило, а на меня вот – нет. Потрошу крохотные городки, и без того нищие, перехватываю суда, на которых ничего ценного не оказывается!

Дрейк был уже немало пьян. Он ударил с досадой кулаком по столу и опять потянулся к рому. Кристин с трудом удерживалась, чтобы не рассмеяться, и тайком толкала меня ногой. Мне было стыдно за нашего национального героя.

– Зачем тогда вообще заниматься пиратством, если оно убыточно? – спросил я.

– А чем еще, черт возьми?! – Дрейк снова ударил по столу. – Я пытался возить рабов из Африки. Они нужны плантаторам, на них большой спрос! Но испанцы запрещают своим колониям торговать с иностранцами. Если бы королева догадалась прислать сюда флот, мы заставили бы их силой! Но она решает свои дворцовые проблемы.

– Но разве вы не хотите перехватить Серебряный Караван? – Кристин снова толкнула меня ногой. – Эта добыча могла бы сразу компенсировать все расходы.

– Я гоняюсь за этим серебром уже несколько месяцев! Все впустую. Испанцы слишком осторожны. Они везут его с рудников по Тихому океану, а потом где-то здесь, в Панаме, пере-

правляют на берег Атлантического. Я уже дважды был близок к захвату Каравана! Все впустую... – повторил он и понурил голову. – Его не взять. Два дня назад мы встретили французскогоcorsара, Гийома Ле Тетю. И он о том же: давай объединим силы, у меня есть точная информация от беглых негров с плантаций! Тоже мне, точная информация... Уж лучше я вытрясу немногоденег из этого городка, чем снова потеряю время.

Мы с Мерфи переглянулись. Я перестал что-либо понимать. Передо мной сидел мелкий, жадный пират-неудачник. Через окно доносились крики пытаемого старика.

– А сегодня нам вообще пришлось бы туго, если бы не вы! – вскинул голову Дрейк. – У вас чертовски славный корабль, капитан Кристин!

– Благодарю! – Кристин просто расцвела. – И неплохие пушки, как вы могли заметить! Ядра я заказываю в Голландии.

– Ядра! – Дрейк вздохнул и налил всем рому. – Ядра, начиненные порохом... Значит, в Голландии их уже научились делать? А у нас пока нет. Хорошо еще, что и у испанцев не получаются! Хотя, как я слышал, они пытаются. Но эти ядра через раз взрываются прямо в пушках! У вас совсем другое дело. Послушайте, капитан Кристин – а почему бы нам не объединиться? Вместе с вашим «Ла Навидад» мы могли бы неплохо погулять!

– Я подумаю над вашим предложением, – пообещала Кристин, хотя на ее лице было написано «Нашел дуру!».

– Вместе мы могли бы еще раз попробовать захватить Серебряный Караван! – я решил вмешаться. Нужно было как-то передать Дрейку дельфина. Как – я понятия не имел. Но только волшебный предмет мог изменить жизненный путь этого человека. – Я уверен, у нас бы получилось!

– Серебро надо перехватывать на суше, – вздохнул Дрейк. – Там ваш корабль не поможет, и пушки в эти заросли не потащишь. Так что... Если хотите – найдите Ле Тетю. А я... Прошу извинить, я слишком устал.

Он поднялся и, пошатываясь, вышел из столовой. Кристин наконец смогла дать волю эмоциям.

— Так вот он какой, ваш знаменитый Дрейк! Подбирает всякую мелочевку, а настоящее золото, которое было у него под самым носом, упустил! Герой, нечего сказать! — Она подошла к окну. — Эй, вы! Перестаньте мучить старика хотя бы пока мы не уйдем, или, клянусь, я привяжу вас к своему килю!

— Может быть, с ним что-то произойдет? — Мерфи, крепкий старик, от расстройства выглядел полной развалиной, даже руки дрожали. — Что-то, что изменит его жизнь? Я помню его совсем другим человеком... Но, конечно, гораздо старше.

— Ну, дело не мое! — Кристин схватила со стола апельсин и направилась к выходу. — Но как он нашими ядрами заинтересовался, а? И «La Навидад» ему понравился! Конечно, не его корыта!

Мы поспешили следом. Я был почти уверен, что все дело в дельфине. Но как забрать его у Кристин? О том, чтобы быть с ней откровенным, и речи быть не могло. Но и обманывать ее мне совершенно не хотелось — я давно привязался к Кристин и уважал ее, несмотря на излишнюю кровожадность.

Наши матросы коротали время возле шлюпок. Как выяснилось, им удалось подстрелить чью-то козу, бесхозно гулявшую по плантации. Теперь она жарилась на костре, а пираты в нетерпеливом ожидании распивали ром.

— К нам подходили парни из команды «Паши» и «Лебедя», несколько раз, — доложил Моррисон. — Ром приносили, и джин, и вино! Расспрашивали о корабле, о капитане, о пушках и ядрах... И глаза у всех лживые. Это Дрейк их научил высматривать! Даже на борт просились — мол, интересно им! Знаешь, капитан, нас почти столько же, сколько их на обоих кораблях, но я бы советовал держать ухо востро!

— Не твоя задача мне советовать! — сурово ответила Кристин.
— Сама все вижу. Только Дрейк не рискнет, испугается. Он и се-

годня хотел попробовать нас скрутить за ужином, да испугался и с горя напился! Я видела вооруженных людей на заднем дворе дома, они были готовы.

– Не может быть! – обиделся я за Дрейка. – Он все же благодарен нам за помощь!

– Ты все еще очень наивен, Джон. Сам Дрейк в такой ситуации никогда бы не помог другим, если бы не имел своей выгоды. А меня он, наверное, просто считает идиоткой: я ведь сказала, что пустила испанцев на дно! Выходит, попусту теряю время. Серый человечек, скучный. Даже покойный Гомеш был способен на риск, на глупости, а этот... Никогда. И все же до темноты все должны быть на борту!

Оставив Кристин на берегу дожидаться козлятины – за ужином она почти ничего не ела, мы с Мерфи пошли немного пройтись. Подойдя к караулившим шлюпки пиратам Дрейка, стариk закурил трубку и затянул разговор, тоже надеясь что-нибудь выведать. Он предложил табака и матросам, но те, к моему удивлению, все оказались некурящими. Я сделал вывод, что вонючая привычка в те годы была еще мало распространена даже среди моряков.

Скучая, я присел на борт их шлюпки и тайком коснулся в кармане волшебной лягушки. Шлюпка отклинулась, и послушно принялась рассказывать свою историю. И мне повезло: именно на этой шлюпке Дрейк плыл к берегу уже после первой встречи с нами. И вот что он сказал одному из своих помощников:

– Это лучший корабль, который я когда-либо видел! И лучшие пушки. А ядра! При этом капитаном у этих дураков – какая-то горластая девчонка. Если бы не их пушки... И еще, конечно, не верится, что капитан – именно она. Может быть, все куда сложнее?

– У них большая команда! – заметил неизвестный собеседник. – Лучше сперва присмотреться к ним поближе.

– Ле Тетю обещал пройти вдоль побережья и найти нас – я ведь так и не дал ему окончательного ответа насчет Серебря-

ного Каравана. У него два корабля. Все вместе, если застанем их на якоре, можем попытать счастья. Приучите пока команду «Ла Навидад» брать от нас спиртное, угощайте. Когда придет нужный момент – наш лекарь сможет кое-что туда подмешать. Вот только как быть с французами, если дело выгорит?.. Этот корабль должен достаться только мне!

Я слушал, внутренне холода от омерзения. И этот человек должен получить дельфина, чтобы стать героем? Кристин заслуживала этого намного сильнее!

– Ты сомневаешься?

Передо мной появился Прозрачный. Я убрал руку с борта шлюпки, но он не исчез. Его силуэт был едва различим на фоне заходящего за далекие горы солнца, и все же я видел его достаточно четко. В то же время я краем уха слышал и болтовню моряков.

– Ты сомневаешься? – повторил Прозрачный. – Тебе не понравился Френсис Дрейк и ты уже не хочешь отдавать ему дельфина?

– Не хочу, – одними губами шепнул я. – Он жадный и подлый человек.

– Лишь страх делает его таким. Страх и неверие в себя. Поверь, Дрейк талантлив и расчетлив одновременно. Он любит море и любит свою страну. Да, он любит и деньги... Но честолюбие – вот его настоящая страсть. Сейчас ему трудно, он понимает, что добиться большего просто не в силах. Экспедиция, на которую он очень рассчитывал, не принесла ему ни денег, ни славы.

– Но он хочет напасть на тех, кто помог ему!

– Я знаю о людях несравненно больше, чем ты или кто-то другой из живущих на земле. Дрейк искренне благодарен судьбе за спасение. Именно судьбе. А Кристин – нет. Она скорее унижила его, легко разделавшись с испанцами. Для вас это было слишком просто... И Дрейк слишком умен, чтобы поверить хоть единому вашему слову.

– Все равно у меня нет возможности передать ему дельфина. А Кристин, похоже, не хочет поддерживать с ним отношения. Значит, мы скоро снимемся с якоря и больше я Дрейка не увижу.

– Ты не можешь знать, когда и с кем еще встретишься. Этого не знаю даже я. А что до того, как передать дельфина... Может быть, он сам тебе и поможет? Думаю, мы достаточно пообщались.

– Постой! – попросил я. – Я хочу знать, кто ты! И еще я хочу знать про остров Демона!

– Кто я – ты просто не поймешь, Джон, – Прозрачный начал будто таять, исчезать вместе с последними лучами солнца. – А демон не имеет собственной воли, он лишь слуга, слуга зла. Ты ведь знаешь о Башнях Сатаны, и видел одну.

– Дюпон! – вспомнил я в последний момент. – Дюпону кто-то поручил убить Дрейка?

– У всех, кто вершил историю, есть враги...

Последние слова Прозрачного я едва расслышал, стало совсем темно. Мерфи выколотил трубку и поднялся.

– Идем, Джон! А то капитан рассердится!

– И заколет обоих булавкой для волос! – рассмеялся кто-то из команды «Паши». – Вы там, наверное, по воскресеньям в пальцах расхаживаете?

– И играем в кукол! – бросил Мерфи через плечо, отходя. У шлюпки снова раздался гогот. – Не обращай внимания, Джон. Но дело плохо. Команда и слышать не хочет о Серебряном Караване. Один раз они уже ушли далеко от берега, и почти перехватили серебро, но все сорвалось в последний момент... Погибло семеро. Больше никто рисковать не хочет. Да и вообще авторитет Дрейка невелик, добычи мало. Не понимаю, как такое может происходить.

– Хорошо бы уговорить Кристин задержаться здесь еще на несколько дней, – скрепя сердце, предложил я. Мне не нравился Дрейк, но если не он – кто обуздает Испанию, кто спасет Британию от Великой Армады? – Может быть, что-то изменится.

– Ума не приложу, что может измениться, и как уговорить Кристин. Она говорила что-то о Гаване – мол, с нашими пушками можно решиться штурмовать город. Сумасшедшая! Гавана укреплена посерьезнее вот этой деревушки. А запас ядер у нас не безграничен. Чем стрелять потом? Кусками чугуна? Они хороши только для развлечения, ты сам видел. По хорошему, стоило бы со всем тем золотом, что вот-вот проломит нам днище, забрать ребят с Тортуги и плыть к проклятому острову. Для первого рейда и так хорошо.

– А что ты скажешь, если вернувшись в наше время, мы увидим там сплошь испанские флаги? В том числе и над Англией, и над Шотландией? Или, например, выясним, что вокруг света после Магеллана смог проплыть этот Гийом Ле Тетю! И Франция – владычица морей!

Мерфи только сплюнул и выругался. Мы вернулись на «Ла Навидад» с последней шлюпкой. Поднявшись на палубу, я столкнулся с Робертом, который поманил меня за собой.

– Кристин поручила мне пересчитать добычу, чтобы правильно поделить. Работы много, и я взял в помощники Гарри-Висельника, он все же в приходской школе когда-то учился. И вот что интересно... – мы вошли в капитанскую каюту, где никого не оказалось. Джон положил на стол листок с расчетами и продолжал: – Представляешь, там есть несколько распятий! Причем разных. Есть обыкновенные, похожи на испанские. Эти больше из серебра. А есть индейские! Ну просто их работа, кто раз видел – уже не перепутает! И выходит, что на кресте висит индеец... Грешно, конечно, но смешно ужасно!

– Наверно, крещеные индейцы сделали, – предположил я.

– Наверное. И еще: сперва мы нашли золотую табличку, с чеканкой. Там что-то вроде крепости и буквы. Большую часть мы не разобрали, но Висельник неплохо знает французский. Так вот, он говорит, что там точно есть слово «тамплиеры». Ну, храмовники по нашему! Рыцари храма, слыхал о таких?

– Совпадение! – я не верил своим ушам. – Их когда еще сожгли! А у индейцев, я слышал, полно всяких символов, напоминающих на наши буквы.

– Ага, только потом мы еще кое-что нашли! Круглая такая золотая штука, вроде как медаль или вроде того. А на ней – два всадника на одном коне! Висельник сразу сказал: это эмблема тамплиеров. Мол, они все содомитами были, за то их и сожгли. И вот такой знак себе придумали. Якобы у них денег на вторую лошадь нет. А сами-то были богачи! – Роберт пребывал в прекрасном настроении. – Богачи, как мы теперь! И все же странно – откуда тут знают о тамплиерах? Впрочем, нам-то какое дело. Кстати, Кристин хочет на рассвете поднять якорь, чтобы сделать нас всех еще богаче! У нее какой-то план.

– Ты же сам говорил: планируем одно, а выходит всегда другое... – мрачно припомнил я.

– И верно, – согласился Роб. – Плыли к Дрейку, а оказалось, он нам и не нужен. Зачем нам караулить это серебро, да еще на суше? Мы на море сильнее всех! Зато золото само пришло в руки, когда никто этого не ждал!

Роберт вышел, а я остался сидеть в каюте. Надеясь узнать что-нибудь о планах Кристин, я второй раз за вечер воспользовался лягушкой. И уже когда капитанский стол заговорил со мной, я вспомнил, что Дюпон, прежде чем отдать мне дельфина, о чем-то говорил с Ван Дер Вельде. Вот тогда я и выслушал их разговор, от первого до последнего слова.

Когда я узнал все, мысли мои совсем перепутались. Выходило, что мы с самого начала плыли за золотом тамплиеров, а вот теперь его получили, хоть и совершенно неожиданным образом. Испанцев толком никто не допрашивал, на радостях мы просто оставили их в покое и уплыли. Теперь я жалел об этом. А что, если они возвращались с острова Демона? Теперь мы вернем туда золото и... Что за странный круг должен замкнуться? Мне стало не по себе.

Кристин вошла, хлопнув дверью, и я вернулся в реальность. Она внимательно посмотрела на меня и усмехнулась.

– Значит, лягушка Дюпона у тебя? Ловкий ты парень, Джон: вроде простак простаком, а все волшебные предметы у тебя оказываются.

– Вот она, – я, повинуясь внезапному импульсу, выложил лягушку на стол. – Бери, если хочешь. Или отдавай Робу, это ведь он ее нашел.

– Робу, так Робу... Сам и отдавай! Хотя вообще-то фигурка принадлежит Клоду. Ты что такой весь – будто лимон разжевал?

– Отдай мне дельфина, – просто сказал я. – Он мне очень нужен.

– И что же ты задумал?.. – она сложила руки на груди и поджала губы. – Прости, Джон, но ты член команды. Я должна знать, чего ты хочешь, ведь дельфин окажет воздействие на всех нас. Я – капитан этого корабля и отвечаю за все.

– Я передал тебе дельфина на хранение, и ты обещала отдать его мне по первому требованию!

– Да когда это было! – Кристин криво усмехнулась. – Тогда еще отец был жив. А теперь шутки кончились, я капитан, а ты член команды.

– Тогда вычеркни меня из своей команды! – я вскочил. – И в доле от награбленного я тоже не нуждаюсь! Я никогда не хотел стать пиратом, если ты помнишь.

– Ах, так?! Ты, значит, у нас честный порядочный мальчик, а мы все – отбросы, ворье? Так и не понял, что никто не поступает иначе? Но только мы поднимаем черный флаг открыто! Посмотри хоть на своего героя Дрейка! – она сорвала с шеи цепочку с дельфином и швырнула его мне. – Забирай! Я капитан Ван Дер Вельде, и справлюсь без помощи колдовства! Я со всем спрашиваю, можешь убираться!

Я вышел из каюты с тяжелым сердцем. Но что я еще мог сделать? Мириться, просить прощения? Попытаться все объяс-

нить? Времени на это просто не оставалось. Я сразу прошел к борту, вытащил из-за пояса пистолет и отстегнул саблю. Чуть помедлив, положил рядом с ними и серебристую лягушку.

– Ты что это делаешь? – окликнул меня Роберт.

– Сам толком не знаю, – я повесил дельфина на грудь. – Я тут оставил тебе фигурку в подарок. Уверен, что мы еще увидимся, Роб... Но на всякий случай, прощай.

Он крикнул что-то еще, но я не стал слушать и прыгнул в воду. В темноте мне плавать еще не доводилось – это было жутко, повсюду мерещились акульи плавники. Но дельфин надежно охранял меня, и волны сами несли к берегу. Еще не выбравшись на песок, я понял, чего сейчас по-настоящему хочу: избавиться от дельфина. Пусть он служит тому, кому предназначен.

Я надеялся, что Дрейк ночует на берегу. Так оно и оказалось: у дома губернатора был выставлен караул. Но когда я решительно пошел к дверям, пираты, переглянувшись, расступились. Двое последовали за мной. Я поднялся на второй этаж и безошибочно отыскал спальню, где и застал хозяина. Он сидел на кровати, без сапог и камзола, и мрачно смотрел в пустой стакан.

– Почему без стука? – хрипло спросил он, не повернув головы.

– Судьба не стучится, сэр Френсис! – уверенно сказал я и встал перед ним. – Я должен вам кое-что передать.

Дрейк удивленно оглядел меня с головы до ног. Капли воды все еще стекали с моей одежды, сапоги оставляли мокрые следы.

– Какого черта?.. – растерянно пробормотал он и повернулся к своим людям. – Почему вы его пропустили без доклада? Что происходит?

Моряки замешкались с ответом, и тогда я просто протянул Дрейку дельфина. Секунду он рассматривал его на моей ладони, потом схватил и приказал караульным выйти за дверь.

– Не может быть! – он поднес фигурку к лампе. – Или я слишком пьян, и ничего не понимаю... «Колумбов дельфин»?! Как там тебя, Джон, объясни мне что-нибудь!

– Джон Мак-Гиннис, к вашим услугам, – я церемонно поклонился. – Если вы знаете, что это за фигурка, то зачем что-то объяснять? Вас ждут великие дела, сэр, а я всего лишь должен ее вам передать. И не спрашивайте, от кого.

– «Колумбов дельфин»... – медленно повторил он. – Легендарный талисман... Я слышал, что он пропал, а потом неизвестный человек передал ее Магеллану перед самым отплытием. Но Магеллан не вернулся в Испанию, и дельфин снова исчез... Он и правда повелевает ветрами?

– Он лишь помогает преодолевать трудности, – уточнил я, припоминая, что говорил Прозрачный. – У некоторых людей есть особые враги. Ваши плавания не будут легкими. Но с дельфином вы преодолеете все.

– Проклятье! – он посмотрел на меня и я заметил, как изменилось выражение его лица. Похмельного неудачника больше не было, передо мной стоял решительный, властный человек. – Плаванья! Да, я хотел бы повторить путь Магеллана... Только с некоторыми дополнениями – давно пора заглянуть на ту сторону континента и пощекотать испанцев в Тихом океане! Чили, Перу! Но постой, ты ведь с «La Навидад»... Послушай, может быть, скажешь мне правду: откуда у вас такое оружие?

– Мы приобрели его в Голландии, – я сделал свое дело, и подводить Кристин не собирался. – Теперь, наверное, я должен откланяться... Ах, да! Сэр, вы смело можете идти за Серебряным Караваном, один или с тем французским корсаром – если не уносить дельфина слишком далеко от моря, он поможет и на суше. Вы получите и серебро, и золото. А потом вас ждут великие дела.

– Вот как? – он о чем-то раздумывал. – Может быть, капитан Кристин Ван Дер Вельде присоединится к нашей экспедиции? Я отдал бы ей половину.

– Боюсь, нет, – я знал, что он все еще надеется заполучить «La Навидад». – И помните: когда вы касаетесь дельфина, ваши

глаза меняют цвет. Возможно, всем знать о том, что предмет у вас, ни к чему?

Я поклонился и вышел. Пираты снова пропустили меня и остались стоять у дверей, пока я спускался по лестнице. Я боялся, что Дрейк крикнет тем часовым, что остались у ворот, чтобы они меня задержали. Но ничего не произошло. Бросив последний взгляд на дом, я увидел Дрейка в окне. Он поднял руку, прощаясь.

Спустя еще несколько минут я снова был на берегу, глядя на далекие огоньки – там покачивался на слабой волне «La Навидад». Примет ли Кристин меня назад, или навсегда оставит на этом берегу? Я не решался плыть к кораблю. По сути, я ограбил всех тех, кто уже довольно давно разделял со мной и беды, и радости, во всем помогал. Погруженный в невеселые размышления, я вздрогнул, когда меня окликнул Роберт.

– Ты ведешь себя не по-товарищески, Джон.

– Прости, но так было нужно... – я только развел руками. – Дельфина у меня нет.

– Вот оно что! – Роберт пнул ногой песок. – Ну конечно, великий сэр Френсис Дрейк! Я тоже раньше думал, что он великий... Только знаешь, Джон, ты просто не имел права так поступать. Теперь наше плавание куда опаснее, чем прежде. И за это кто-то обязательно заплатит жизнью, понимаешь? Кто-то из нашей команды.

– Оставите меня здесь?

– Нет! – он повернулся и пошел вдоль воды. – Шлюпка за мысом, если ты собираешься вернуться на корабль. Но ты больше не член команды. Кристин сказала, что ты теперь пассажир, а твоя доля от золота – плата за проезд.

Вздохнув, я поплелся следом. Одна мысль немного грела мне сердце: если Роберт где-то в будущем подарит мне книгу стихов Бернса, то мы обязательно помиримся.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Подвиг и расплата

Конечно, не все знали, что именно произошло, но на корабле я стал чужим. Кристин со мной просто не разговаривала, да и большая часть команды старалась не замечать. Исключение составлял лишь Мерфи. Джек считал, что я поступил правильно, хотя при капитане, конечно, помалкивал.

От идеи высадить десант в Гаване, предварительно расстреляв с моря их форты, Кристин все-таки отговорили. Пусть их батареи и послабее наших пушек, зато стены куда толще и крепче бортов «La Навидад». Поэтому мы просто шли в направлении Кубы, без какой-то определенной цели.

Заниматься какой-либо работой на корабле Кристин запретила мне категорически. Мне не позволялось даже сращивать канаты или чинить паруса. На палубе передо мной все рассступались, с издевкой называя «господин пассажир». Роберт отвечал на вопросы однозначно, и на четвертый день плавания я всерьез затосковал.

Мне бы очень хотелось узнать, о чем может поведать «золото тамплиеров», если оно и в самом деле имело к ним отношение. Но лягушка теперь была у Роба. К тому же, по старой традиции возле добычи стоял круглосуточный караул – прикасаться к ней до дележа не полагалось. Я в эти караулы, понятное дело, не попадал, золото оказалось недоступно. Оставалось только одно: попросить Роба выслушать рассказы странных индейских распятий.

– Вообще-то, я плохо ко всей этой чертовщине отношусь, – сквозь зубы сказал он, но все-таки согласился. – Ладно, я попробую. Но ничего рассказывать тебе не обязан!

И все же, зная Роберта, я надеялся, что он не сумеет промолчать, и я все узнаю. В караул он должен был заступить лишь вечером и, не зная чем себя занять, я слонялся по палубе, стараясь не мешать команде. А работы у всех хватало: вместе с волшебным предметом «Ла Навидад» лишился и попутного ветра. Кристин вела корабль галсами, отчаянно вращая штурвал. В какой-то момент мы оказались поблизости от кого-то безымянного островка, едва возвышающегося над водой.

– Капитан! – Мерфи решился подать голос. – Восточнее забраться не стоит, тут полно мелей!

– Без тебя обойдусь! – раздраженно воскликнула Кристин. – Правый галс!

Матросы снова переложили паруса, штурвал завертелся и «Ла Навидад» двинулся теперь западнее. Увы, мы успели забраться слишком далеко в опасный район. Сильнейший удар сотряс весь корпус корабля, заскрипели, раскачиваясь, мачты, и мы остановились прямо посреди морской глади.

– Ну, отлично, Кристин! – Мерфи, кряхтя, поднялся с палубы, на которую повалилась добрая половина команды. – До прилива еще часа три.

– Ничего страшного! – капитан одарила меня ненавидящим взглядом. – Просто мы отвыкли от трудностей с этим проклятым дельфином! Ничего, сейчас посмотрим, крепко ли сели... В любом случае прилив нас снимет.

– Снимет-то снимет... Только надо хоть испанский флаг поднять – мало ли что?

И то, чего опасался Мерфи, случилось. Не прошло и пары часов, как мы увидели паруса. Восемь испанских военных кораблей шли встречным нам курсом и ветер им благоприятствовал. Мы подготовились к бою, открыв пушечные порты с обоих бортов, но враги не стали приближаться, вместо этого окружив нас со всех сторон.

– Что это за тактика такая? – забеспокоилась Кристин. – Трубу капитану!

Один из окруживших нас кораблей, как видимо, флагман, спустив почти все паруса, медленно дрейфовал к нам со стороны носа. Подойдя к бушприту, Кристин навела на него подзорную трубу и тут же выругалась.

– Это она! Лица не вижу, но кто еще это может быть?!

– Позволь? – Мерфи забрал у нее трубу и присмотрелся. – Спускают шлюпку. Парламентеры?.. А, вот ты о ком! Ну, я тоже не могу разглядеть лицо. Может быть, это и не Моник.

Мы с Робертом переглянулись у него за спиной. Конечно, мы все понимали: это именно Моник. Судьба не позволяла нам избавиться от нее. Вскоре шлюпка под белым флагом добралась до «Ла Навидад» и на борт поднялся испанский офицер.

– Мой адмирал, арагонский граф Карлос Ампурия, изволил окружить вас и предлагает сдачу в обмен на сохранение жизни.

– Скажите ему, что мы подумаем! – Кристин, прищурясь взглянула на солнце. – Часок еще подумаем, не меньше.

– Мы знаем, что скоро прилив и вы надеетесь сняться с мели, – вежливо заметил испанец. – Именно поэтому вы должны ответить немедленно, в противном случае адмирал прикажет атаковать. Мне также поручено передать вам, что сила особых ядер, которыми вы обладаете, нам известна. И именно поэтому мы пойдем на любые жертвы, чтобы не выпустить вас из кольца. Не имея возможности маневрировать, вы обречены. Но тогда граф Ампурия сам будет решать, кому из вас жить, а кому умереть.

– И многие ли останутся живы? – спросил рыжий Моррисон.

– Не могу знать! – повернулся к нему парламентер. – Но обычно живых не остается.

Общее внимание сосредоточилось на Кристин, которая мрачно о чем-то размышляла, уставившись в палубу.

– Простите... – Роберт решил как-то ей помочь. – Я хотел спросить... У вас на корабле дама, мы ее видим. Как ее имя, и как она попала к вам?

– Довольно несвоевременно расспрашивать меня о дамах в вашем положении! – испанец наградил Роба высокомерным взглядом. – Но если это поможет вам принять благоразумное решение... Сеньора Моник просила передать вам всем сердечный привет.

– А живет она, надо думать, в адмиральской каюте? – Кристин взглянула в лицо испанцу и рассмеялась прежде, чем он ответил. – Вижу, что так! Хорошо. Передайте своему адмиралу, что мы сдаемся.

– Тогда вы должны закрыть пушечные порты! – напомнил парламентер. – А также спустить шлюпки и высадить в них всю команду без оружия!

– Закроем, спустим, высадим! – отмахнулась Кристин. – Кстати! Спустить флаг! Все равно он испанский...

Офицер, с видимым облегчением, раскланялся и вернулся в шлюпку.

– А что нам остается? – Кристин развела руками. – Да, нам не повезло. Ничего, что-нибудь еще придумаем. Оружие сложите в шлюпки раньше, чем спустите... А там видно будет!

– Когда они подойдут ближе, шансов у нас совсем не останется! – воскликнул Мерфи.

– А их и так нет, старина. Моник знает, что делать: они будут зашвыривать нас ядрами с четырех сторон. Был бы дельфин...

– Кристин вновь посмотрела на меня, и ее глаза недобро сузились. – Был бы дельфин, мы бы и на мель не сели! Но это моя вина, я капитан. Команда не должна умирать из-за моей ошибки. Придется подпустить их и... Перенесем бой на их корабли! Надеюсь, драться вы еще не разучились?!

Пираты поддержали Кристин одобрительными выкриками, но не стройно и не очень искренне. Слишком велико было численное преимущество испанцев, чтобы надеяться на победу в абордажном бою: на каждом военном корабле плыло множество солдат.

– Канониры остаются на местах! Ждать команды, – Кристин прошлась по палубе, постукивая каблуками по доскам. – А на крайний случай, у нас есть и союзник.

– Кто же? – решился спросить я.

– Моник, конечно. Ключа-то она без меня не получит.

– Где он? – вскинулся Мерфи. – Я и забыл, у нас же козырной туз!

– Это знаю только я.

Спустя полчаса, когда испанцы сжали кольцо, а их флагман пришвартовался к нашему борту, Кристин повторила то же самое.

– Только я знаю, где то, что тебе очень нужно, Моник! – крикнула она. – Больше никто! Может быть, сразу договоримся?

Моник стояла у борта, рядом со старым, желтолицым адмиралом Карлосом Ампурией. Вокруг них столпились целящиеся в нас, немногих оставшихся на «Ла Навидад», стрелки.

– О чем она говорит, моя дорогая? – голос у адмирала был под стать внешности, старческий и дребезжащий.

– У мерзавки есть кое-что, принадлежащее мне, – спокойно пояснила Моник. – Я объясню вам позже, граф. А пока стоит обыскать корабль.

– Ключ не на корабле! – Кристин даже показала ей язык. – Я бросила его за борт, в эту мель, и он уже занесен илом. В каком месте бросила – не скажу. Но прилив, возможно, сейчас потихоньку сносит его все дальше...

– Идемте к ним на борт! – приказала Моник, и адмирал послушно распорядился.

Спустя пару минут испанские стрелки полностью контролировали нашу палубу. Наше оружие лежало вдоль борта, и его немедленно собрали. Нас обыскали. Мерфи, припрятавший на животе пистолет, получил хороший удар прикладом мушкета.

– Прекратите! – вмешалась Кристин. – Я капитан, и я принимаю на себя всю ответственность.

– Боюсь, не так просто! – Моник подошла к Кристин вплотную. – Граф знает, кто вы и как сюда попали. Он очень кстати проводил военную операцию на Тортуге, для искоренения букиньярства, и я, конечно, все ему рассказала. Хочешь жить? Отдай Ключ, иначе жизнь твоя будет и короткой, и крайне мучительной. Ведь все равно скажешь, где он.

– Нет, не скажу! – оскалилась Кристин. – Я дочь капитана Ван Дер Вельде. И ты ничего не узнаешь, моя дорогая. Давай договариваться, а первое мое условие такое: мы дождемся, пока прилив снимет «Ла Навидад» с мели, а ваши корабли отойдут.

– А мое первое условие проще, – Моник вытащила пистолет и прицелилась в Роберта. – Или ты говоришь, где Ключ, или я начинаю убивать вас по одному.

Воцарилось молчание – переговорщицы смотрели друг на друга в упор, будто играли в гляделки. Я последний раз прикинул наши шансы начать бой. На наши шлюпки с матросами были наведены испанские пушки. Канониров у пушек пока не обнаружили, но как только они попытаются открыть порты, их расстреляют со всех сторон. Наконец мы на палубе, безоружные и окруженные со всех сторон. То ли наш капитан просчиталась, то ли надеялась на что-то другое.

«А почему бы не на меня? – вдруг подумал я, заметив, как призывающе топорщится на круглом пузе адмирала рукоять богато изукрашенного пистолета. – Я виноват в том, что произошло. Мне и исправлять...»

Я даже не пытался маскировать свои намерения – просто шагнул к графу, вытащил пистолет, тут же взведя курок, и приставил к его парику. На всякий случай, для надежности, я прихватил его за кружевной воротник и прижал к себе.

– Не двигайтесь или он умрет!

– Что за глупости? – буквально взвизгнула Моник. – Убейте мальчишку!

Но испанцы медлили – для них приказ Моник ничего не значил. Скорее всего, им вообще не нравилась эта подозрительная иностранка.

– Молодой человек, это глупо! – адмирал, надо отдать ему должное, не испугался. – Вы не можете меня убить – вас тут же убьют самого, так же, как и всю команду. Всех до единого. Опустите пистолет, и я вас пощажу!

– Клянусь честью, я опущу пистолет, как только «La Навидад» снимется с мели и выйдет из кольца ваших кораблей! – искренне пообещал я. – Но, клянусь честью, я застрелю вас, если хоть кому-то из членов команды попробуют причинить вред!

– Это неприемлемо, граф! Не слушайте его! Да я сама... – Моник попробовала забрать пистолет у одного из испанцев, но тот не позволил. – Граф, вы что же, дадите взять себя в плен?

– А вот это действительно неприемлемо... – задумчиво согласился адмирал. – Конечно, мы должны вернуться на мой флагман. Но боюсь, дражайшая Моник, нам придется настичь этих пиратов потом – ты сама говорила, что этот Дрейк перехватил Серебряный Караван, и я имею основания тебе верить. Испанской короне сейчас важнее серебро, нужно спешить к Панаме.

– Но адмирал!

– Идемте.

Мы все медленно, очень осторожно перебрались на борт испанского флагмана. Испанцы шептались меж собой, наши молчали, и только Моник осыпала меня проклятиями. Не успел испанский корабль отшвартоваться, как пираты из шлюпок, выкрикивая врагам оскорблений, прямо по канатам полезли на «La Навидад».

– Пройдемте на мостик! – пригласил меня тот испанец, что прежде был парламентером. – Не стоять же у борта? И, ради всего святого, осторожнее с пистолетом!

Мы пошли вдоль борта. Я видел, как Роберт машет мне шляпой, как в бессильной злобе грызет мундштук своей трубки

Мерфи. Пытаясь отыскать глазами Кристин, я вдруг услышал ее крик:

– Джон, стой! За мачтой!

Я развернулся и, прикрываясь адмиралом, прижался спиной к фальш-борту, ожидая нападения. Однако все оказалось просто: за фок-мачтой испанцев скрывался офицер с ведром воды. Он был готов всего лишь плюснуть водой на мой пистолет – порох сразу намок бы, а граф Ампурия оказался в безопасности.

– Спасибо, Кристин! – крикнул я, не оборачиваясь. – Уходите скорее!

– Увидимся, Джон! – донесся до меня ответ.

Когда мы все же поднялись на мостики, испанские корабли уже разошлись от «Ла Навидад». Адмирал приказал принести нам стулья, и я даже с комфортом наблюдал за друзьями. Прямо у нас на глазах Кристин спрыгнула в воду, пару раз нырнула, а потом с вызовом подняла вверх руку: в солнечных лучах засверкало золото.

– Хоть не потеряла, идиотка… – проворчала усевшаяся рядом с нами Моник. – Ну, значит, еще свидимся.

Меня потрясало самообладание этой женщины. Она, казалось, просто не умела отчаяваться.

– Расскажите, как вы сюда попали, – попросил я. – Скоротаем время. Граф, кажется, задремал.

– Он постоянно задремывает: старость, – вздохнула Моник. – Как попала? Ну, после моего неудачного выстрела… Надо было стрелять в тебя, Джон. Если бы я только знала, что ты сегодня выкинешь! А так – даже в Кристин не попала… Не понимаю, как это возможно! Меня гоняли между скал, словно лисицу. Особенно, конечно, старался наш общий друг Дюпон. Я карабкалась по кручам и лишь каким-то чудом не сорвалась. Изломала себе все ногти, исцарапала руки! – она стянула тонкую перчатку. – Смотри! В конце концов они загнали меня на обрыв, над самым морем. Внизу – сплошные камни. Клянусь, из

сотни мужчин не прыгнул бы ни один! А я прыгнула, и, как видишь, пережила тот день. Утром на остров высадились испанцы, и охотники сами стали дичью. Часть буканьеров, вроде бы, смогла уйти на каноэ, ночью. Но большая часть пиратов мертва. Остальные – в трюме этого корабля. А как ты проводил без меня время, милый Джон?

– Гораздо лучше, – признал я. – Только рассказывать об этом не считаю нужным.

– Ну, мальчик, это невежливо! Проклятье, вот они и снялись с мели...

«Ла Навидад» закачалась на волнах. Матросы полезли на мачты, и вскоре, подняв все паруса, корабль пошел к югу. Это противоречило первоначальному плану Кристин добраться до Кубы, и я улыбнулся – теперь она будет думать, как выручить меня или хотя бы отомстить. Мои друзья были пиратами, но зато они были моими друзьями.

– Не стали стрелять, – заметила Моник, глядя, как удаляется «Ла Навидад». – Я так и подумала, что рядом с тобой – самое безопасное место. Дорожат, Джон, дорожат тобой, гордись! А где сейчас мой дельфинчик ты, конечно, тоже не скажешь?

– Лучше бы вам не знать! – я не сдержал улыбки. – Впрочем...

– Мы позволим себе прервать ваше милое воркование! – цепкая группа испанцев выстроилась передо мной и мирно посапывающим адмиралом. – Пора исполнять обещанное.

Я опустил пистолет и аккуратно вернул курок в безопасное положение. Хотелось что-то сказать, я повернул голову к Моник... И получил сильнейший удар по затылку.

Очнулся я в клетке, у меня болело все тело – испанцы не любили, когда оскорбляли их адмирала. Слышались приглушенные удары волн, и я понял, что нахожусь в трюме. С трудом приподнявшись, я увидел, что не один в клетке. Ко мне подошли

три оборванных, худых человека со следами побоев, и я узнал членов команды «Пантеры».

– Жаль нет ножа – я вырезал бы тебе сердце! – сказал один из них. – Так же, как однажды вырежу сердца всем, кто бросил нас на Тортуге!

– Я не виноват, – а что еще оставалось сказать? – Так сложились обстоятельства. Мы бы обязательно вернулись за вами!

– Не за кем возвращаться! Кроме нас никого в живых не осталось, да и нам жить недолго! Только ты умрешь раньше. Ножа нет, так придется задушить!

– Погодите! – за их спинами появился еще один узник, прежде мной не замеченный. – Надо же сначала хотя бы расспросить! Дайте мне поговорить с малышом Джонни.

Пираты послушались его и отошли. А я, не веря своим глазам, узнал в этом израненном, заросшем щетиной до глаз человеке мсье Клода Дюпона. Он тяжело опустился рядом со мной и я заметил, что у него серьезно повреждена нога.

– Это за то, что слишком резво скакал по скалам за одной козочкой! – невесело пояснил он, заметив мой взгляд. – А рука – за то, что слишком хорошо стрелял! – Дюпон показал искалеченную кисть, замотанную грязным тряпьем. – Душка Моник лично раздробила мне все пальцы рукоятью пистолета. Еще могу показать ожоги, да они на спине, а рубаху снимать больно – присохла.

– Почему она не убила вас?

– Потому что я кое-что знаю о Круге Времени! – Клод пожал плечами. – А почему еще? Не ради же старой дружбы? Конечно, она меня хорошенько расспросила, пока развлекалась с пистолетом и раскаленной шпагой. Я все рассказал, уж не помню, сколько раз и в скольких вариантах. Ох, когда-то я мечтал проделать с ней все это, но не решался... Теперь знаю, что был прав – когда терять нечего, никто не скажет правды.

– Сочувствую! – я говорил совершенно серьезно. При всем моем неоднозначном отношении к Дюпону, мне было его жаль.

– Да не спеши сочувствовать! Задушить я тебя, конечно, не позволю... Но как бы ты об этом не пожалел – Моник ведь и с тобой захочет поговорить. А адмирал ей мешать не станет, еще и смотреть придет. Старый греховодник! У него внуки в Арагоне, а он тут связался с воровкой... Она обещала ему показать путь к острову Демона. К счастью, в навигации она ничего не смыслит, а карты частью погибли на «Пантере», частью ушли с «Ла Навидад»... – Дюпон наклонился к моему уху. – Мы отсюда кое-что слышали... Они вернутся за тобой, Джон? Если нет – лучше нам умереть побыстрее.

Я внутренне похолодел. Кто не боится боли? Если уж Дюпон превратился в такую развалину, то что станет со мной? Больше всего я боялся, что расскажу Моник все. И тогда она обязательно постарается отнять дельфина у Дрейка. Казалось бы, невыполнимая задача – но что для этой женщины могло быть невозможного?

– Они обязательно вернутся, мсье Клод! Нам нужно терпеть.

– Будем терпеть! – кивнул он. – Только теперь это по большей части твоя задача. Кто там кричал с «Ла Навидад»? Неужели Кристин совсем оправилась от раны? Я, вообще-то, считал ее мертвой. Что ж, это обнадеживает. Моник будет ждать, когда они придут вызволять тебя. Женщина скорее обманет женщину, так что вся надежда на Кристин... Но расскажи-ка мне: почему вы бросили нас на Тортуге?

– Простите, Дюпон. Я не могу вам этого рассказать, и надеюсь не рассказать Моник.

– Вот оно как? – букиньяр устало оперся о стену и прикрыл глаза. – Если вы передали дельфина Дрейку, то это... Очень огорчительно. Что ж, я сделал что мог, а теперь уж пусть будет, что будет.

– Ваша лягушка... – решился я. – Когда вы держали ее в руках подолгу – к вам никто не приходил? Не было видений, например, голосов?

Дюпон открыл один глаз, некоторое время смотрел на меня, а потом усмехнулся.

– Многое становится понятным. Или, точнее, появляется еще больше вопросов... Поговорим об этом как-нибудь потом, если останемся живы.

Тroe пиратов, которые сперва хотели меня придушить, смешили гнев на милость, когда Дюпон объяснил им, что я – единственная надежда на спасение. Они даже помогли мне перевязать разбитую голову и напоили теплой, вонючей водой из грязного кувшина. Кормили их только с утра, несколькими сухарями, так что больше угостить новичка оказалось нечем.

В тот день меня не трогали, и я вскоре уснул. Проснувшись или, скорее, очнувшись утром я весь день ждал, что Моник придет за мной, но ничего не произошло. Ожидание становилось мучительным. Единственное, что хоть как-то развлекало – разговоры с Дюпоном. Он по-прежнему с удовольствием рассказывал увлекательные, а часто и смешные охотничьи байки.

– А знаешь, что удивительнее всего, Джон? Нет, не волшебные предметы, не остров Демона, не Башня Сатаны и даже не наше путешествие во времени! Самое удивительное, что когда Моник пытала меня... Я вдруг простил ей все. Сам не знаю, как это произошло, почему... Стало ее жалко, и все. И простил.

– Жалко? – мне казалось, что Дюпон и слова-то такого не знает. – Жалко Моник? Но с ней, кажется, все в порядке!

– Нет, Джон. Когда она жгла мне спину, я вдруг понял, что жизнь обошлась с ней не лучшим образом. Я терял сознание от боли, и вот, как-то очнувшись в очередной раз, понял, что мне ее жалко. Такая злоба не появляется в людях просто так, особенно в женщинах. – Дюпон вдруг встрепенулся. – Кстати! Тебе ведь, наверное, тоже интересно, откуда у нее появился дельфин! Ты ее не спрашивал?

– Моник говорила, что какая-то женщина подарила ей талисман в детстве, – припомнил я.

– И мне говорила то же самое, – кивнул Дюпон. – Может быть, это даже правда. Но я вспомнил вот о чем: удалось подслушать разговор двух солдат. Один из них бывал в Польше и утверждал, что когда Моник меня пытала, то временами ругалась на этом языке.

– Она полячка? – я имел весьма смутное представление об этой далекой стране. – Так вот откуда такой необычный акцент!

– Надо полагать, из Польши. Может быть, и дельфин приплыл оттуда?

– Вы говорите о Польше? – Моник подошла к нашей клетке и поморщилась. – Какая у вас тут вонь! Хуже чем в свинарнике. Да, я из Польши, не понимаю только, какое вам до этого дело. А вы, значит, снова друзья? Так нечестно, давайте тогда и я опять буду с вами дружить! Как когда-то на бриге «Устрица».

– Давай, – лениво согласился Дюпон. – Открывай клетку и будем дружить. Или пойдешь жить к нам?

– Открыть клеть! – приказала Моник часовым. – Но пока только для тебя, Джон. Вернешься сюда или нет, зависит только от тебя.

Мои ноги не слишком крепко ступали, когда я поднимался на палубу. Привыкая к солнечному свету, я закрыл глаза ладонью, но долго так неостоял – два дюжих испанца скрутили мне руки за спиной.

– Сейчас тебя подвесят на рее, – объяснила Моник. – И слегка похлещут линем. Слегка, потому что первый раз. Начинать, или сразу расскажешь, где был «La Навидад»?

– Поднимайтесь! – сказал я. – Ты ведь все равно мне не поверишь, если сразу расскажу.

– Умнеешь день ото дня! – она одобрительно похлопала меня по щеке. – Еще немного, и догадаешься, что куда разумнее держать мою сторону!

– Я ничего не знаю о твоей стороне.

– Не заслужил! – Моник отошла и встала рядом с дремлющим на стуле адмиралом. – Граф! Вы просили вас разбудить, когда начнем! Поднимайте его.

Канат дернул мои запястья кверху, ноги оторвались от палубы и я повис, изо всех сил напрягая мускулы рук. Однако первый же хлесткий удар линем по моей спине заставил вздрогнуть, и мои плечевые суставы едва не вывернулись. Впереди, справа и слева от меня простиралась бесконечная водная гладь, жарко палило карибское солнце. Мне нравились эти края и жизнь моя здесь тоже нравилась! Второй удар, по животу, заставил зашипеть от боли.

«Дюпону приходилось хуже! Значит, это только начало! А раз так, рано жалеть себя – худшее впереди!»

Уж такие мы, шотландцы, большие оптимисты.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Надежда и спасение

Конечно, я рассказал Моник многое, как и советовал Дюпон. Зачем запираться? Когда висишь с заломленными руками и получаешь удары линем по самым чувствительным местам от весьма опытного боцмана, молчать просто невозможно. А фантазия работает вовсю! Я рассказал ей, как мы встретились с Дрейком, великим капитаном, как вместе с ним устроили засаду в горах и перехватили перуанское серебро, много тонн. Победу отпраздновали, добычу разделили, и груженый серебром «Ла Навидад» отправился к Тортуге.

– Почему же никто не нашел серебра в вашем трюме? – суро-во спросила Моник, когда меня опустили на палубу.

– Потому что трюм проверить никто не догадался, ты сразу стала требовать у Моник Ключ!

– И где теперь мой дельфин? У Кристин его не было! Я смотрела ей прямо в глаза!

– Я и забыл о нем! – это было правдой, и я придумал на ходу: – Кристин хотела продолжить грабежи, но команда настаивала на возвращении в свое время. Вот собрание и решило у нее дельфина забрать и передать старому Мерфи – он очень хотел вернуться, и дельфин бы ему помог.

Моник задумалась.

– Да, глаз Мерфи я не видела... Ладно, попробуй все же еще раз все вспомнить, получше. Поднимайте его!

– А воды! – взмолился я. Солнце палило все сильней. – Ты обещала дать мне напиться, когда заговорю!

– Я пошутила. Хлещите сильней – он молоденький, выдер-жит.

Меня поднимали не меньше шести раз. Сколько точно – не могу сказать. Два раза я повторил историю почти слово в слово, а потом от жажды и боли в изломанных суставах начал путаться. Чтобы Моник поверила, я старался выглядеть униженным, сломанным… И, думаю, это у меня хорошо получалось – почти так и было на самом деле.

Когда мне развязали руки, я даже не сразу это почувствовал, так они затекли.

– Сядь! – Моник поняла, что я беспомощен и напоила меня сама, поднеся к потрескавшимся губам миску с водой. – Будем считать, что наш первый разговор окончен. Но это не значит, что я тебе доверяю! Помни, Джон: я очень тепло к тебе отношусь, но это, увы, ничего не меняет. У меня много способов вытащить из тебя правду, так что хорошенько подумай в трюме. Если захочешь что-то сказать – крикни страже, и тебя отведут ко мне даже ночью.

Идти я не мог и обратно в клеть меня приволокли под руки.

– Поздравляю с боевым крещением! – весело поприветствовал меня Дюпон. – Но, как я вижу, это только начало! Поверь, скоро ты узнаешь, как счастлив человек, у которого ничего не болит. О, это высшее наслаждение! Но понимают это лишь те, кто рычит от боли.

На мое счастье, француз ошибся. Ночью начался шторм и уже скоро нас кидало по клети, словно кукол. Сперва мы цеплялись за прутья, но к полудню силы оставили нас. Испанцы не принесли нам ни еды, ни воды, а судя по доносящимся сверху крикам, кораблю приходилось несладко.

– Видать, у Моник морская болезнь! – предположил Дюпон, когда нас вместе швырнуло в угол. – Иначе давно бы за тобой прислала, ей любая погода не помеха!

Благодаря дельфину, который так помогал и «Устрице», и «Ла Навидад» в плаваниях, я до той поры не испытывал на себе силы настоящего шторма. Теперь мне пришлось узнать и что

такое морская болезнь, да еще в довольно неподходящий момент – мне и так было несладко. Шторм бушевал пять дней, редкость даже для весны, и все это время я думал, что вот-вот умру. Стража лишь пару раз подавала нам кувшин с водой, а о сухарях никто даже не вспоминал.

Проснувшись как-то утром, я с удивлением понял, что шторм кончился и стоит чудесная погода. Сквозь щели пробивались солнечные лучи, а мои товарищи спали. Все, кроме Дюиона, который скорчился в углу, пытаясь что-то расслышать. Он прижал палец к губам, послушал еще немного и пошел ко мне.

– Насколько я понимаю испанский, дела у эскадры неважные! Пять кораблей потерялись во время шторма. К тому же нас снесло намного южнее Панамы, и где теперь искать Дрейка, адмирал не знает.

– И что это означает для нас?

– Да тоже мало хорошего! Капитан Кристин теперь не представляет, где мы.

Да, это была скверная новость. Я и так не знал, что думать: «Ла Навидад» не преследовал испанскую эскадру, а сразу ушел за горизонт, пользуясь превосходством в скорости. Может быть, Кристин хотела устроить засаду у берегов Панамы? В таком случае, она просчиталась.

Еще сутки прошли спокойно, а потом нам, всем пятерым, связали руки за спиной и вывели на палубу. Адмирал и Моник сидели в креслах, старик держал ее за руку. Выглядела она бледной и осунувшейся – видимо, Дюпон был прав насчет морской болезни.

– Возможно, кто-нибудь из вас хочет по доброй воле рассказать что-нибудь еще, утаенное на допросах? – спросил адмирал. – Поверьте, сейчас самое время.

– Граф, я же говорила вам: они упорствуют и имеют на то причины...

– Да, да! – он погладил Моник по руке. – Эти люди имели сношения с демонами и прочими порождениями ада... Неужели даже страшный шторм не заставил вас подумать о раскаянии? Мы были на краю гибели!

– Что до нас, – заметил Дюпон, – то мы по-прежнему там, на краю.

– Так отойдите от этого края! – граф рассердился. – Я многое передумал во время бури... И понял, что взял на себя слишком много, что грешен и нуждаюсь в покаянии. Я слишком стар!

– Ну что вы, граф! – Моник поморщилась, что должно было обозначать улыбку. – Вы мужчина в расцвете сил и мудрости.

– Нет, я слишком стар! – капризно возразил Ампурия. – Не знаю, увижу ли опять Арагон, в котором не был шестнадцать лет, увижу ли внуков... Господь послал мне бурю, чтобы я образумился. А то ведь и правда, раскукарецался, как молодой петушок: остановлю Дрейка, найду остров Демона, перенесусь со своей эскадрой в прошлое и прекращу морской разбой... Глупость и грех!

– Граф!.. – Моник, кажется, испугалась.

– Глупость и грех! – упорствовал адмирал. – Пусть случится то, что должно случиться! Ибо пути Господни неисповедимы. А общение с Демоном – грех перед верой! Как хорошо, что я образумился... И вот – моя эскадра разбросана по морям, Панама далеко, и я не знаю даже, в самом ли деле этот пират Дрейк перехватил Серебряный Караван. Мой долг – собрать корабли и уже потом отправиться туда. Что до вас, отребье, и вас, прекрасная Моник, то не мне решать вашу судьбу. Мы идем к Картахене де Индиас, где я передам вас в руки Святой Инквизиции. Не уговаривайте меня, Моник! Решение твердо. Так будет лучше для всех.

Мне показалось, что Моник сейчас бросится на старика и свернет ему тощую шею, словно цыпленку. Однако она овладела собой и посмотрела на нас.

– Что вы на это скажете, господа? – спросила Моник охрипшим голосом и я понял, что она действительно просит совета. Обстоятельства опять сделали так, что мы оказались в одной лодке. – Тоже считаете, что познакомиться с инквизиторами – лучший выход?

– Какой же это выход? – Дюпон покачал головой. – Нет, насколько я знаю испанскую инквизицию, там обычно только вход. А выйти удается не всем, и не скоро...

– Думайте о душе, а не о грешном теле! – назидательно сказал граф. – Начните прямо сейчас: что вы знаете об английском пирате Дрейке? Вот вы, безрассудный молодой человек! – старик указал на меня пальцем. – Вы говорили, что вместе с ним захватили серебро. Подтверждаете свои слова?

– Да! – не мог же я, в самом деле, спорить. – Но я не знаю, где теперь Френсис Дрейк.

– Что ж, воля ваша... Если инквизиции будет угодно передать вас гражданскому суду, вас повесят. Вот если бы вы могли что-нибудь добавить, то я оставил бы суду письмо. Возможно, отделались бы каторгой! Подумайте об этом, пока мы в пути.

– Я сказал все, граф.

Настроение мое, как ни странно, улучшилось. Все же инквизиция была еще где-то далеко, а рея, на которой меня подвешивали по приказу Моник, совсем рядом. Между тем из слов адмирала выходило, что она мне больше не грозит.

– Еще раз призываю вас подумать и раскаяться! По первому требованию я пришлю к вам корабельного капеллана. Уведите их!

– А леди Моник? – притворно удивился Дюпон. – Она разве не пойдет с нами? Ей тоже стоит подумать и раскаяться!

– Катись к чертям! – Моник потеряла всякое желание выглядеть обаятельной. – До Картагены, чтоб ты знал, около дня пути!

Когда мы оказались в трюме, я обратился к товарищам с распросами. Каким образом мы могли оказаться рядом с Картагеной, которая, как я знал, находится в Испании?

– Это Картагена де Индиас, – объяснил Дюпон. – Да, хорошо нас отнесло от Панамы! Картагена находится на острове, там славная крепость Сан-Фелипе. За ее стенами вздернули немало пиратов! Правда, захватывали и Картагену... Даже Дрейку, насколько я помню, это удалось. Но не в этом году, Джон, а значительно позже. Боюсь, мы не сможем ждать так долго.

– Мне говорили, там есть Дом Инквизиции! Вот где страх-то! – сказал один из пиратов и перекрестился, будто речь шла о нечистой силе. – Дюпон, а ведь это ты нас всех погубил! Ты привез сюда эту Моник, ты уговорил Ван Дер Вельде искать остров Демона!

– Ну, начинается! – француз сложил руки на груди. – Теперь, конечно, я виноват во всем! А когда мы послушались Гомеша и удрали от «Ла Навидад», кто был виноват? А когда вы хотели отобрать Ключ у Кристин? Надо было держаться вместе, и ничего бы не случилось. Но вы же просто жадные бараны!

– Прекратите! – я понял, что дело идет к драке. – Давайте лучше подумаем, как можем спастись! Из крепости нам вряд ли удастся выбраться. Так может быть, когда корабль подойдет к берегу, мы сможем как-нибудь выбраться из клети, разоружить стражу и прыгнуть за борт?

Драки и правда не произошло: переглянувшись, все они захохотали.

– Пойми, Джон! – сказал, отсмеявшись, француз и утер слезы. – Пойми: мы бывали в разных передрягах, и если бы был хоть какой-то шанс, уж мы бы попытали счастья! Нет, клеть прочная, а при солдатах злые, тупые сержанты. Скоро мы увидим Картагену.

Он оказался прав. Остров, расположенный совсем недалеко от побережья материка, служил испанцам главной перевалочной базой в этих местах. Сокровища везли в Картагену, копили и под охраной военных кораблей отправляли дальше: в Гавану или сразу в Испанию. Гавань оказалась чрезвычайно удобной

для обороны, в нее вели два узких пролива. Удивительно, как пиратам все-таки удавалось иногда захватывать этот город!

Адмирал сошел на берег и со слезами на глазах попрощался с Моник. Она не сказала ни слова, только терпеливо ждала, когда он закончит длинную речь о своих и ее прегрешениях.

– Я надеюсь, что ты покаешься и простишь меня, грешного! – сказал он напоследок. – Тогда и Господь простит тебя! Прощай же!

– Надеюсь, еще увидимся, старая сволочь! Ты только береги здоровье, – буркнула Моник и отвернулась.

Вместе с нами ее доставили в крепость. По пути мы не предпринимали попыток к бегству: далеко ли убежишь со связанными руками? У Моник руки были свободны, но испанцы, надо полагать, хорошенъко ее обыскали, а без стилета даже ловкая авантюристка вряд ли смогла бы нам помочь.

Оказавшись за высокими стенами крепости, я приуныл уже всерьез. На каждом углу стояли вооруженные солдаты, без пропусков гражданских лиц за бастионы не пускали. Нас заперли в каменном подвале с крошечным окошком, через которое мы могли наблюдать только ноги солдат.

– Они это специально сделали – чтобы мы привыкали к испанским сапогам! – мрачно пошутил Дюпон. – Моник, что ты будешь говорить инквизиторам?

– Не твое дело. Теперь каждый за себя.

– Да разве раньше было иначе? – буканьер, прихрамывая, встал над ней. – Как ты думаешь, почему я еще не начал ломать тебе пальцы?

– Клод, остановись! – я оттолкнул его от женщины. – Не время мстить!

– Да я и не собирался, Джон. Я ведь рассказывал тебе: мне просто жаль нашу полячку Моник.

– Моника, – поправила она. – Мое имя – Моника Бенёвска. Может быть, я лгу, но как ты проверишь, Клод? У меня была

только одна вещь, которая помнила Польшу. Но вот она говорить с твоей лягушкой отказалась, верно?

– Предметы не рассказывают о себе, – кивнул Дюпон. – Иначе все было бы куда проще.

– Я Моника Бенёвска, хотя вам проще по-прежнему звать меня Моник. Дело в том, что если дело станет совсем худо, я сознаюсь в совершенных преступлениях на территории Испании, Франции, Австрии... Меня отправят в Мадрид, – она развернула руками. – Простите, парни, что переживу вас, которых вздернут на виселице, может быть, уже через пару дней. А путь до Европы неблизкий, и мало ли что еще может случиться.

Дверь отворилась и вошедшие стражники увели ее. В дверях Моник обернулась.

– Прощай, Джон! Знаешь, если бы я могла тебе помочь, то помогла бы. Но это уже не важно!

До самой ночи нас больше никто не потревожил, не дали даже еды. А когда наступила ночь... Я проснулся от топота бегающих по внутреннему дворику солдат. Все мои товарищи по несчастью толпились у окошка.

– Крепко спиши, Джон! – приветствовал меня француз. – Мне бы твои годы! Между тем, в гавани идет бой, до нас долетает канонада!

Прислушавшись, я и правда разобрал далекий гул пушек.

– Это Кристин! – закричал я, толком не отойдя от сна. – Она пришла за нами!

– За тобой! – уточнил один из пиратов. – Только как пришла, так и уйдет: на «Ла Навидад» не хватит людей для штурма крепости.

Однако бой приближался. Один раз ядро угодило прямо во двор крепости и нам пришлось попадать на пол. Теперь, в свете горящих факелов, мы видели двух убитых испанцев. Убирать трупы никто не торопился – у защитников цитадели хлопот прибавлялось с каждой минутой.

– Чудеса, да и только! – Дюпон подобрал осколок ядра, влетевший в наш подвал. – Только у Кристин есть такие ядра, и она их не жалеет. Но одна она не могла отважиться на штурм – это безумие! Кто ей помогает?

– Дрейк! – ответил я, прежде чем успел подумать. – А кто же еще?

– Вы что, в самом деле с ним дружны? – спросил Дюпон с сомнением. – Я думал, ты все это врешь для Моник.

– Не то чтобы дружны... Но Клод, кто, если не Дрейк? Правда, у него всего два маленьких корабля и людей не намного больше, чем на «Ла Навидад».

Мы пребывали в неведении еще около получаса. Солдаты совершенно исчезли из нашего поля видимости, мушкетная перестрелка слышалась с бастионов. Потом мы услышали грохот сапог в коридоре, и через минуту дверь в подвал распахнулась.

– Живой? – Кристин, с факелом в одной руке, с саблей в другой заглянула в наш каземат, кивнула мне, подмигнула Клоду и тут же скрылась. Из коридора донесся ее голос: – Можете пойти со мной, если хотите!

Мы выбежали следом. Бой на бастионах продолжался, но Кристин с группой пиратов каким-то образом удалось проникнуть в незахваченную еще крепость. Многое объяснял толстый, багроволицый испанский офицер, которого связывал в коридоре Роберт.

– Ну? Ты ведь не удивился, что мы пришли, браток?!

– Нет, Роб, не удивился! – я обнял его. – Вы с Дрейком?

– С Дрейком, с французскими корсарами Ле Тетю, и еще по пути встретили целых три судна с ребятами из Берегового Братства! Все захотели присоединиться – дельфин творит чудеса!

– Значит, Дрейк хотел помочь мне?

– Дрейк, когда мы его отыскали, праздновал победу и делил серебро с французами. Да, он согласился помочь! Но чтобы до-

браться сюда быстрее, разрешил Кристин подержать дельфина. И все сложилось, как надо! – Роберт закончил с испанцем и вскочил. – Мы пробрались в город еще до начала штурма. Лягушка помогла кое-что узнать! Кристин – молодчина, я ее люблю!

– Лягушка? – Дюпон, опираясь на стену, прислушивался к нашему разговору. – Как это мило, Роберт. Ты, значит, прихватил с «Пантеры» мою вещь, прежде чем взорвать пороховой погреб?

– Я случайно... – Роберт покраснел. – И погреб – случайно.

– Давайте, вы потом с этим разберетесь? – Кристин подбежала к окну, выходящему к морю, и подала факелом сигнал. – Все, надо убираться: Дрейк отведет людей от крепости, она нам не нужна. В городе удалось немало взять, между прочим! Но пока другие грузят корабли, я вынуждена заниматься вами!

Мы снова побежали коридорами, а потом выбрались через окно по веревочной лестнице. Внизу дождался нервничавший Мерфи и десяток матросов с «Ла Навидад».

– Что так долго, Кристин?! Я уже не молод, может и удар хватить!

– Так сиди дома, старикан! – оборвала его безжалостная девушка. – Уходим, уходим, пока не рассвело! Долго нам тут не продержаться, испанцев слишком много!

Город уже начинал гореть. Прятавшиеся в домах жители выбегали, почувствовав запах дыма и тащили на улицу добро. Но еще не покинувшие Картахену пираты набрасывались на них и забирали все ценное. Уводили и людей, отовсюду доносились крики о помощи.

– Это все ерунда! – на бегу сказала мне Кристин. – Вот портовые склады – там действительно было, чем поживиться! Из-за тебя мы все прошляпили!

– Спасибо, что выручила меня!

– Ладно, забудь. Можешь даже вернуться в команду. Стой! Стой!!

Я повернул голову и увидел Моник. Рядом с ней на мостовой лежали два мертвых испанских солдата. Забрав у одного из них шпагу, Моник пыталась разрезать веревку, связывающую ее руки. Заметив Кристин, кинувшуюся на нее с саблей, она поудобнее перехватила свое слишком длинное оружие и отразила первый удар.

– Мерфи, дай лучше мне пистолет! – Кристин опустила саблю. – Что мы будем с ней возиться?

– Джон, помнишь, что я сказала? – Моник опустилась на колени и снова принялась пилить веревки. – Я бы тебе помогла. А ты мне поможешь?

– Кристин... – начал я. – Слушай, Кристин...

– Не буду я тебя слушать! А не хочешь смотреть – отвернись!

– Кристин ловко поймала брошенный Мерфи пистолет и взвела курок. – Или ты хочешь, чтобы она постоянно отравляла нам жизнь? Не бывать этому!

Дюпон положил здоровую руку мне на плечо.

– Но ты сказал, что тебе жаль Моник!

– Жаль, – кивнул француз. – Потому и пора закончить ее мучения.

Кристин вскинула пистолет и тут Моник снова завизжала, издав жуткий, нечеловеческий звук, который так поразил меня когда-то. Мне захотелось зажать уши и закрыть глаза, но Кристин только усмехнулась.

– Ты слишком привыкла иметь дело с мужчинами. На меня это не действует!

– Ну, тогда стреляй! – Моник выпрямилась, сбрасывая обрезки веревки с освобожденных рук. – Если хочешь никогда не узнать, что такое волшебные предметы, и почему Джон передал дельфина Дрейку! Ведь на самом деле это так, Джон?

– И почему же? – я видел, как палец Кристин напрягся, но выстrela все не было. – Скажи хоть раз правду.

– Откуда ты можешь это знать? – вмешался Дюпон. – Кристин, она тянет время!

– От тебя и знаю. По пути сюда, девочка, я немало пообщалась с месье Дюпоном. Он многое мне рассказал! Как пользоваться Кругом Времени, что было в письме, которое он нашел на острове Демона...

– Я лгал, – пожал плечами француз. – Ты ведь хотела, чтобы я говорил? Вот я и говорил.

– Я умею отличать правду от лжи, Клод. По глазам.

Раздался топот множества сапог, и из-за угла появились человек двадцать пиратов с награбленным впопыхах добром. Расталкивая нас, они побежали к гавани.

– Испанцы возвращаются в город! – крикнул один из них. – Всем командам на корабли!

– Проклятье! – один из матросов налетел на Кристин и заставил пошатнуться. – Отойдите же!

Моник, подхватив повыше подол, кинулась бежать. Выбравшись из толпы бегущих пиратов, Кристин опустилась на колено, быстро прицелилась и выстрелила. Мое сердце замерло, когда я услышал, как Моник вскрикнула. Она пробежала, шатаясь, еще несколько шагов и упала в открытую дверь горящего дома. Оттуда уже густо валил дым.

– Надо убедиться! – Кристин быстро перезарядила пистолет. – Я не поверю, что она мертва, пока сама не закрою глаза чертовке!

Но ее планам не суждено было сбыться – в конце улицы уже появился строй испанских солдат.

– Уходим! – Мерфи догнал девушку и силой потащил к морю.

– Уходим, или «La Навидад» уйдет без нас!

– Проклятье! – Кристин едва не плакала. – Ну почему я не выстрелила сразу?!

В ста шагах от нас офицер дал команду, грянул залп и мушкетные пули защелкали о камни вокруг нас. Один из матросов сразу упал мертвым, еще двое были ранены.

– На корабль! – Кристин выстрелила в ответ. – Если ей в очередной раз поможет сам дьявол, я убью и дьявола!

Вскоре мы уже грузились в шлюпки. Оказавшись на «Ла Навидад», я был готов целовать палубу. Да, я знал, что она пропитана кровью, но это и был теперь мой дом.

– Сигнальте на «Пашу», что мы выходим из бухты! – Кристин, устало волоча ноги, прошла к штурвалу. – Хочется в море, тесно тут стало.

Я был потрясен: в гавани находилось больше десятка кораблей! Договорившись с Дрейком, Кристин удалось собрать порядочную эскадру. Конечно, в этом ей помогла волшебная фигурка.

– Дельфин у Дрейка? – спросил я.

– Уж он с ним не расстанется! Разрешал мне носить только при условии, что я перейду на его корабль, – поморщилась Кристин. – Поначалу он сомневался, стоит ли тебя разыскивать... Но когда мы взяли курс на Картахену и зазвали с собой столько народа, он забил копытом, как жеребец! Этого парня тянет на подвиги.

– Он проплынет вокруг света! – напомнил я. – Вторым из европейцев, много лет спустя после Магеллана.

– Я сейчас тоже могу стать второй из европейцев, – проворчала девушка, поправляя курс. – Возьму, да проплыту. Для «Ла Навидад» это большого труда не составит.

Я понял, что спорить с ней не стоит. Несмотря на то, что Моник наверняка погибла, Кристин не чувствовала, что отомстила за отца. Ей требовалось своими глазами увидеть смерть врача. Что тут поделать – я уже научился прощать ей некоторые недостатки характера.

– Какие у нас теперь планы?

– План номер один – отвязаться от твоего героя Дрейка! Ему слишком нравится наш корабль, и он утомил меня расспросами о производителе ядер. Да мы никогда их не покупали – все забирали на захваченных кораблях! Я постоянно жду от него какой-нибудь подлости.

Начинало светать и я четко различал силуэт идущего по проливу перед нами «Лебедя». Второй корабль Дрейка, «Паша», все еще оставался в гавани, прикрывая отход эскадры.

– Ну, а потом пойдем к острову Демона, – решительно добавила Кристин. – Если я не видела, как умерла Моник, так хоть отправлюсь в то время, где ее нет.

Утром мы были уже достаточно далеко от побережья. Корабли, группами и по одному расходились. Настал и наш черед прощаться с Френсисом Дрейком. Когда мы поднялись на борт «Паши», там был и Гийом Ле Тетю, знаменитый французский corsар. Он получил половину захваченного у испанцев серебра и уговаривал Дрейка на новые совместные операции. Пока они разговаривали, мы угощались за столом.

– Он мог бы быть велик! – шепнул мне Дюпон, вглядываясь в черные глаза corsара. – Но не станет...

– Зачем тебе это было нужно, Клод? – мне показалось, что наши отношения после совместного заключения стали вполне искренними. – Кто тобой руководил? Ты не договорил тогда, в клети.

– Кто-то, кто не хотел, чтобы Британия возвысилась на морях. Она будет царствовать долго, Джон, несколько столетий. Я подумал, что ничего не потеряю, если пущу историю немного по другому пути.

– Ничего не вышло!

– Ты думаешь? – он посмотрел на меня с прищуром. – Пока есть остров Демона, пока есть Круг Времени, ни про что нельзя сказать: «вышло» или «не вышло»! Правда, Круг Времени охраняется Демоном... Но у нас есть Ключ, верно? И что будет, если однажды, собираясь отдать дельфина Дрейку, ты увидишь не его, а мой пистолет?

– Клод, ты шутишь? Я уже был у Дрейка!

– Да, но если историю вообще можно менять, то что мешает менять ее несколько раз подряд? Не буду врать, я сам мало что

понимаю. И тем не менее, очень интересно: что будет, если я вмешаюсь в то, во что уже вмешался ты?

– Ты ведь этого не сделаешь? – мне не хотелось верить, что все, ради чего мы рисковали, может измениться. – Оставь все, как есть!

– Я подумаю, Джон, – очень серьезно ответил Клод. – Время есть.

Наконец рас прощавшись с Ле Тетю, к нам подсели Дрейк и, конечно, стал уговаривать Кристин не уводить «Ла Навидад».

– Поплыvем в Англию вместе, капитан! Я получил неплохую добычу и могу одолжить вам денег для снаряжения, помогу пополнить экипаж. Мы купим еще ваших прекрасных ядер и организуем новую экспедицию! Богатейшие люди Англии станут нашими пайщиками, мы соберем большую эскадру! Испания никогда не забудет нашего рейда.

– Я подумаю, капитан Дрейк, – пообещала Кристин со скучающим видом. – Но сейчас у меня есть дела. Договоримся так: если я захочу вас найти, то найду.

– Почему-то я вам верю... – Дрейк погрустнел и перевел взгляд на меня. – Надеюсь, испанцы не причинили вам большого вреда, Джон?

– Испанцы – почти никакого! – честно ответил я. – А про остальных и вспоминать не хочется. Я весьма признателен вам за оказанную мне и моим друзьям помощь!

Дрейк отсалютовал мне бокалом и пригубил вино. Я смотрел в его глаза и удивлялся, насколько они изменились. Нет, не цветом – Дрейк внял моему предупреждению и никогда не носил дельфина постоянно. Просто в его глазах больше не было животной жадности, характерной для большинства пиратов. Не было и затаенного страха. Передо мной сидел спокойный, уверенный в себе, властный человек.

– Я был бы рад видеть вас в Англии, – сказал он на прощание.
– Нашей стране сейчас очень нужны честные и смелые люди.

Настают времена больших перемен! Я буду ждать. Но торопишься – море будет ждать меня, а оно нетерпеливо!

– Мне ли не знать! – Кристин отсалютовала ему, и мы раскланялись.

Капитан вышел проводить нас на палубу, и тут стариk Мерфи не выдержал.

– Кристин, если ты позволишь… Сэр! Я стар, но все еще достаточно крепок. Если бы вы позволили мне примкнуть к вашей команде, я не стал бы вам обузой, сэр!

– Я не против! – Дрейк растерянно посмотрел на Кристин. – Как скажете, капитан Ван Дер Вельде.

– Пусть убирается, старый черт! – девушка была удивлена не меньше, чем он. – Ты что, Джек? Спятил?

Мерфи обнял девушку и что-то прошептал ей на ухо. Я видел, как на глаза Кристин навернулись слезы. Она вырвалась.

– Это хороший моряк, капитан Дрейк! – дрожащим голосом сказала Кристин. – Он вас не подведет. Прощайте!

Мы с Робертом пожали старику руку, Дюпон ограничился тем, что слегка приподнял шляпу – Мерфи никогда его не любил.

– Что он тебе сказал? – спросил Роб у Кристин, когда мы оказались в шлюпке.

– Сказал, что начинал с Дрейком и закончить хочет с ним же. Что капитану будет трудно, если о дельфине не будет знать совсем никто… – Кристин спрятала лицо в руках. – Сказал, что лучше расстаться так, а не ждать, когда он не сможет больше ходить со мной на кораблях.

ЭПИЛОГ

Новые встречи

Путь к острову Демона на этот раз занял немало времени. Сперва мы зашли на Тортугу, чтобы пополнить припасы. Как выяснилось, еще трем пиратам, двоим с «Пантеры» и одному с «Ла Навидад» удалось спастись во время рейда испанцев. Мы, конечно, забрали их с собой. Потом, пройдя через Наветренный пролив, миновали Кубу и двинулись на север вдоль побережья.

Погода была переменчива, а ветры чаще мешали, чем помогали продвигаться вперед. Лето еще не полностью вступило в свои права в этих широтах, и чем дальше мы забирались на север, тем чаще попадали в штормы. Тем не менее, фамильная удача Ван Дер Вельде все еще не оставила нас, и плавание проходило успешно.

Мы с Робертом, посовещавшись, решили отдать лягушку Кристин. Все же она наш капитан, и пока предмет у нее, он будет служить всей команде. Конечно, на корабле от него толку было маловато, если не считать золота тамплиеров, о котором я расспросил Роба, как только настал удобный момент.

– Да, я использовал лягушку! – мы стояли на баке, возле самого бушприта и нас никто не слышал. – Как раз с той золотой пластиной, на которой два рыцаря на одном коне. Где она только не побывала, Джон! Рыцари воевали в Палестине, но не только воевали, там творились какие-то странные дела... Вот только я совершенно не понимаю французского, а они говорили чаще на нем. Иногда на немецком или испанском, или вообще на латыни... Что я мог понять? Но мне кажется, там творилось какое-то колдовство! Не зря же их сожгли? Потом дела у ры-

царей на востоке пошли плохо, и пластину увезли в Испанию. Вроде бы, на остров Майорка, но я не понял наверняка. Ах, да! Ее использовали для каких-то ритуалов. Это нехорошая штука, дружище. Везет же нам на них!

– Ты говорил об этом с Кристин?

– Нет, – признался Роберт, чем немало меня удивил. – Просто как-то... Не хотелось ее отвлекать. Ну, и пугать тоже, ты ведь знаешь, как я к ней отношусь. Мы волновались, думали, как тебя вытащить. А еще мне не хочется, чтобы Кристин оказалась как-то замешана и в эту историю. Вообще, будь моя воля, я швырнул бы пластину за борт!

– Почему ты считаешь, что все волшебные предметы служат злу? – заспорил я. – Надо просто быть с ними аккуратнее. И дельфин, и лягушка сами по себе не злы и не добры, все зависит от их владельца.

– Не знаю. Но с этой пластиной храмовники проделывали странные вещи! Потом, с Майорки, ее увезли на корабле вместе с другими ценностями: золотом, книгами, еще какими-то ящиками... Я думаю, рыцари отправили все самое дорогое за океан.

– Ты не знаешь точно? – удивился я.

– У меня было не очень много времени. Когда в трюме полно золота, команда нервничает... Кристин приказала запечатать его в бочонках, чтобы жадные глаза не отвлекались. Мы по-прежнему караулим в очередь, но до золота уже не дотронуться.

Любопытство мучило меня, но я решил не торопиться и не требовать ничего от Кристин. В конце концов, время поговорить о тамплиерах у нас еще будет. Между тем Дюпон начал все чаще заговаривать о фигурке, намекая, что лягушка – его собственность. Вот тогда мы и решили отдать ее капитану.

– Спасибо, конечно! – Кристин покрутила ее в руках и вздохнула. – Дельфин был куда симпатичнее! Впрочем, пригодится и эта уродица.

Когда букиньяр узнал об этом, то совсем не расстроился.

– Правильно решили! Будущее рассудит, кому из нас она достанется.

Теперь Клод больше походил на себя прежнего: всегда чисто выбрит, опрятно одет, даже подстрелил чайку, чтобы украсить свою шляпу хоть какими-нибудь перьями. Он почти не хромал, вот только пальцы на изуродованной руке плохо его слушались. И все же что-то в Дюпоне сильно изменилось. Он меньше говорил, часто о чем-то глубоко задумывался, стал совсем не кичлив. Мне не понравилась его фраза о будущем, которое «рассудит», но расспросить подробнее я не решился. Меня еще тревожили его слова о том, что все по-прежнему можно изменить.

Когда до острова Демона, по нашим подсчетам, оставалось совсем немного, мы встретили «железного кита». Рассказы команды «Пантеры» об этом чудовище напугали многих из наших еще в прошлое посещение острова, но тогда я им просто не поверил. Однако ранним утром, в сумерках, когда вахтенный забил в рынду, я вместе со всеми выскочил на палубу и увидел чудовище своими глазами.

Сперва я думал, что это какое-то удивительное морское животное. Оно появилось у нас за кормой и прошло параллельным курсом в каких-нибудь двухстах футах. Мы видели неистово горящий желтый глаз, от свет которого падал на воду впереди кита. Потом глаз повернулся и мы едва не ослепли! Многие думали, что чудовище нападет на нас – такому гиганту и добыча нужна огромная. Кристин приказала открыть пушечные порты и приготовиться, но курс менять запретила.

Железный кит – а он, похоже, и вправду был железным, если судить по отблескам на его туловище – еще с минуту пошарил жадным глазом по нашему борту, а потом прибавил ходу и вскоре скрылся в ночи. Те несколько моряков с «Пантеры», что плыли теперь с нами, подтвердили: именно такое существо они и видели в прошлый раз.

– Перестаньте трястись от страха! – потребовала от команды Кристин. – Может быть, он безобиден, как корова! Не напал ведь кит на нас? Пусть себе живет. Нужно только смотреть внимательнее – налететь на него все равно, что на скалу.

Дальше мы шли без приключений, и вскоре увидели знакомый дубовый лес на острове Демона.

– Остров Оук! – хмыкнула Кристин, разглядывая берег в подзорную трубу. – Что-то, Роберт, не прижилось твое название!

– Если бы там не было никакого демона, все бы звали его Оук из-за этих дубов! – упрямо сказал Роб.

Мы бросили якорь в знакомой бухте и небольшой группой высадились на берег. Роберт остался на «Ла Навидад» по распоряжению Кристин.

– Пираты есть пираты, – объяснила она. – Когда в трюме полно золота, всегда найдется кто-то, кто попробует взбунтовать команду. А в отсутствие капитана это гораздо легче. Поэтому ты, Роб, будешь капитаном на время моего отсутствия. Тебе я верю.

Роберт покраснел от удовольствия, а мы отправились к древнему колодцу. Однако не успели мы углубиться в лес, как слева раздался громкий тарахтящий звук, а по стволам деревьев стали часто бить будто бы железные пчелы. О пулях я тогда даже не подумал, хотя это и было похоже на выстрелы – во все стороны летели куски коры и древесины. Мы повалились на землю и как могли затаились в негустом подлеске. Наступила тишина.

– Не стреляйте! – из-за ствола толстого дуба кто-то помахал нам рукой. – Я в вас не целился, просто хотел продемонстрировать возможности нашего оружия.

– Кто ты такой, черт тебя дери?! – крикнула Кристин. – Покажись, не бойся!

– Да я не боюсь!

Он вышел из укрытия и мы увидели широкоплечего, широколицего человека в одежде непривычного покроя. В руках он держал странного вида мушкет: очень легкий, с коротким узким стволом, совсем без приклада, но с двумя рукоятями снизу.

– Я не боюсь, только хочу заметить, что вы окружены моими людьми с точно такими же автоматами. Нам совсем не трудно вас изрешетить, гости дорогие! Но делать это совершенно ни к чему, если вы оставите оружие здесь, прежде чем пройти в дом.

– Какой еще дом? – Кристин, озираясь, поднялась на ноги. – Вы кто?

– Иван Устюжин! – он приподнял меховую шапку с хвостом, украшавшую его круглую голову. – Штурман капитана Бенёвского к вашим услугам. Сейчас я подниму руку, и мои люди сделают еще несколько выстрелов по стволам, только чтобы у вас не осталось никаких сомнений.

Так и произошло. Кристин, выругавшись, сложила оружие под дубом и приказала поступить так нам всем.

– Значит, мы в плену?

– Я бы так не выражался, но, вообще-то говоря, да. Извините! – Устюжин любил и умел улыбаться. – Идемте в дом, капитан ждет вас.

Мы проследовали за ним, и на том самом месте, где ожидали увидеть колодец, увидели небольшой домик. Никаких следов пожарища вокруг него не было.

– Остров живет своей жизнью, – пояснил Устюжин. – Он ведь не для нас с вами построен, видите ли... Но, проходите же в дом!

Кристин пошла первой, но едва открыв дверь отшатнулась назад и выругалась. Я и Клод, протиснувшись мимо нее, заглянули в помещение и оцепенели. За столом сидели двое: неизвестный мужчина средних лет в военном мундире и Моник собственной персоной.

– Только давайте обойдемся без сцен! – попросила она. – Разговор предстоит деловой и серьезный. Если девчонка не сможет держать себя в руках, придется посадить ее под замок.

Она была одета в черный, почти обтягивающий фигуру комбинезон, а на коротко стриженой головке красовалась маленькая пилотка, тоже черного цвета. Еще мне бросился в глаза длинный тонкий шрам через всю щеку. Он выглядел давно зажившим, и именно из-за шрама я заметил, что Моник постарела на несколько лет.

– Входите же! – пригласил мужчина. – Я полковник Маурисий Бенёвский, хотя можете звать меня и капитаном. К сожалению, питаемся мы здесь не намного лучше, чем в остроге на Камчатке, но, как там говорят, «чем богаты, тем и рады»! Кстати, вы привезли мое золото?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ИГОРЬ ПРОНИН

Родился и живет в Москве, образование экономическое. Больше десяти лет работал в «банковской сфере», пока не заскучал, и с тех пор писатель. Издал (чаще под псевдонимами) более двадцати романов, не считая повестей и рассказов в сборниках. Предпочитает сочинять фантастику, в ней и стал лауреатом нескольких премий. Печатался в таких сериях, как «Ведун», «Сталкер» (А. Степанов). Новеллизировал сценарий кинофильма «Черная молния», работал над телепроектами...

Собирается так и продолжать.

12 ВОПРОСОВ АВТОРУ «ПИРАТОВ»

1. Давай начнем вот с чего: тебе самому в детстве хотелось стать пиратом?

Вот так вот шататься по теплым морям, грабить, убивать и с утра до вечера глушить ром? Ну, конечно, какой ребенок об этом не мечтал! Одна беда: в СССР «профессия» пирата не была популярной, особенно в зимний период. Поэтому приходилось четко отличать мечту от реальности. Правда, Куба строила социализм и некоторым счастливчикам удавалось повидать те самые теплые моря... Но отчего-то «остров Свободы» у меня никак не ассоциировался с пиратами. Так же, впрочем, как и сегодня, скажем, Гаити — вовсе не Эспаньола, на которой и возникли первые испанские поселения. Мир сильно изменился с тех романтических «пиратских веков».

А быть пиратом хотелось, серьезно. Конечно, под ромом подразумевалось что-то вроде «Байкала», и «вместо крови — томатный сок», но хотелось. Этаким плохишом, которого все боятся, а ему и дела нет. Вполне нормальное желание для советского ребенка. Когда-то довелось услышать мнение западного журналиста: во всем мире, мол, самый популярный герой Астрид Линдгрен — Пеппи Длинный Чулок, а в России — Карлсон. Потому что Пеппи борется за справедливость, а этим и без того занимается милиция, да так, что не прдохнуть. А Карлсон плевал на все со своей крыши, никаким общественно полезным трудом не занимается, только плюшки ворует. В лучшем случае — поможет другу, а когда скучно — что-нибудь взорвет и сбежит к себе на недосягаемую высоту. Я согласен с тем журналистом: нам вот именно этого очень не хватало, личной свободы.

Порой оглянешься вокруг — выросли те дети, и каждый второй стал таким «карлсоном»-эгоистом, только вместо плюшек тащит чего посеребренее, а запасной «домик» норовит выстроить не на крыше, а за границей... Нет, мы не хотели набивать карманы реалами и пиастрами. Мы хотели свободы. И теплого моря круглый год, конечно. Вот только акул я почему-то с детства боюсь, и сколько бы Макаревич по ТВ не рассказывал, какие они милые, я ему не верю.

2. А книжки про пиратов любил читать? «Остров сокровищ», «Одиссея капитана Блада», «Наследник из Калькутты»?

Да просто обожал. Забавно только, что ты сейчас практически «огласил весь список». Еще, правда, у Конан Дойла есть чудесные рассказы о капитане Шарки. Он, помнится, имел милую привычку под столом неожиданно палить в собутыльников, если карта не шла... Ну или просто, чтобы разговор поддержать. Возвращаясь к тому, о чем говорил раньше: колоритные персонажи пиратов радуют читателя не жестоким самодурством, как в случае капитана Шарки, а тем, что позволяют себе быть такими, какие они есть. Они свободны. От воспитания, от пионерского галстука, от всего, чему учат в школе... Но не в этом дело: они вообще свободны. Настоящий книжный пират (хорошо сказал: «настоящий книжный») свободен, например, от жадности. Иначе это просто нудный громила со счетами в кармане. А в жизни, конечно, большинство из них были именно такими.

Отто и Джим из «Острова сокровищ» никогда не мечтал стать пиратом — не просто грязная, но еще и скучная работа. Уж лучше держать гостиницу. А книги в те времена писали другие, «пиратской романтики» как таковой не существовало. Например, самой известной была «Пираты Америки» А. Эксквемелина. Автор побывал в Вест-Индии, был продан в рабство плантаторам, видел и пиратов, и букиеров, описал их жестокие нравы. Именно в «Пиратах Америки» черпал вдохновение Сабатини, создавая своего капитана Блада. И, само собой, лишь судьба заставила его стать пиратом, но, само собой, благородным. То есть — «книжным». Хотя в жизни, как известно, случается всякое, были и совершенно удивительные личности.

Но даже самый жадный и жестокий пират не мог не быть хоть чуточку романтиком. Уж такая штука море... Море и паруса. Именно поэтому даже Джон Сильвер у Стивенсона вышел таким симпатичным, оставаясь персонажем сугубо отрицательным.

3. Ты — разносторонний писатель. Известность пришла к тебе с повестью «Мао», получившей ряд престижных премий. Затем последовал целый ряд романов в жанре science fiction, потом ты отдал дань фэнтези, и вот теперь — авантюрный роман о пиратах 16-17 веков. Тебе тесно в рамках одного жанра? И в каком жанре работается лучше всего?

Нет, мне нигде не тесно. Но всегда хочется попробовать что-нибудь еще. Больше чем на год я вообще, можно сказать, «отлучался в телесценаристы». Если есть возможность искать — надо искать. Про пиратов писать интересно и, что стало для меня неожиданностью, нелегко. Снова возвращаясь к тому, что сказал выше: у нас было очень мало книг о пиратах. То есть образ на самом деле не такой уж и сложившийся. В свете последних десятилетий читателю проще представить себе космический корабль, чем парусник. Проза жизни: а где на пиратских фрегатах располагался гальюн? Как правило — на самом носу, его «подвешивали» под самым бушпритом. Весьма разумно: со стороны носа ветер на паруснике не дует никогда. Не только в этом, конечно, дело... Первые читатели и Сабатини, и Стивенсона представляли жизнь пиратов куда лучше нас. А ведь «бытие определяет сознание» - мало понимая в их быте, мы мало понимаем и их самих.

Боюсь, некоторые знатоки могут меня упрекнуть в несколько вольном подходе именно к повседневной жизни моряков тех лет. Но если описывать все эти мелочи, из которых состояла из жизнь... Ни на что другое просто не осталось бы места. Приходится прятаться за широкую спину Дюма-отца: история — лишь гвоздь, на который писатель вешает картину. Тем паче, что и мои пираты, и его мушкетеры жили практически в одно, весьма смутное для Европы и Америки, время.

Таким образом, отвечая на вопрос о жанре, в котором мне лучше работается... В любом лучше — главное, чтобы было интересно.

4. Морские разбойники, как известно, поднимали свой черный флаг над волнами разных морей. Почему же так популярны именно пираты Карибского моря?

Да, морских разбойников было немало... Чего стоят одни алжирские пираты – в те же времена, что и карибские, они устроили настоящий террор в западном Средиземноморье. Половина Европы боролась с ними, но даже общими усилиями долго не могли добиться успеха. Впрочем, они в какой-то степени были корсарами... Кстати, о терминах: каперы, корсары, флибузытеры, приватиры – все это на разных языках означает лишь одно – у этих пиратов были гавани, куда они всегда могли спокойно зайти. У них была «крыша» в виде какого-либо государства, полагалось лишь отстегнуть «долю». Пираты, действовавшие на свой страх и риск, могли воспользоваться разве что гостеприимством Тортуги. Во всех остальных случаях – «крутились, как могли». Ходили под чужими флагами, храня полный набор на борту, переименовывали корабли. Последним, кстати, отличился Френсис Дрейк во время своей пиратской кругосветки – чтобы запутать гонявшихся за ним испанцев. Надеюсь, читатели еще узнают об этом подробнее.

Почему так популярны были именно пираты Карибского моря?.. Ну, а почему были? По-моему, сейчас они популярны как никогда, спасибо Джонни Деппу. В прежние же времена Америка открыла для Европы целый новый мир. Невиданные животные, растения, которые вошли в жизнь Старого Света: картофель, табак, томаты, кабачки и многое другое. И, конечно, золото! Оно, впрочем, кончилось довольно быстро, зато бизнес плантаторов расцвел надолго. И когда кончились галеоны, нагруженные индейскими сокровищами, пираты принялись за работоголовлю. Они и грабили торговцев живым товаром, и сами занимались этим выгодным делом. Честно вели дела, пока это было выгодно, и грабили тех же плантаторов, когда выгоднее оказывалось грабить. Жизнь кипела, и с каждым десятилетием это кипение оказывалось все ближе к Европе: корабли становились все быстроходнее. Сегодня Карибский бассейн со всей своей мрачной романтикой – практически «задний дворик» США, и там интерес к теме не умрет. Что и демонстрирует нам Голливуд.

5. Кстати, фильм «Пираты Карибского моря» помогал при работе над романом? Кажется, что черты Джека Воробья можно найти то в Клоде Дюпоне, то в Кристин. Это специально так задумано?

Пересмотрел с удовольствием. Но насчет помохи... Фильм и книга – совершенно разные вещи. В кино герою достаточно наморщить лоб – ну, по крайней мере, если это делает Депп – и ход его мысли уже понятен.

Что до «общих черт», то ты не совсем прав, как мне кажется. Хотя пусть читатель рассудит, конечно. Если эта «общая черта» - скажем, привычка больше верить в удачу, чем в расчет, то да, так и есть. Что поделать, таковы особенности профессии. Пират не может быть труслив, в море убегать некуда. Пират не может строить планы на будущий год – море может забрать его в любой час. Такая работа диктует и

особый подход к жизни, назовем его «цинично-философским». Вырабатывался он, понятное дело, со временем. У тех, у кого это время было, остальные шли на дно...

6. Остров Оук можно найти на географических картах. Он действительно такой таинственный, как описан в романе?

Он куда более таинственен, поэтому его описание, я надеюсь, будет продолжено. Сама история «денежной шахты», как ее называли кладоискатели, длинна и запутана. Я не стану сейчас подробно на ней останавливаться, но таинственный колодец, заливаемый во время прилива морской водой, долго будоражил умы и канадцев, и американцев. Кто и зачем построил эти ловушки, что прятали и от кого? В самом ли деле там нашли клад, а если нашли – то чей он был? У меня есть свои ответы на эти вопросы.

Скажу только, что на острове Оук в начале девятнадцатого века проживали два старых моряка. Одного звали Джон Мак-Гиннис, а второго – Роберт Летбридж. Оба исчезли: первый считается погибшим в море, хотя трупа никто не видел, второй таинственным образом сгоревшим в охотничьей хижине приятеля, хотя останки не были подвергнуты современной экспертизе...

7. А что за «железного кита» встречают герои романа в эпилоге? Или это тайна?

Ну, в литературе был как минимум один случай, когда крупные морские млекопитающие мешали судоходству и даже топили корабли. Тогда его, помнится, окрестили «железным нарвалом». Моим пиратам показалось, что это скорее обыкновенный большой кит. Просто – железный... Ничего удивительного – китов у берегов Канады много, а невиданное животное в те времена встретить было очень легко.

Так что нет, не тайна.

8. Мауриций Беневский, появляющийся на последней странице книги, реально существовавший исторический персонаж (как, впрочем, и Френсис Дрейк, и губернатор Ле Вассер). Но жил он в 18 столетии. Откуда у него людей автоматы?

Мауриций Беневский (хотя вариантов написания имени этого удивительного человека очень много, вплоть до «барон де Бенев») персонаж, конечно, исторический... И одновременно легендарный. Оказавшись в остроге на Камчатке этот то ли поляк, то ли словак, то ли венгр исхитрился этот острог взбунтовать. Под его предводительством восставшие захватили пригодное лишь для плаваний вдоль берегов суденышко и добрались на нем до Макао – совершенно фантастическое, обреченное на провал предприятие, которое завершилось полным успехом. А уж сколько приключений выпало на долю Беневского и его спутников... Этого точно не знает никто.

Автоматы у интернациональной команды Беневского, я полагаю, с «железного кита». А вот как так вышло – история длинная.

9. С кем еще из известных мореплавателей тех времен предстоит встретиться героям романа?

С пассионариями, с кем же еще? Волшебные предметы могут попасть в случайные руки, но предназначены они для великих дел. Может быть, дельфин, отслужив свое Дрейку, должен перейти к другому известному британскому мореплавателю? Тем более, что жил он в одно время с тем самым Беневским и немало сделал для изучения северной части Тихого океана... Его звали Джеймс Кук.

Хотя это, как ты понимаешь, лишь мое предположение. Мало ли какие силы могут вмешаться в игру. Тем более, что попади дельфин к человеку вроде Генри Моргана, который даже среди пиратов заслужил прозвище «Жестокий», забрать его назад будет нелегко... Эти два имени порядком разнесены во времени, но что может быть невозможного для острова Демона?

10. Демон, охраняющий Круг Времени – имеет ли он отношение к хихикающим демонам, с которыми встречался Николай Гумилев в романе «Революция», и героям романов «Чингисхан 2» и «Армагеддон»?

Самое прямое. Вот только смотрят на них разные люди разных эпох, и видят этих существ несколько по-разному. Каковы они на самом деле? Иногда это так же трудно сказать, как объяснить, каков на самом деле электрон. Наши глаза видят лишь то, что мы готовы увидеть, а мозг понимает лишь то, что мы в состоянии понять.

11. Узнает ли Джон Мак-Гиннис, а вместе с ним и читатели «Этногенеза» тайну Прозрачных?

Его судьба так же не определена, как и судьбы Кристин, Клода Дюпона и даже Моник. Боюсь, Прозрачные сами решают, кто узнает их тайну, а кто – нет. Но и у Джона, и у Кристин, и у Роберта впереди длинный путь.

12. И, наконец, про любовь. Как в действительности относится Моник к Джону? Порой кажется, что она испытывает к нему искренние чувства, а в следующий момент она готова приказать испанцам пристрелить его. Любят ли кого-нибудь эта бесстрашная авантюристка?

Моник сделана из того же теста, что и все остальные. Она так же, как и все, способна и на симпатию, и на любовь, и на верность. Вот только в системе ценностей Моник все это стоит немного по сравнению с той целью, которую она преследует. И сообразительный Дюпон, полагавший, что эта цель – золото тамплиеров, начал понимать, что ошибался. Есть женщины, к которым как ни относись, а верить им нельзя. Моник именно из таких, и я надеюсь, что Джон это наконец осознает.

Юрий Бурносов

Армагеддон

Книга первая

КРУШЕНИЕ АМЕРИКИ

Автор идеи

Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

«Всякий раз, когда я вспоминаю о том,
что Господь справедлив,
я дрожжу за свою страну»

Томас Джефферсон,
третий президент США,
автор Декларации Независимости

ПРОЛОГ

Город Высоких Сейб

Юкатан, Мексика, 829 год н.э.

Вырывать сердца – нелегкая работа.

Это только в молодости кажется, что нет ничего проще, чем стоять на вершине пирамиды, облаченным в одеяние из перьев, и под крики толпы поднимать высоко над головой бьющееся, еще живое сердце жертвы. Алые капли благодатью богов падают тебе на лицо, ноги омывает восторг и ужас собравшихся внизу людей. Крестьян, купцов, воинов, знатных господ – тебе все равно. В этот момент для тебя даже сам правитель города – не более, чем прах под сандалией. Ты – больше чем человек, ты – рука богов. В молодости это чувство завораживает, наполняет ощущением всевластия, придает сил, необходимых, чтобы выдерживать длинную, многочасовую церемонию под палящим солнцем...

В старости все не так.

Болят руки, которые приходится долго держать над головой. Болезнь, которую лекари называют «костяной червь», поселилась в суставах, и потихоньку грызет их. Пальцы, скрюченные и плохо гнующиеся, могут не удержать сердце жертвы, а это ясный знак немилости богов.

Два Тростника очень боится выронить сердце из рук.

Два Тростника стар. Он живет на этом свете так долго, что помнит дни, когда в Городе Высоких Сейб правил свирепый Господин Пакаль, каждый год снаряжавший походы на земли соседей и приводивший в город тысячи пленных. Два Тростника учился тогда в жреческой школе, и мог только завидовать тем, кто вырывал сердца этим пленникам. Подумать только, какую милость богов можно заслужить, принеся в жертву тысячу человек зараз!

Боги и правда были благосклонны к Господину Пакалю и Городу Высоких Сейб, но сейчас Два Тростника понимает, что его зависть была глупа. Приносить жертвы – тяжелая работа, ничем не легче, чем ломать камень в карьерах или прокладывать дороги в джунглях.

Особенно когда жертв так много.

Сегодня их тысяча семьсот.

Тысяча семьсот сильных мужчин, покрытых шрамами и татуировками. Нет среди них вопящих женщин и несмышленых детей. Только мужчины, достойные предстать перед Великим Владыкой Севера, жестоким Болон Окте.

Пятьдесят лет назад Два Тростника гордился бы тем, что ему выпала такая честь – отправить к Владыке Севера целую армию. Но сейчас он стар, и думает только о боли в суставах и о том, чтобы не подвели изъеденные костяным червем пальцы.

Тысяча семьсот жертв – это тысяча семьсот ударов ножом. Любой мясник свалится с ног после первой тысячи. Но он, Два Тростника, Говорящий с Богами, не имеет права даже на один неточный удар.

Да, младшие жрецы раскладывают жертву на Кровавом Столе и держат за руки и за ноги так, чтобы кожа на груди натянулась, как барабан. Да, обсидиановые ножи остree любых других, они легко перерезают подброшенный в воздух волос. Да, Два Тростника упражнялся в своем искусстве всю жизнь, и никто не сравнится с ним в умении рассечь грудь жертвы так,

чтобы трепещущее сердце само выскочило из-за ребер в подставленную ладонь.

Но тысяча семьсот ударов!

А он уже старик. Достаточно дрогнуть руке, и обсидиановое лезвие сломается о твердую грудину. Или разрез будет нанесен на два пальца ниже или выше, и сердце придется выковыривать из скользкого клубка внутренностей. Церемония замедлится, а это может прогневить Владыку.

Два Тростника не смеет даже подумать о том, что произойдет, если Болон Окте разгневается.

Самый страшный из Четырех Близнецов, хранящих стороны света, Черный Владыка, Дуновение Смерти. Бог, которому когда-то посвятил себя Два Тростника. Бог, от которого зависит решение – стереть род людской с лица земли или же подождать еще один цикл.

Приближается срок, предсказанный мудрецами прошлого. Исполняются предназначения, и появляются великие знамения. В ночном небе багряной змеей сверкает комета, вода в источниках стала белой, как женское молоко, и горькой на вкус. Над южными горами блестят сполохи, будто на вершинах бьются закованые в золотую броню великаны.

Надвигается конец бактуна¹. Рассчитанный великими магами прошлого, он неизбежен, как неизбежна смерть. Прошлые циклы заканчивались наводнениями, сметавшими с лица земли все живое, или пожарами, от которых трескались даже скалы. Какую кару изберет для людей Болон Окте на этот раз, Два

¹ Долгий Счет позволял индейцам заглядывать далеко в будущее. Он состоял из серии периодов, отсчитываемых по возрастанию, начиная с одного дня. Система была такая:

20 кин – 1 уйналь (20 дней)

18 уйналей – 1 тун (360 дней)

20 тунов – 1 катун (7200 дней или 19,7 года)

20 катунов – 1 бактун (144 000 дней или 394,3 года)

13 бактунов составляли Великий Цикл, или Солнце. 13 бактунов – это 1 872 000 дней или примерно 5130 лет. В мифологии майя насчитывалось Пять Великих Солнц. Эпоха каждого Солнца заканчивалась мировой катастрофой

Тростника не знает. Все, что он может сделать – это умолять Черного Владыку об отсрочке.

Поэтому он старается изо всех сил. Он уже сбился со счета, лица тех, кого кладут перед ним на Кровавый Стол, сливаются в одну искаженную криком маску. Рука с обсидиановым ножом поднимается и падает, поднимается и падает. Два Тростника торжествующе вскидывают над головой очередное трепещущее сердце, и слышит восторженный рев толпы у подножия великой пирамиды.

Горячие капли падают ему на лицо, и он чувствует, как где-то в невообразимой дали жадно облизывается ненасытный Болон Окте.

Может быть, сегодня он смилостивится, думает Два Тростника. Если у меня хватит сил довести дело до конца... если я не допущу ошибки, и если не сломается нож. Впрочем, Черному Владыке неизвестна жалость и снисхождение. Нет, я напою своего господина кровью сильных мужчин, и он опьянет и махнет рукой на жалкий человеческий род. Не будет же пьяница разбивать о стену кувшин, в котором осталось еще немногого хмельного?

Что за мысли, одергивает себя Два Тростника. Думать о Владыке Севера, как о жалком пьянице – какая дерзость! А что, если он заглянет ко мне в душу?

Но в следующий миг он понимает, что Болону Окте совсем неинтересно, что происходит в человеческой душе. Также, как ему самому не приходит мысль заглянуть в душу муравья, перебегающего лесную дорогу. Раздавить сандалией – пожалуйста. Придумать изощренную казнь для всего муравейника – легко. Но вот интересоваться тем, что там себе думает жалкий муравей? Смешно.

И Два Тростника продолжает свою работу. Вздымается и опускается рука с зажатым в ней обсидиановым ножом. Брызжет теплая кровь.

Грохочут ритуальные барабаны.

Урчит от наслаждения Болон Окте.

Что бы сказал Великий Ураган, думает Два Тростника. Он не одобрял кровавых жертв, может быть, потому, что сам прошел через смерть и знал ей цену. Но правитель мертв, он лежит в мраморном ящике в потайной комнате в толще пирамиды, и не может высказать своему старому другу ни одобрения, ни признания.

Перед глазами Два Тростника встают картины прошлого. Он видит лицо Правителя, прекрасное и мудрое, со склоненным назад лбом и большим благородным носом. Он вспоминает события, сотрясавшие его землю полвека тому назад...

Господину Пакалю наследовал его племянник, Правитель Ягуар. Несмотря на грозное имя, он был человеком миролюбивым и благодушным, и почти не вел завоевательных войн. В дни больших праздников к великой пирамиде сгоняли полсотни, в лучшем случае – сотню выловленных в лесу дикарей. Ясно, что такая скрупульность не могла понравиться богам, и они покарали Правителя Ягуара.

Правитель умер, поскользнувшись на ступенях своей купальни. Неудивительно, если учесть, что он был сильно пьян, а телохранители оказались нерасторопны. Их первыми и принесли в жертву – уже на следующее утро.

Городом стал править четырехлетний сын Ягуара, носивший имя Великий Ураган. Пока же Великий Ураган бегал по двору, запуская воздушных змеев, государственные дела взял в свои руки регентский совет, куда вошел и недавно ставший Говорящим с Богами Два Тростника.

В совете было пять человек, и все они были согласны с тем, что боги хотят новых жертв и новой крови. К несчастью, это было единственное, в чем регенты сходились – во всем остальном договориться им не удавалось.

Родственник покойного Ягуара, владетельный Семь Оленей настаивал на том, чтобы ввести новый налог – по ребенку с каждой крестьянской семьи, где насчитывается больше трех детей. Это, по мнению Семь Оленей, значительно увеличило бы количество приносимых в жертву и заодно вселило страх в простолюдинов, которые за последнее время слишком уж расплодились.

Старший Писец Белого Дворца возражал – городу, мол, нужны каждые рабочие руки, крестьян лучше использовать на государственных работах, а в жертву следует приносить лесных дикарей, как это делалось при предыдущем правителе, только в десять раз больше.

«Откуда же их взять в десять раз больше, если при Ягуаре последних выловили? – кричал, брызгая слюной, старый Дождевая Черепаха, один из дядьев Великого Урагана. – Надо идти воевать, захватывать пленников, как это делал Господин Пакаль! И прежде всего надо покончить с Городом Тысячи Попугаев, мерзостью перед лицом богов!»

Двадцать лет назад Дождевая Черепаха прибыл в Город Тысячи Попугаев свататься к дочери местного правителя, Зеленой Ящерке. Второй претендент на руку красавицы, молодой и богатый весельчак, зазвал Черепаху к себе во дворец, до бесчувствия напоил перебродившим соком агавы и велел своим служагам разрисовать тело соперника срамными рисунками, после чего Черепаху голым выгнали из дворца и отправили бродить по улицам города. Эту историю знали все, поэтому стремление Дождевой Черепахи выступить в поход против Города Тысячи Попугаев удивления ни у кого не вызвало.

Войну начинать надо, соглашался могучий и кряжистый военачальник по имени Три Топора. При мягкотелом Ягуаре воины забыли, какой сладкой музыкой звучат крики побежденных, и как приятен дым пылающих вражеских городов. Но Город Тысячи Попугаев – дешевая добыча, там нет ничего, кро-

ме смазливых девок да кактусового вина. Надо идти на восток, на великие города у священных колодцев, на Нефритовый Замок, на Семь Белых Башен! Там сокровища, там склады ломятся от бобов какао, а храмовые хранилища полны нефритовых пластинок и привезенных с далекого юга золотых украшений. Там изнеженные и слабые воины, что выходят на битву в перьях вместо доспехов. Там мы захватим тысячи и тысячи пленных, и ступени великой пирамиды вновь обагрятся жертвенной кровью!

И Три Топора, говоря это, выразительно постукивал по полу рукояткой своей боевой секиры.

Сам же Два Тростника благоразумно помалкивал. Он был тогда самым младшим в регентском совете, и предпочитал слушать, а не говорить.

Пока регенты препирались, на кого из соседей идти войной, война пришла к ним сама. С севера нахлынули орды варваров, жрущих собачатину, и смяли защитников города, как свирепый ветер сметает тростниковую хижину. Три Топора погиб на ступенях дворца, отбиваясь от визжащей толпы варваров. Семь Оленей пытался купить благосклонность завоевателей богатыми дарами, но был убит их вождем. В дверях хранилища свитков пронзили копьем Старшего Писца. Исчез куда-то Дождевая Черепаха. Но Два Тростника варвары тронуть не посмели – когда они поднялись на великую пирамиду, он стоял там, воздев руки к небу, и по лицу его стекали капли жертвенной крови. Перед ним лежало тело четырехлетнего мальчика в богатом платье. У мальчика было вырвано сердце.

Варвары поняли, что Два Тростника принес в жертву самого правителя города, Великого Урагана, и устрашились. Даже они знали, что за такую жертву боги исполняют любую просьбу жреца.

Поэтому вождь варваров не стал сжигать Город Высоких Сейб, и даже не увел его жителей в рабство. Он оставил в горо-

де своего наместника, огромного, пахнущего псиной длинноволосого пьяницу, которого все звали просто Нож, а с ним – две сотни воинов. И повернул на восток, покорять Нефритовый Замок и Семь Белых Башен.

А Два Тростника остался служить богам... и воспитывать юного принца, которого старый Дождевая Черепаха успел спрятать в подземельях великой пирамиды и переодеть. Принц упирался и плакал, когда с него срывали богатые одежды правителя. А крестьянский мальчик, наоборот, радовался, когда его нарядили в прозрачные ткани и перья.

Но Великий Ураган остался жив, а крестьянскому мальчику Два Тростника вырвал сердце.

Десять лет законный правитель города жил при храме как простой слуга. Два Тростника обучал его грамоте и письму, простому и долгому счету, посвящал в тайны календаря и объяснял, как толковать знаки звездного неба. Но когда юноше исполнилось четырнадцать, он попросил у своего наставника разрешения и ушел в лес искать себе новую судьбу.

Великий Ураган вернулся через два года, окрепший и возмущавший. Он носил шкуру ягуара, убитого им в лесу. Он стал славным охотником, а на руках его белели двенадцать шрамов – по одному за каждого убитого им врага.

В Городе Высоких Сейб по-прежнему правили варвары, и даже самый знатный вельможа должен был кланяться самому ничтожному пожирателю собачатины. Великий Ураган сказал своему наставнику, что хочет сбросить власть северян и восстановить прежнюю династию.

Два Тростника пытался убедить его в том, что это невозможно. Варвары сильны, а жители Города Высоких Сейб уже привыкли к их владычеству. В их сердцах нет отваги, и они не станут сражаться с теми, кто поработил их двенадцать лет назад.

Но Великий Ураган не послушал его. Он собрал отряд из двадцати отважных юношей, раскрыл им тайну своего происхожде-

ния и убедил выступить против варваров. Ночью заговорщики ворвались во дворец, в котором некогда родился Великий Ураган, и убили старого пьяницу Ножа.

Слух об этом распространился быстрее, чем пожар в сухом лесу, и Город Высоких Сейб восстал. Оружия у горожан не было, так что варваров убивали, чем придется – серпами, мотыгами, строительными молотками. Половина варваров разбежалась, а сотню захваченных в плен Два Тростника принес в жертву на вершине великой пирамиды.

Но прошел месяц, и вождь варваров привел свою орду к стенам Города Высоких Сейб. На этот раз никто даже не пытался сопротивляться. Горожане в страхе бежали, а тем, кто остался, варвары размозжили головы своими длинными дубинками.

Великий Ураган плакал, глядя, как убивают его людей – людей, которыми он правил всего месяц. Когда стало ясно, что город пал, он со своим отрядом пробился сквозь толпу варваров, свирепый, как защищающая своих детенышей пума, и исчез в лесу.

Два Тростника уцелел и на этот раз, хотя его сильно избили и сбросили с великой пирамиды. Любой другой, скатившись вниз по крутым каменным ступеням, расстался бы с жизнью, но Два Тростника, как видно, хранил его господин, Владыка Севера. Он пришел в себя ночью, когда Болон Окте шагал в звездном небе, высоко подняв хрустальный щит, и стал молиться ему, прося сохранить жизнь Великому Урагану и покарать врагов.

Жрецу казалось, что Владыка ответил, но, возможно, это демоны болезни шептали ему в уши.

Два Тростника болел долго, и не было никого, кто помог бы ему в те дни.

Прошло еще три года, и Великий Ураган вернулся на руины своего города. Он повзрослев и преисполненный мудрости и жестокости. В черных, падавших на плечи волосах его сверкали серебряные нити. С ним было трое уцелевших воинов его отря-

да и старуха, которую они несли на носилках, словно знатную госпожу.

Два Тростника был рад видеть своего воспитанника живым и невредимым, но старуха не понравилась ему с первого взгляда. Она была крючконосая и злобная, на одном глазу у нее было бельмо. И она не говорила на языках людей, а Два Тростника знал их много. Он понимал и язык Семи Белых Башен, и язык жителей южных гор, и даже лающее наречие варваров. Но язык, на котором говорила старуха, был ему неизвестен. В нем было много шипящих, отчего старуха напоминала рассерженную змею. Однако Великий Ураган обращался с ней уважительно, и делал почтительное лицо каждый раз, когда старухе приходило в голову его позвать.

Своему наставнику принц сказал, что старуха – великая колдунья из далекой страны на юге, что лежит за цепью высоких гор, непроходимыми лесами и полными чудовищ болотами. Там, посреди священного озера, стоит немыслимо древний храм, на половину вросший в землю, и в нем живут три старые колдуньи, которых жители той страны называют Сестрами Смерти.

Два Тростника, служивший Владыке Смерти Болон Окте, услышал в этих словах ересь, но спорить с принцем не решился, только спросил, зачем он привел с собой одну из Сестер сюда, на развалины Города Высоких Сейб. И Великий Ураган ответил, что замыслил страшную месть пожирателям собак, которые разрушили его наследное владение и убили его подданных. И что теперь судьба варваров – в руках Сестры Смерти.

На этот раз Великий Ураган не спешил. Он послал своих слуг в разные концы страны, собирая оставшихся в живых жителей Города Высоких Сейб. Всем им он приказывал вернуться туда, где когда-то возвышался его дворец. Прошло полгода, и в город вернулась тысяча человек – в тридцать раз меньше, чем когда-то жило в его стенах.

Едва вернулись последние, Великий Ураган пошел в подземелье, где обитала старуха, и провел там всю ночь. Когда наутро он вышел на дневной свет, в волосах его серебра было больше, чем угля. В руках он держал глиняный кувшинчик, изукрашенный неизвестными письменами. Два Тростника никогда в жизни не видел подобных знаков.

Когда принца спросили, что в кувшине, он ответил – смерть.

А потом велел привести к нему десять девственниц. И это было исполнено.

И каждую девушку отводили в склеп, где стоял кувшинчик, и приказывали заглянуть внутрь. Но кроме девушек, никто не должен был видеть того, что хранилось в кувшине. Говорить же, что они видели, девушкам было запрещено.

А затем Великий Ураган отослал девушек в города, захваченные варварами, где они должны были ублажать пожирателей собачатины и спать с их вождями и командирами. Девушки ушли, и никто больше их не видел.

А сам Великий Ураган сидел в покоях своего разрушенного дворца и принимал своих подданных. Каждому, кто приходил к нему, он возлагал руку на голову и произносил какие-то слова на языке, в котором было много шипящих.

Пришел к нему и Два Тростника, преклонил колени и спросил, что делает его бывший ученик. И Великий Ураган сказал – спасаю свой народ.

И он возложил руку на затылок своему учителю, и Два Тростника почувствовал холода, словно от прикосновения металла. Он осмелился поднять глаза, и увидел между пальцами принца серебристый блеск.

Но больше на его вопросы Великий Ураган не отвечал, только прошептал что-то на чужом наречии. Два Тростника ушел от него, недоумевая. Той ночью он чувствовал себя так хорошо, будто помолодел на двадцать лет, но вскоре забыл об этом – такие страшные события сотрясли землю.

Сначала до его ушей стали доходить слухи – слухи о том, что варвары умирают от какой-то болезни, которую прозвали Веселая Смерть. В заболевших вселялись демоны, и они принимались убивать друг друга с такой охотой, словно это была веселая игра. Родители убивали детей, а дети – родителей. Воины хватались за оружие и начинали резать своих товарищей. Многих убивали ночью, во сне. Некоторые влезали на крыши домов и, хохоча, перерезали себе горло. Те немногие, кого миновала зараза, погибали от руки обезумевших.

Потом Два Тростника увидел это своими глазами. Толпы безумцев, жаждущих крови, выходили из леса и бросались на штурм городских стен. Их были сотни, а может, и тысячи, но маленькая армия Великого Ураганаправлялась с ними без труда – пораженные Веселой Смертью ничего не помнили о дисциплине, и сражались каждый за себя. Какое-то время они пытались ворваться в город, а потом просто обходили его стороной и исчезали в лесу.

Были и те, кому посчастливилось уцелеть и сохранить рассудок. Таких Великий Ураган принимал охотно, но с условием – они преклоняли колени, а принц возлагал им руку на голову. Тех же, кто не соглашался, в город не пускали.

Так прошел год, а потом посланные Великим Ураганом разведчики донесли, что варвары исчезли, будто их никогда и не было. Захваченные ими города обезлюдили, лишь кое-где в лесу жили маленькие общины спасшихся от Веселой Смерти. Страна опустела, на многие дневные переходы вокруг лежали покинутые селения и брошенные города.

Жителей Города Высоких Сейб болезнь обошла стороной – ни один человек из тех, кто становился на колени перед Великим Ураганом, не заболел и не сошел с ума.

Тогда принц вновь спустился в подземелье, где жила старуха, но на этот раз пробыл там недолго. Вернувшись, он объявил,

что Сестра Смерти покинула их навсегда, и велел замуровать подземелье диким камнем. И Два Тростника украдкой вздохнули с облегчением.

С тех пор прошло много лет.

Великому Урагану удалось вновь отстроить Город Высоких Сейб. Он собрал под свою руку общины выживших, и восстановил Семь Белых Башен и Нефритовый Замок. Он поставил наместниками этих городов своих верных воинов, бывших с ним с самого начала, с той ночи, когда заговорщики убили старого пьяницу Ножа.

Он правил долго и справедливо, и самые искусные камнерезы соревновались в мастерстве, покрывая гимнами в его честь стелы из розового и зеленого камня.

А Два Тростника всегда оставался при нем самым доверенным лицом и Говорящим с Богами. Став правителем, бывший ученик жреца не забыл, кому он обязан жизнью.

Но закончилось время, отмерянное богами, и Великий Ураган умер.

Два Тростника омыл его лицо своими слезами и велел лучшим мастерам изготовить большой ящик из зеленого мрамора. На крышке ящика по его приказу вырезали Мировую Сейбу – дерево, пронизывающее собой все три мира. Под ветвями Мировой Сейбы полулежал Великий Ураган, вкушая сладкое звездное молоко.

Почти пять лет мастера трудились над ящиком, и Два Тростника боялся, что не доживет до конца работы.

Но он все жил и жил, словно Болон Окте в насмешку наградил его бессмертием. Под присмотром Два Тростника рабы уложили истлевшие останки правителя в ящик и задвинули тяжелую крышку, после чего воины убили их и остарили в склепе рядом с саркофагом.

И Великий Ураган обрел покой под сводами великой пирамиды.

А потом пришел страшный год, последний год бактуна, год багряной кометы.

Два Тростника надеялся, что он не увидит конца цикла, но этой надежде не суждено было сбыться. И вот настал день, когда он, старый и слабый, вновь стоит на вершине пирамиды, чтобы отвратить от людей гнев своего господина, Болона Окте, Дуновения Смерти.

И нет никого во всем мире, кто мог бы сделать это вместо него.

У Кровавого Стола – какая-то заминка. Вместо того, чтобы растянуть на выпуклом камне очередную жертву, младшие жрецы падают на колени и ползут к ногам дрожащего от нечеловеческого напряжения Два Тростника. Они плачут и стучат головами о гранитные плиты.

С некоторым запозданием Два Тростника понимает, что он только что вырвал сердце последней жертве.

Их было тысяча семьсот, повторяет он себе, не веря. Тысяча семьсот! Я не мог сделать это сам, наверное, мне кто-то помогал...

И тут он понимает, кто ему помогал, и чувствует холод, поднимающийся вверх по позвоночнику. Его тело выгибается и замирает, какнатянутая тетива.

А потом он слышит голос Владыки Севера, похожий на рокот грома в ночном небе. Его не могут заглушить ритуальные барабаны.

Болон Окте говорит, но никто, кроме Два Тростника, не слышит ничего – только далекие грозовые раскаты.

Но все видят, что Говорящий с Богами внемлет своему господину, и боятся, и прячут лица. Жрецы отползают от застывшей в трансе фигуры, тихонько подвывая и расцарапывая себе ногтями щеки.

Проходит много времени, может быть, час, и Два Тростника падает, как подкошенный. Болон Окте вышел из него, и теперь

он снова человек. Его поднимают и осторожно подводят к краю площадки.

Два Тростника воздевает над головой липкие от крови руки.

– Возрадуйтесь, люди! – кричит он. – Ибо бог простил нас! Владыка Севера доволен принесенной жертвой и не станет карать людей сейчас. Он дал нам время – еще три бактуна! Целых три бактуна вы можете жить, рожать детей и возделывать землю! И только по истечении этого срока гнев Болон Окте падет на головы наших правнуков.

Площадь внизу отвечает радостным гулом голосов.

– Но если вы забудете свои обязанности, кара может настичь вас раньше, – сурово предупреждает Два Тростника. – Вы не должны прекращать приносить богам жертвы, ибо кровь им по вкусу!

Толпа согласно воет.

– Я говорю это, потому что мой срок пришел, – продолжает Два Тростника. – Болон Окте требует меня к себе, и вам придется искать другого Говорящего с Богами. Не забывайте же, что я заповедовал, и гнев богов обойдет вас стороной!

Внизу слышны громкие крики разочарования. Два Тростника знает, что людям будет страшно без него, заступника перед Дуновением Смерти, но воля Болон Окте священна. Такова цена за спасение рода человеческого, и, хотя Два Тростника не понимает, почему Владыка Севера бросил на одну чашу весов его ничтожную жизнь, а на другую – жизнь всех прочих людей, ослушаться он не смеет.

К тому же перед смертью ему предстоит исполнить еще один приказ Болон Окте.

Этой же ночью он велит разобрать замурованный диким камнем склеп страшной старухи, которую Великий Ураган привез когда-то из далеких южных земель.

Когда кладку разбирают, двое рабов, первыми перешагнувшие порог, падают замертво, вдохнув смрадный воздух подземелья.

Два Тростника прикладывает к ноздрям тонкую, пропитанную благовониями повязку и, держа в руке факел, спускается вниз.

На последних ступенях лестницы, скорчившись, лежит старуха. Седые космы ее отросли почти до пят, ногти на руках длиною с початки маиса.

Два Тростника понимает, что Великий Ураган приказал замуровать ее в подземелье живьем.

На низком каменном столе стоит простой с виду глиняный кувшинчик. Сверху на нем лежит серебристая фигурка жука с изогнутыми передними лапами.

Два Тростника перешагивает через высохший труп старухи и осторожно берет в руки кувшин и фигурку. Скрюченные болезнью пальцы болят неимоверно, но он держит свою ношу крепко. Он знает, что если уронит ее, мир погибнет гораздо раньше отпущенного ему богами срока.

Прижимая к груди кувшинчик и жука, Два Тростника, хрипя от боли в суставах, взбирается обратно по лестнице. Когда он выходит из склепа, жрецы бросаются помочь ему, но он отгоняет их гневным движением руки.

Никто не должен прикасаться к нему.

Дальше все происходит, словно во сне. Взяв с собой двух самых сильных воинов, Два Тростника спускается в подземный лабиринт под великой пирамидой. В этих коридорах можно плутать бесконечно, но Два Тростника сам начертил на стенах тайные знаки, и без труда находит дорогу. В конце концов он оказывается у каменной двери, закрывающей вход в гробницу правителя.

Воины открывают двери и зажигают факелы на стенах, украшенных фресками. Их отблески играют на зеленой мраморной крышке, на которой изображен Великий Ураган, вкушающий звездное молоко.

Два Тростника приказывает отодвинуть крышку.

От Великого Урагана остались одни кости, завернутые в дорогие ткани. Пожелтевший череп скалится приветливой улыбкой.

Теперь приходит черед самого главного. Того, о чём говорил ему Болон Окте.

Два Тростника забирает у одного из воинов факел, и, недовольно ворча, растапливает на его огне шар пчелиного воска. Воск капает на кувшинчик, покрывая его неровным желтым слоем. Два Тростника достает золотую палочку и пишет на воске один-единственный иероглиф. Потом он погружает в мягкий еще воск серебристую фигурку жука. Теперь кувшинчик надежно запечатан.

Когда придет срок, отпущенный Владыкой Севера, печать будет сорвана, и смерть, таящаяся в кувшине, вырвется наружу.

Но это будет еще не скоро, спустя три бактуна.

Дело сделано, и Два Тростника чувствует себя опустошенным и легким. Он велит воинам вернуть крышку на место, стать на колени и закрыть глаза.

Воины догадываются, что их ждет, но не смеют ослушаться Говорящего с Богами.

Уколы обсидианового ножа точны и милосердны. Густая кровь обагряет плиты подземной усыпальницы.

Совершив это последнее в своей жизни жертвоприношение, Два Тростника ложится рядом с саркофагом, подтягивает ноги к животу и закрывает глаза.

Его господин, Болон Окте, ждет своего верного слугу в небесных чертогах.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ Бриг «Устрица»	3
ГЛАВА ВТОРАЯ Паруса и пушки	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Сабли и ножи	30
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Черный флаг	42
ГЛАВА ПЯТАЯ Повелитель Тортуги	55
ГЛАВА ШЕСТАЯ Отец и дочь	69
ГЛАВА СЕДЬМАЯ Бегство и волшебство	82
ГЛАВА ВОСЬМАЯ Любовь и предательство	97
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Золото и авантюристка	110

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Прозрачный человек	125
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Осторов демона	138
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Стихи и смерть	152
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ Дельфин и порох	164
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Счастливый клинок	177
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ Герой Британии	193
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ Подвиг и расплата	206
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ Надежда и спасение	220
ЭПИЛОГ Новые встречи	236

Армагеддон

Имя	Ростислав
Отчество	Кириллович
Фамилия	Шибанов
Время действия	2012 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Поместье Неверленд
Локация	Калифорния, Соединенные Штаты Америки
Предмет	Скорпион
Дар	Удача
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Сомнамбула²

Имя

Максим

Фамилия

Верховцев

Время действия

2469 год н.э.

Возраст

23 года

Адрес

База организации «Армия Пробуждения»

Локация

Гляциосфера Урана

Предмет

Лев

Дар

Отвага

Сайт

www.etnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимировская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская плошадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская плошадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская плошадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Агиовский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Игорь Пронин

ПИРАТЫ

Книга первая

Остров Демона

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Антон Нелихов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 13.08.10 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа ACT

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32